

№ 2, 2025
Volume 2, 2025

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT.INNOVATIONS.INVESTMENTS

ГОСТЬ НОМЕРА

Е. Б. Ленчук
Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УПРАВЛЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

GUEST OF VOLUME

E. B. Lenchuk
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE ROLE OF THE STATE IN MANAGING SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT: FROM THEORY TO PRACTICE

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

Журнал основан в 2008 году

Учредитель:
**федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Периодичность издания: 6 номеров в год.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

В Перечне ВАК РФ журнал имеет категорию К2.

Журнал входит в список рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Ученым советом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук.

Журнал архивируется в РГБ, eLIBRARY.RU, НЭБ «КиберЛенинка», ЭБС «Лань» и Znanium, НЦР «Рукопт», на Национальной платформе периодических научных изданий РЦНИ, индексируется в РИНЦ, Crossref, DOAJ, Google Scholar, ВИНИТИ РАН, в системе «Российские научные журналы» на портале РИЭПП.

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется разработками Комитета по публикационной этике (Committee on Publication Ethics (COPE)), Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Journal appeared in 2008

**Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»**

Journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-63471, 30.10.2015.

Publication frequency: 6 issues per year.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following journal headings are accepted for publication:

Economic Sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical Sciences

The subject of the articles are topical issues in the field of ontology and theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

In the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, the journal has a category K2.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University for publication of the main scientific results of theses for the degree of Candidate and Doctor of Economic Sciences.

The journal is archived in the Russian State Library, eLIBRARY.RU, NEB «Cyberleninka», EBS «LAN» and Znanium, NCR «Rucont», RCSI Journals Platform, indexed in Science Index, Crossref, DOAJ, Google Scholar, VINITI RAS, in the Russian Scientific Journals system on the RIEPL portal.

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

In its activities, the editorial board is guided by the developments of the Committee on Publication Ethics (COPE), the Declaration of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) «Ethical Principles of Scientific Publications».

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН, ректор,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, декан факультета бизнеса и управления, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры учета и аудита, логистики и менеджмента, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б.С., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Корзев Збигнев, д-р экон. наук, заместитель декана факультета экономики и управления по научной работе, профессор, заместитель заведующего кафедрой учета и финансов, Белостокский технологический университет, Белосток, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, профессор, профессор базовой кафедры торговой политики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Нурланова Н.К., д-р экон. наук, профессор, заместитель директора, заведующий Центром территориального развития, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Панков Д.А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христаускас Чесловас, профессор, Каунасский университет прикладных наук, Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, директор института, Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Сель Николая, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В.А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховадинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, ВРИО Первого заместителя директора по научной работе, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, и.о. декана транспортно-энергетического факультета, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Пашкевич Антон, д-р техн. наук, доцент, профессор департамента транспортных систем, Краковский политехнический университет имени Тадеуша Костюшко, Краков, Польша

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, экономики и предпринимательства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, директор Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Панкова С. В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Суглобов А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель Всероссийского научно-исследовательского института организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, доцент, заместитель директора филиала, заведующий кафедрой цифровой экономики и логистики, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Анкин Д. В., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Коломиец Г. Г., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Косиченко А. Г., д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Лойко А. И., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук и молодежной политики, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Аземша С. А., канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой «Управление автомобильными перевозками и дорожным движением», Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Республика Беларусь

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Цифровые технологии управления транспортными процессами», Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и систем, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой техносферной безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences,
Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Business and Management, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vegera S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Accounting and Auditing, Logistics and Management, Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Management, Economy and Finance, Bialystok University of Technology, Bialystok, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Basic Department of Trade Policy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Head of the Territorial Development Center, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Popova E.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Professor, Kaunas University of Applied Sciences, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Production Potential and Intersectoral Interactions, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Acting First Deputy Director for Research, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Transport and Energy, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Pashkevich Anton, Ph. D., Assistant Professor, Professor of the Department of Transportation Systems, Politechnika Krakowska, Krakow, Poland

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Economics and Entrepreneurship, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyyuk N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Institute for the Development of Economics and New Competencies of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Director of the Research Institute for Economic Development and New Competences of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Finance, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Pankova S. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Suglobov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the All-Russian Scientific Institute for Organization of Production, Labor and Management in Agriculture- the branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories-All-Russian Research Institute of Agriculture», Moscow, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Production Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

Yumatov A.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the branch, Head of the Department of Digital Economy and Logistics, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Ankin D. V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Apollonov I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culture and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kolomiets G. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kosichenko A. G., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Loiko A. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophical Studies», Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Maksimov A.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

Fedyayev D.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Azemsha S. A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport and Traffic Management, Belarusian State University of Transport, Gomel, Republic of Belarus

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department «Digital Technologies of Transport Process Management», Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

Е. Б. Ленчук

Роль государства в управлении научно-технологическим развитием: от теории к практике11

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. В. Вахтуров

Индикаторная оценка качества государственного регулирования финансовой системы23

В. В. Кабанов

Структурные изменения механизма управления устойчивым развитием организации31

А. К. Кайдашова

Алгоритм выявления «точек роста» при формировании стратегий развития территорий44

В. В. Попов

Методика экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности государства52

ТРАНСПОРТ

**И. Е. Ильина, Е. Е. Витвицкий,
К. А. Перекусихина, В. И. Рассоха**

Определение потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителями с учетом человеческого фактора64

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Т. В. Борисова, В. О. Шелекета, А. А. Шестаков

Феномен региональной философской школы: опыт осмысления деятельности В. Н. Борисова75

С. Д. Лобанов

О бытии88

А. Н. Минченко

Культурный разрыв в информационную эпоху: от утраты объективных оснований к репрезентации «конструируемого феномена»100

Я. В. Парусимова

Практическая этика в структуре философского знания113

Ю. Г. Седов

Генезис идеи эгологии в русской философии123

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

E. B. Lenchuk

The role of the state in managing scientific and technological development: from theory to practice11

ECONOMICAL SCIENCES

E. V. Vakhturov

Indicator assessment of the quality of state regulation of the financial system23

V. V. Kabanov

Structural changes in the mechanism for managing the sustainable development of an organization31

A. K. Kaidashova

Algorithm for identifying «growth points» in the formation of territorial development strategies44

V. V. Popov

Methodology of economic and statistical analysis of the state of economic security of the state52

TRANSPORT

I. E. Ilyina, E. E. Vitvitsky, K. A. Perekusikhina,

V. I. Rassokha

Identification of potential accident concentrations due to traffic violations by drivers, taking into account the human factor64

PHILOSOPHICAL SCIENCES

T. V. Borisova, V. O. Sheleketa, A. A. Shestakov

Phenomenon of a regional philosophical school: experience in understanding the activities of V. N. Borisov75

S. D. Lobanov

About Being88

A. N. Minchenko

Cultural gap in the information age: from the loss of objective foundations to the representation of the «constructed phenomenon»100

Ya. V. Parusimova

Practical Ethics in the Structure of Philosophical Knowledge113

Yu. G. Sedov

Genesis of the idea of egology in Russian philosophy123

ГОСТЬ НОМЕРА

Научная статья
УДК 338.24

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-11>

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УПРАВЛЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Е. Б. Ленчук

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
e-mail: lenalenchuk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов в экономической теории на роль государства в обеспечении научно-технологического развития, которые видоизменяются под воздействием возрастающих неопределенностей, связанных с ускорением научно-технологического прогресса и технологической конкуренцией, изменяющихся геополитических условий, усилением курса на технологический суверенитет. Раскрыты новые функции государства в процессе технологического развития на современном этапе, которые формируют новые контуры государственных политик в данной сфере в странах технологических лидерах. Обоснована важность учета современных трендов участия государства в сфере научно-технологического развития для России, которая возрастает

в условиях внешних ограничений и сложившейся высокой технологической зависимости. Проведен анализ основных стратегических решений на государственном уровне, касающихся укрепления технологической независимости и обеспечения технологического суверенитета в стране, принятых в последние три года, выявлены их положительные стороны и ограничения. На основе проведенного анализа аргументирована необходимость акцентированного внимания на таких важнейших направлениях государственной научно-технологической политики, как целеполагание, в основе которого должны лежать качественные долгосрочные прогнозы научно-технологического развития; формирование научно-технологических приоритетов, которые должны определяться в единстве с общими целями социально-экономического развития страны; укрепление программных и проектных подходов в управлении научно-технологическим развитием на основе перехода к практике реализации проектов технологического суверенитета и технологического лидерства; укрепление научно-технологического потенциала. Обозначенные направления позволят повысить эффективность государственной научно-технологической политики и вклад научно-технологического фактора в устойчивое развитие российской экономики.

Ключевые слова: государственная политика в научно-технологической сфере, национальная инновационная система, технологический суверенитет, технологическое лидерство, целеполагание, проекты технологического суверенитета.

Для цитирования: Ленчук Е. Б. Роль государства в управлении научно-технологическим развитием: от теории к практике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 11–22. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-11>.

THE ROLE OF THE STATE IN MANAGING SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT: FROM THEORY TO PRACTICE

E. B. Lenchuk

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: lenalenchuk@yandex.ru

Abstract. *The article examines the evolution of views in economic theory on the role of the state in ensuring scientific and technological development, which are modified under the influence of increasing uncertainties associated with the acceleration of scientific and technological progress and technological competition, changing geopolitical conditions, and strengthening the course on technological sovereignty. New functions of the state in the process of technological development at the present stage are revealed, which form new contours of state policies in this area in the technological leaders. The importance of taking into account modern trends in state participation in the sphere of scientific and technological development for Russia, which is growing in the context of external restrictions and the current high technological dependence, is substantiated. The analysis of the main strategic decisions at the state level concerning strengthening technological independence and ensuring technological sovereignty in the country, adopted in the last three years, is carried out, their positive aspects and limitations are identified. Based on the analysis, the need for focused attention on such key areas of state scientific and technological policy as goal-setting, which should be based on high-quality long-term forecasts of scientific and technological development; the formation of scientific and technological priorities, which should be determined in unity with the general goals of the socio-economic development of the country; strengthening of program and project approaches in the management of scientific and technological development based on the transition to the practice of implementing projects of technological sovereignty and technological leadership; strengthening of scientific and technological potential is substantiated. The designated areas will improve the effectiveness of the state scientific and technological policy and the contribution of the scientific and technological factor to the sustainable development of the Russian economy.*

Key words: *state policy in the scientific and technological sphere, national innovation system, technological sovereignty, technological leadership, goal setting, technological sovereignty projects.*

Cite as: Lenchuk, E. B. (2025) [The role of the state in managing scientific and technological development: from theory to practice]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. C. 11–22. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-11>.

Введение

Современное общество стоит перед необходимостью постоянного поиска ответов на быстро растущее число глобальных вызовов, связанных с обострением геополитической обстановки, демографическими изменениями, экологическими и климатическими проблемами, опасностями возникновения новых пандемий, динамично развивающимся научно-техническим прогрессом, стремительно изменяющим структуру и технологический базис мировой экономики. Причем научно-технологические вызовы имеют особое ключевое значение, поскольку именно развитие и освоение новых передовых технологий в значительной мере позволяет найти ответы на все другие текущие вызовы, что способствует повышению уровня национальной безопасности и устойчивого развития экономики.

Борьба за технологическое доминирование сегодня

приобретает особое значение. Это связано с тем, что новые технологии формируют новые рынки, превращаясь в фактор глобального роста. По оценкам ЮНКТАД, к 2030 г. масштабы этих рынков могут достичь 9,5 трлн долл. [4] Несомненно, в выигрыше будут те страны, которые сумеют захватить большую долю этого рынка, приносящего огромные прибыли.

Это понимают сегодня многие страны. В частности, в одном из недавно принятых нормативно-правовых документов в США, касающихся как раз разработки новых перспективных технологий, записано: «Страна, которая выиграет гонку в ключевых технологиях, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления, передовые производства и используют технологические инновации для поддержания высокотехнологических рабочих мест и доходов, станет сверхдержавой будущего»¹. В зоне особого внимания сегодня

¹ S.1260 – Endless Frontier Act A Bill. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-117s1260is/pdf/BILLS-117s1260is.pdf> (accessed: 04.03.2025).

ня находятся цифровые технологии, искусственный интеллект, «зеленые технологии», энергосберегающие технологии, биотехнологии и т. п.

Усиление конкурентной борьбы в научно-технологической сфере и масштаб влияния научно-технологического фактора на экономическое развитие принципиально меняет роль государственного участия в этом процессе. Успех дела сегодня во многом зависит не столько от деятельности крупных технологических компаний, сколько от активности действий государства, его способности выстроить эффективную научно-технологическую политику, определить важнейшие приоритеты научно-технологического развития, прежде всего соответствующие национальным целям развития, выстроить под эти цели характерную национальную инновационную систему. Актуальность этих вопросов потребовала дополнительных исследований, которые легли в основу данной статьи.

Эволюция взглядов на роль государства в научно-технологическом развитии

В теоретическом плане роль государства и бизнеса в научно-технологическом и инновационном развитии в условиях рыночной экономики были довольно четко определены и обоснованы в работах целой плеяды замечательных ученых-исследователей 20 в., прежде всего в работах в сфере теории инноваций, национальных инновационных систем, среди которых Й. Шумпетер, К. Фримен, Бенгт Оке Лундвалл, Ричард Нельсон и многие др. [12; 13; 14; 15].

Центральными вопросами их исследований были вопросы формирования национальных инновационных систем. В частности, Р. Нельсон акцентировал свое внимание на вопросах государственной научно-технологической политики, ее возможностей и ограничений в современных национальных инновационных системах. Он указывал на особые свойства научно-технологического прогресса, которые делают невозможным жесткое централизованное управление и планирование. При высокой неопределенности, которую порождает научно-технологический прогресс, всегда существуют альтернативы для выбора наиболее перспективных направлений для исследований. Достичь консенсуса среди экспертов невозможно. Поэтому механизм свободного рынка гораздо лучше, чем административное планирование, обеспечивает многочисленные источники и инициативы, конкуренцию и перераспределения ресурсов. Именно такая модель инновационного развития дает наиболее впечатляющие результаты [15].

В наиболее простом виде такая модель, описывающая взаимодействие элементов НИС, может быть представлена в следующем виде. Роль частного сек-

тора – создание технологий на основе собственных исследований и разработок и рыночное освоение инноваций. Роль государства в такой модели выражается в содействии производству фундаментальных знаний и стратегических технологий оборонного характера, а также создание инфраструктуры и благоприятного институционального климата для инновационной деятельности частных компаний [5; 14].

Это предопределило позицию многих исследователей конца XX в.– начала XXI в. о необходимости ограниченного вмешательства государства в решение проблем научно-технического и инновационного развития, сформировавшуюся на основе противопоставления возможностей динамично развивающегося и конкурентоспособного частного сектора и медлительного, скованного бюрократией инерционного государственного сектора.

Вместе с тем, дискуссия о провальной роли государства в решении научно-технологического развития в последнее десятилетие стала все больше смещаться к переоценке роли государства и его значимости в формировании эффективной научно-технологической политики. Во многом это стало связано с ускоряющимися процессами научно-технологического развития, высокой неопределенностью, порождаемой быстрой сменой научно-технологических трендов, сложностью оценки новых рынков, которые все в большей мере требуют стратегического видения перспектив и определения направлений научно-технологического развития. Способность справляться с такой неопределенностью для бизнеса становится явно недостаточной. При этом нельзя не отметить, что происходящие структурно-технологические сдвиги требуют привлечения все больших финансовых средств, которые становятся не под силу частным компаниям.

В последние десятилетия стало появляться большое количество теоретических исследований в направлении переосмысления современной роли государства в условиях новых научно-технологических вызовов. Как отмечает О. Г. Голиченко, «понятие роли государства трансформируется – к функции создания и регулировки «правил игры» акторов НИС добавляется функция непосредственного участника, в качестве партнера, координатора и стейкхолдера» [3, с. 99].

Тезис о возрастающей роли государства и его предпринимательских функциях в научно-технологической сфере развивает в своих работах и М. Маццукато. Она доказывает, что без активной роли государства «у нас нет шансов на то, чтобы справиться со структурными вызовами XXI века или запустить технологические и организационные изменения, необходимые для долгосрочного устойчивого и справедливого роста» [8].

В частности, на большом эмпирическом материале она показывает, что большинство радикальных инноваций в XX–XXI веке, от железных дорог до Интернета, современных нанотехнологий и фармацевтики стали возможны при капиталоемких «предпринимательских» инвестициях государства, т. е. стали возможными благодаря «видимой» руке Государства.

Это заставляет перевести дискуссию в плоскость обсуждения роли государства, как предпринимателя, которое в современных условиях высокой неопределенности играет визионерскую и стратегическую роль, беря на себя все риски развития и реформирования и создания новых рынков в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Именно государство, выступающее как ключевой инвестор и катализатор, подталкивает частный бизнес действовать и распространять знания в желаемом направлении. Таким образом, в экономике знаний Государство может быть не только проводником новых знаний, но и активным их создателем [8].

Новые тренды государственного управления научно-технологическим развитием

Высказанные выше положения не стоит трактовать так, что государство способно заменить деятельность крупных технологических компаний и быстро развивающегося среднего и малого инновационного бизнеса. В условиях возрастающей технологической конкуренции на мировой арене, когда технологическое лидерство в передовых технологиях становится не только залогом процветания, но и обеспечения национальной безопасности, у государства появляются качественно новые функции в управлении научно-

технологическим развитием: укрепление технологического суверенитета и технологической конкурентоспособности. Речь идет о возрастании роли государства в стратегическом видении развития своей страны, выработке общего экономического курса в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Важнейшими направлениями здесь становятся совершенствование процесса целеполагания, «выведение его на новый качественный уровень, укрепление стратегических, программных и проектных подходов в научно-технологическом развитии [7, с. 224]. Акценты смещаются в сферу развития перспективных технологий четвертой промышленной революции и активное их использование в решении задач перехода экономики на новый технологический базис.

Сегодня можно наблюдать как страны-технологические лидеры идут именно по этому пути, сознательно укрепляя технологическую независимость в ключевых направлениях научно-технологического прогресса в целях повышения конкурентоспособности своих экономик. Для этого они формируют стратегические ориентиры развития в рамках утверждаемых нормативно-правовых документов, национальных стратегий, программ и дорожных карт, увеличивая масштаб инвестиций в приоритетные области научно-технологического развития, подстраивая под эти цели и задачи институциональную среду, укрепляя интеллектуальный потенциал. В частности, новые инициативы со стороны государства в укреплении научно-технологического вектора развития, направленного на повышение технологического суверенитета Китая, США и ЕС отражены в таблице 1.

Таблица 1. Новые государственные инициативы по укреплению научно-технологического суверенитета в странах – технологических лидерах

Страны	Инициативы
США	<ul style="list-style-type: none"> – Закон о чипах и науке (2022 г., 53 млрд долл. до 2030 г.) – Закон о бескрайних границах (2021, 112 млрд долл. на 2022–2026 гг.) – Президентские указы: об американских цепочках поставок (2021); об инвестициях в сфере критических технологий в страны риска (2024) – Индо-Тихоокеанская экономическая основа для процветания
ЕС	<ul style="list-style-type: none"> – Next Generation EU (2022, общий объем инвестиций 648 млрд евро) – Промышленный план «Зеленый курс» (2023, 250 млрд евро до 2050 г.) – Платформа стратегических технологий для ЕС (2024 г., 160 млрд евро) – Новая европейская инновационная повестка дня (2022) – Закон о чипах для Европы (2023, 23 млрд евро до 2030 г.)
Китай	<ul style="list-style-type: none"> – Стратегия двойной циркуляции (2020 г., ежегодные бюджетные вложения до 248 млрд долл. или 1,5% ВВП) – Инициатива «Пояс и путь» (2013 г., совокупные вложения на конец 2023 г. – 1 трлн долл.) – Инициатива «Сделано в Китае 2025» – XIV Пятилетний план экономического развития (2021–2025)

Источник: составлено автором на основе работ [10; 16]

Именно государство помогает субъектам хозяйственной деятельности сориентироваться в многообразии возможных технологических траекторий, вовремя принять правильные инвестиционные решения, поднимая тем самым конкурентоспособность национальной экономики [2]. При этом все чаще государство берет на себя роль инвестора разработки и внедрения важнейших ключевых технологий, порой идя на беспрецедентные бюджетные вливания в те отрасли и технологии, которые считаются важными для обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности [10].

Так, довольно показателен опыт КНР в реализации программы «Сделано в Китае 2025», которая предусматривала государственные дотации промышленным предприятиям, общий размер которых экспертами оценивался в сотни миллиардов долларов. «Субсидии выделялись на разные цели: финансирование ИР в существующих корпоративных лабораториях; создание 40 новых отраслевых научно-инженерных центров и институтов; содействие в приобретении западных технологий, снижение налогообложения высокотехнологичных компаний и т. д. <...> Кроме того, был утвержден список компаний (частных и с госучастием), получивших право на государственную поддержку в приоритетном порядке, в качестве отраслевых лидеров или будущих национальных чемпионов» [6]. Благодаря такой серьезной государственной поддержке Китай реализовал целый ряд важных высокотехнологичных проектов и сформировал крупнейший потенциал для наукоемких отраслей промышленности.

Для стран технологических лидеров характерны и показательны растущие государственные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Хотя доля государственных расходов во внутренних затратах на исследования и разработки в странах – технологических лидерах составляет порядка 30–50%, их объемы достаточно высоки. Ассигнования на НИОКР из средств государственного бюджета в 2022 г. составляли в КНР – 268,7 млрд долл., США – 186,8 млрд долл., Японии – 99,8 млрд долл., в то время как в России – 46 млрд долл.² Значительная часть бюджетных ассигнований идет преимущественно на реализацию стратегий, программ и дорожных карт по развитию технологий искусственного интеллекта, квантовых вычислений, микроэлектроники и т. п., которые будут определять конкурентные преимущества той или иной экономики страны уже в ближайшее десятилетие.

Предпосылки активизации роли государства в управлении научно-технологическим развитием в России

Обозначенные тренды расширения роли государства в ускорении научно-технологического развития стран технологических лидеров сегодня крайне важны и для российской практики. За последние тридцать лет России не удалось сформировать эффективно действующий научно-технологический комплекс, способный стать драйвером устойчивого и динамичного экономического роста. За годы рыночных трансформаций и реализации установок «Вашингтонского консенсуса» российская экономика перешла на ресурсный тип развития, что предопределило падение конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках, в том числе высокотехнологичных, привело к росту импортозависимости в сфере технологий. Не секрет, что накануне 2022 г. в ряде отраслей импортозависимость достигала 60–90%.

Особо критично такая зависимость стала ощущаться после 2022 года. Западные санкции, ограничившие доступ России к технологиям, высокотехнологичному оборудованию, по сути, лишили страну важнейшего драйвера экономического роста – доступа к технологиям, обеспечивающим рост производительности труда. И сегодня, чтобы создать в стране конкурентоспособную экономику, необходимо сделать рывок в технологическом развитии, обеспечить технологическую независимость страны, даже несмотря на сложные условия и ограничения, которые создают санкционные ограничения. Такая задача, по сути, переходит в плоскость обеспечения национальной безопасности, а ее решение возможно лишь в рамках эффективной государственной политики, выстраивающей собственный вектор научно-технологического развития, направленный на обеспечение технологического суверенитета.

Не вдаваясь в общую дискуссию по поводу определения основного содержания категории «технологический суверенитет», которая активно ведется сегодня в научных кругах, отметим, что прежде всего это понятие мы связываем со способностью разрабатывать и производить важнейшие ключевые критические и сквозные технологии собственными силами, которые позволяют функционировать экономике в нормальном режиме и реализовывать поставленные стратегические национальные цели.

Формируемый вектор развития, направленный на обеспечение технологического суверенитета, в первую очередь предполагает структурную перестройку

² Наука, технологии и инновации России: 2024 г. – М., ИПРАН РАН, 2024, С. 94.

и технологическую модернизацию экономики страны на базе собственных разработок и технологий. В этой связи меняются направления, цели и задачи формируемой научно-технологической политики.

Нельзя не отметить, что российское правительст-

во, осознавая важность укрепления технологической независимости, в последние три года приняло целый ряд важных программных и нормативно-правовых документов в сфере научно-технологического развития, основные из которых представлены в таблице 2.

Таблица 2. Нормативно-правовые документы в сфере научно-технологического развития, принятые в 2022–2024 гг.

Наименование документа	Нормативный акт
Национальный проект «Наука и университеты»	Указы Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 и от 21.07.2020 г. № 474
Концепция технологического развития на период до 2030 года	распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р
Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации	постановление Правительства РФ от 15.04.2023 г. № 603
Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации	Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145
О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года	Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309
Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий	Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529
Закон о технологической политике в Российской Федерации	Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 523-ФЗ

Источник: составлено автором

В рамках перечисленных документов обозначены основные цели и ключевые задачи обеспечения научно-технологического суверенитета, основные приоритеты, целевые показатели, инструменты и механизмы их достижения. В последних документах по некоторым направлениям заявлена более амбициозная цель научно-технологического развития – достижение технологического лидерства.

В качестве основных направлений технологического суверенитета и технологического лидерства выступают критические и сквозные технологии. В соответствии с принятыми нормативными документами к критическим технологиям отнесены «отраслевые технологии, критически необходимые для производства важнейших видов высокотехнологичной продукции и создания высокотехнологичных сервисов». Такие технологии имеют системное значение для экономики и решения социально-экономических за-

дач и обороны страны»³. Сквозные технологии – это «перспективные технологии межотраслевого значения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и способствуя формированию новых рынков»⁴.

Для скорейшего освоения критических и сквозных технологий предполагается перейти к реализации проектов технологического суверенитета и технологического лидерства, для которых государством создается специальный преференциальный режим и формируются специальные меры поддержки. Так, в целях реализации цели «Технологическое лидерство», сформулированной в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309, в начале 2025 г. были представлены девять национальных проектов технологического лидерства по следующим направлениям (См. таблицу 3).

³ Концепция технологического развития на период до 2030 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OlbBp18F.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

⁴ Там же.

Таблица 3. Перечень национальных проектов на 2025–2030 гг., направленных на достижение технологического лидерства России

Название национального проекта	Планируемый объем финансирования в 2025 г. в млрд руб.
1. Новые атомные энергетические технологии	30,08
2. Развитие космической деятельности Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.	10,00
3. Промышленное обеспечение транспортной мобильности	169,69
4. Беспилотные авиационные системы	34,23
5. Средства производства и автоматизации	52,15
6. Экономика данных и цифровая трансформация государства	134,65
7. Новые материалы и химия	9,43
8. Новые технологии сбережения здоровья	5,74
9. Технологическое обеспечение продовольственной безопасности	14,62

Источник: составлено автором на основе Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (дата обращения: 04.03.2025)

Разработку таких проектов следует рассматривать как важный шаг со стороны государства в поддержке научно-технологического развития страны, снижении импортозависимости и формировании устойчивого долгосрочного спроса на высокотехнологичную продукцию. Правительство РФ планирует до 2030 г. направить на финансирование этих проектов около 3 трлн руб.

Новые подходы в формировании государственной политики в сфере научно-технологического развития

Реализация курса на технологический суверенитет и технологическое лидерство предъявляет новые требования к реализуемой государственной политике в сфере научно-технологического развития. На некоторых важных моментах такой политики следует остановиться подробнее.

Прежде всего в центре внимания остается вопрос совершенствования *целеполагания* в научно-технологической сфере. Он может быть решен только в контексте выстраивания общей системы стратегического планирования, которая до сих пор окончательно не сложилась и не превратилась в неотъемлемый инструмент государственного управления. Принимаемые стратегические и программные документы зачастую не согласованы, имеют разные цели, задачи и целевые показатели, в свою очередь это приводит к разнонаправленности управленческих решений и распылению государственных средств [11, с. 77].

Чрезвычайно важно, чтобы процесс целеполагания и выбор научно-технологических приоритетов опирался на качественные прогнозы и форсайтные исследования, которые позволят более точно определить перечень критически важных для страны технологий и направлений научно-технологического развития. Такой механизм формирования стратегических целей на базе прогнозов предусмотрен в «Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ», утвержденных в 2021 г. Однако последний долгосрочный Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации был разработан более 10 лет назад, а работа над новым Прогнозом пока не началась.

В условиях растущей неопределенности, связанной как с динамичной сменой ключевых технологий, так и изменяющейся геополитической обстановкой, современная система научно-технологических приоритетов должна базироваться на сценарных условиях, учитывающих не только современные тренды в научно-технологической сфере, но и в политической, экономической, социальной, оценивающих возможности их реализации со стороны ресурсного обеспечения.

Причем научно-технологические приоритеты должны быть увязаны с общей экономической ориентацией развития страны и быть направлены «на решение уже сформулированных стратегических целей и задач национального развития в долго- и среднесрочной перспективе, а также способствовать их уточнению» [9; 7]. Тем не менее, в реальной практике

увязка научно-технологических приоритетов с общими целями социально-экономического развития во многом тормозится отсутствием Стратегии социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу, определяющую общее видение формируемой модели развития, ориентированной на вывод российской экономики на качественно новый уровень за счет масштабной и структурно-технологической модернизации.

Сегодня такую стратегию подменяют Указы Президента РФ, определяющие национальные цели развития. Не подвергая сомнению актуальность поставленных национальных целей, в то же время следует отметить, что такие цели не формируют общий контур модели развития, а лишь определяют отдельные ее направления.

Гармонизация научно-технологических приоритетов со структурной и экономической политикой в целом предопределяется новыми условиями, связанными с введением внешних ограничений по доступу к новым технологиям и высокотехнологичному оборудованию, в рамках которых растет необходимость формирования собственных производственных цепочек и ориентации научных разработок на нужды собственного реального сектора. Главной задачей становится «экономизация технологий»⁵. В таких условиях на первый план выходит задача формирования единой промышленно-технологической политики, обеспечивающей производственные процессы собственными научными и технологическими разработками.

Возвращаясь к рассмотрению новых контуров государственной политики в сфере научно-технологического развития, нельзя не отметить взятый курс на реализацию проектов полного инновационного цикла на основе разработки проектов технологического суверенитета. Речь идет о крупнейших проектах в сфере критических технологий с общим объемом финансирования свыше 10 млрд руб., с выходом на серийное производство высокотехнологичной продукции, имеющей системное значение для функционирования национальной экономики. В период 2023–2024 гг. в реестре ВЭБа, который осуществляет администрирование таких проектов, было 43 проекта на общую сумму 1,034 трлн руб.⁶

Однако запуск проектов технологического суверенитета только начался, и еще предстоит отработать для них эффективный механизм формирования и ре-

ализации, уточнить их содержательную направленность. Хотя Постановление Правительства РФ № 603 определяет перечень технологий для таких проектов, генезис их формирования пока не до конца ясен [11, с. 82]. Также дальнейшей проработки требует механизм финансирования таких проектов. Наряду с выделением бюджетного финансирования государством, в инвестирование таких проектов должен активно включиться частный бизнес. В этой связи перед государством встает задача формирования системы стимулирующих и инструментов привлечения частных инвестиций в реализацию проектов технологического суверенитета.

Акцент на собственные разработки в рамках политики технологического суверенитета и технологического лидерства предъявляет особые требования к работе научно-технологического комплекса как единого целого. Следует отметить, что в ходе рыночных трансформаций были разрушены отдельные звенья цепи «наука – производство», что привело к их «разомкнутости» [1]. Прежде всего, речь идет о разрушении прикладной науки, обеспечивающей продвижение научных разработок в производство. В этой связи перед государством стоит задача сформировать целостную систему организации научных исследований, прикладных разработок, инновационной деятельности в увязке с производственной деятельностью, и важнейшим ее направлением становится восстановление институтов прикладной науки.

Взятый более пятнадцати лет назад курс на развитие прикладной науки в высших учебных заведениях ощутимых результатов не дал. Лишь немногие из них обладают экспериментальной базой и кадровым потенциалом, позволяющим проводить разработки на высоком уровне. Основной потенциал прикладной науки сегодня сконцентрирован в сорока четырех Государственных научных центрах. В 2023 г. их доля во всех затратах по стране на прикладные исследования и разработки составляет 18%⁷. Однако деятельность таких научных центров пока слабо вписана в процесс разработки и реализации проектов технологического суверенитета.

Более активную роль в этом направлении играют крупные госкорпорации и компании с госучастием. В настоящее время 57 таких компаний реализуют свои программы инновационного развития, целью которых является активизация инновационной дея-

⁵ Совещания, заседания, рабочие встречи // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/page/44> (дата обращения: 04.03.2025).

⁶ Кошкина Ю., Мордовина М. Суверенитет вместо депозита // РБК. – <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/12/24/676957189a79472324e79917> (дата обращения: 04.03.2025).

⁷ Наука, технологии и инновации России: 2024: краткий статистический справочник. – М., ИПРАН РАН, 2024, С.48, 68.

тельности на предприятиях, формирование спроса на новую продукцию, увеличение расходов на НИОКР [11, с. 92]. Сегодня цели и задачи реализуемых планов инновационного развития компаний с госучастием переключаются на решение актуальных задач обеспечения технологического суверенитета и технологического лидерства.

Кроме того, важную роль в налаживании связи науки с производством должны сыграть формирующиеся инжиниринговые центры, которые сегодня формируются преимущественно на базе учебных заведений, научно-технологические центры, малые и средние инновационные компании. Для их развития государство формирует систему мер поддержки, состав которой был заметно расширен с принятием в 2023 г. специального Федерального закона 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации».

Серьезный акцент в формируемой государственной политике технологического суверенитета должен быть сделан на укреплении научно-технологического потенциала страны. Хотя по количеству занятых в науке Россия входит в первую пятерку стран, по численности исследователей на 10000 занятых она отстает от США и Германии в 2 раза, Бельгии и Финляндии – в 3 раза, а Швеции – в 4 раза⁸. Так, в России приходится 53 исследователя на 10000 занятых, в то время, как в Германии этот показатель составляет 106, а в Швеции – 208 исследователей⁹. Причем общая динамика численности занятых в науке в стране имеет тенденцию к сокращению, что противоречит тем задачам, которые стоят перед страной в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета. Дефицит кадров ощущается не только среди исследователей, но и в сфере инженерных специальностей, программистов и других специалистов, работающих в высокотехнологичных отраслях. В таких условиях страна лишается возможности обеспечивать рост инновационной активности и совершать научные прорывы.

Сворачивание научно-технологического потенциала во многом объясняется низким уровнем финансирования науки, который сохранялся в стране на протяжении последних двух десятилетий. В течение этого периода доля затрат на науку в ВВП не превышала 1,2%, в то время как аналогичный показатель в странах – технологических лидерах давно перешагнул за отметку 2,5–3,5% ВВП. И хотя Россия сегодня входит в первую десятку стран по объемам затрат на научные

исследования и разработки, по уровню затрат на одного исследователя она занимает место в пятом десятке. Причем несмотря на амбициозные задачи в сфере научно-технологического развития, которые ставит перед страной Президент РФ и Правительство РФ, серьезных изменений в сфере финансирования науки в ближайшее время не ожидается. Запланированная динамика роста доли затрат на науку в ВВП в рамках ГП «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» составит в 2025 г. – 1,16%, 2026 г. – 1,2%, 2027 г. – 1,4%. Совершенно очевидно, что при такой динамике финансирования научных исследований и разработок, форсировать технологическое отставание от развитых стран невозможно.

Наращивание инвестиций в развитие науки и технологий является одним из важнейших условий обеспечения технологической независимости страны. В этой связи требуется увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до среднего уровня развитых стран уже в ближайшие два-три года. Должен быть продолжен поиск путей наращивания бюджетных ассигнований на науку, а также стимулирующих мер для частного бизнеса к инвестированию в перспективные технологии и разработки.

Заключение

Результаты исследований, представленных в статье, позволяют сделать ряд следующих обобщающих выводов.

В условиях возрастающей конкуренции в сфере технологического развития, и превращении последнего в доминирующий фактор развития национальных экономик, высокой неопределенности в сфере возможных направлений научно-технологических прорывов и геополитических противостояний, объективно изменяется роль государства в управлении научно-технологическим развитием. Если раньше функции государства сводились в основном к установлению правил игры в сфере научной и инновационной деятельности, выстраиванию соответствующих институциональных норм, то в последнее десятилетие государство превращается в непосредственного участника процесса научно-технологического развития, определяя его стратегический курс и выполняя не только организационные, но и предпринимательские функции. Этот вывод широко подтверждается современной мировой практикой и чрезвычайно актуален для выстраивания технологического вектора развития в России.

⁸ Индикаторы науки: 2025 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; НИУ ВШЭ – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025, С. 360.

⁹ Там же.

Поставленные перед страной задачи обеспечения технологического суверенитета и технологического лидерства в условиях разного рода ограничений и существующих неопределенностей выделяют новые аспекты в государственной политике научно-технологического развития. Важнейшим направлением становится обеспечение качественного целеполагания в сфере научно-технологического развития, выстраиваемое на базе долгосрочных прогнозов, на основе которых должны быть сформированы основные научно-технологические приоритеты. При этом чрезвычайно важно, чтобы формирование целей, задач и научно-технологических приоритетов увязывалось с общим целевым контуром социально-экономического развития страны. Это достигается за счет формирования единой сквозной и взаимосвязанной научно-технологической, инновационной и промышленной политики, обеспечивающей выстраивание собственных производственных цепочек полного инновационного цикла.

В практике государственного управления научно-

технологическим развитием широкомасштабное распространение получают программный и проектный подходы для разработки критически важных для страны технологий и формирования собственных производственных цепочек на основе реализации проектов технологического суверенитета и технологического лидерства.

Важнейшим направлением государственной научно-технологической политики становится также укрепление связи науки и производства за счет преодоления существующих разрывов в инновационной цепочке создания новых продуктов и технологий, восстановления институтов прикладной науки. Еще одним приоритетом государственной научно-технологической политики является наращивание научно-технологического потенциала, которое предопределяет необходимость увеличения бюджетных вложений в исследования и разработки и создания стимулирующих мер к инвестированию в научно-технологическое развитие со стороны частного бизнеса.

Литература

1. Белоусов Д. Р. Глобальные технологические тренды 2022–2040 годов / Горизонт 2040, 2023. – С. 88–157.
2. Глазьев С. Ю. Дополнение системы стратегического планирования источниками финансирования // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3, № 3 (9). – С. 261–276. – <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276>. – EDN: OTTPGP.
3. Голиченко О. Г. Государственная политика и провалы национальной инновационной системы // Вопросы экономики. – 2017. – № 2. – С. 97–108. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-97-108>. – EDN: XWTVJF.
4. Доклад о технологиях и инновациях за 2023 г. ЮНКТАД. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2023overview_ru.pdf (дата обращения: 04.03.2025).
5. Иванова Н. И. Национальные инновационные системы : монография. М., Наука, 2002. – 244 с. – EDN: SQHOHH.
6. Иванова Н. И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 17–28. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-17-28>. – EDN: WHGWIF.
7. Ленчук Е. Б. Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 4(61). – С. 224–229. – https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_224-230. – EDN: NYUOLM.
8. Мащукато М. Предпринимательское государство: развеем мифы о государстве и частном секторе: монография, М.: Высшая школа экономики, 2023. – 360 с. – <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2535-7>. – EDN: DAWDAB.
9. Пономарев А., Дежина И. Подходы к формированию приоритетов технологического развития России // Форсайт, 2016. – Т. 10, № 1. – С. 7–15. – <https://doi.org/10.17323/1995-459X.216.1.7.15>. – EDN: VUEAGX.
10. Смородинская Н., Катукон Д. Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность // Общество и экономика, 2024. – № 12. – С. 5–25. – <https://doi.org/10.31857/S0207367624120014>. – EDN: YJLLMU.
11. Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета: монография / Е. Б. Ленчук [и др.] / под ред. Е. Б. Ленчук. – СПб.: Алетей, 2024. – 368 с. – EDN: WZXARF.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., Прогресс 1982. – 455 с.
13. Freeman C. (1987) Technology policy and economic performance: lessons from Japan. L.: Pinter, 155 p. (In Eng.).
14. Lundvall B. A. (2009) Innovation as an interactive process: from user-producer interaction to national and system of innovation // Technical change and economy theory 2009. – URL: https://www.researchgate.net/publication/47697213_Ideias_Fundadoras_Bengt-Ake_Lundvall_-_Innovation_as_an_interactive_process_from

user-producer_interaction_to_the_national_system_of_innovation (accessed: 04.03.2025).

15. Nelson R. (1990) Capitalism as an engine of progress. *Research policy*, Vol. 19. – No. 3. – pp. 193–214. (In Eng.).

16. OECD, Science, Technology and Innovation Outlook 2023 Enabling transitions in times of disruption. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_0b55736e-en/full-report/component-6.html#chapter-d1e3685-c7e20b24d6 (accessed: 04.03.2025).

References

1. Belousov, D. R. (2023) *Global'nyye tekhnologicheskiye trendy 2022–2040 godov* [Global technology trends 2022–2040]. *Horizon 2040*, pp. 88–157.

2. Glazyev, S. Yu. (2023) [Supplementing the strategic planning system with funding sources]. *Strategirovaniye: teoriya i praktika* [Strategizing: Theory and Practice]. Vol. 3, No. 3 (9), pp. 261–276. – <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276>. (In Russ.).

3. Golichenko, O. G. (2017) [State policy and failures of the national innovation system]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki]. Vol. 2, pp. 97–108. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-97-108>. (In Russ.).

4. *Doklad o tekhnologiyakh i innovatsiyakh za 2023 g. YUNKTADU* NCTAD Technology and Innovation Report 2023. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2023overview_ru.pdf (accessed: 04.03.2025).

5. Ivanova, N. I. (2002) *Natsional'nyye innovatsionnyye sistemy* [National innovation systems]. Moscow, Science, 244 p.

6. Ivanova, N. I. (2024) [Technological modernization in the modern global economy]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law]. Vol. 17, No. 3, pp. 17–28. – https://doi.org/10.26794/1999-849X_2024-17-3-17-28. (In Russ.).

7. Lenchuk, E. B. (2023) [Strategic planning: new challenges in the context of external constraints]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. Vol. 4 (61), pp. 224–229. – https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_224-230. (In Russ.).

8. Mazzucato, M. (2023) *Predprinimatel'skoye gosudarstvo: razveyem mify o gosudarstve i chastnom sektore* [The entrepreneurial state: dispelling myths about the state and the private sector: monograph, Moscow: Higher School of Economics]. 360 p. – <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2535-7>.

9. Ponomarev, A., Dezhina, I. (2016) [Approaches to Forming Priorities for Technological Development of Russia]. *Forsayt* [Foresight]. Vol. 10, No. 1, pp. 7–15. – <https://doi.org/10.17323/1995-459X.216.1.7.15>. (In Russ.).

10. Smorodinskaya, N., Katukov, D. (2024) [Global Turnaround in National Industrial Strategies: A Course Towards Technological Self-Sufficiency]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy]. Vol. 12, pp. 5–25. – <https://doi.org/10.31857/S0207367624120014>. (In Russ.).

11. Lenchuk, E. B. (2024) *Transformatsiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta* [Transformation of the Russian economy in the context of the formation of technological sovereignty]. SPb.: Aleteya, 368 p.

12. Schumpeter, J. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development]. Moscow, Progress, 455 p.

13. Freeman, C. (1987) *Technology policy and economic performance: lessons from Japan. L.: Pinter*, 155 p. (In Eng.).

14. Lundvall, B. A. (2009) Innovation as an interactive process: from user-producer interaction to national and system of innovation. *Technical change and economic theory 2009*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/47697213_Ideias_Fundadoras_Bengt-Ake_Lundvall_-_Innovation_as_an_interactive_process_from_user-producer_interaction_to_the_national_system_of_innovation (accessed: 04.03.2025). (In Eng.).

15. Nelson, R. (1990) Capitalism as an engine of progress. *Research policy*, Vol. 19. – No. 3. – pp. 193–214. (In Eng.).

16. OECD, Science, Technology and Innovation Outlook 2023 Enabling transitions in times of disruption. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_0b55736e-en/full-report/component-6.html#chapter-d1e3685-c7e20b24d6 (accessed: 04.03.2025). (In Eng.).

Информация об авторе:

Елена Борисовна Ленчук, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика», Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-8639-0833, **Researcher ID:** 552648, **Scopus Author ID:** 14121314400
e-mail: lenalenchuk@yandex.ru

Елена Борисовна Ленчук является главным редактором журнала Президиума РАН «Общество и экономика», входит в состав редакционных коллегий 10 журналов.

Она – член экспертного совета МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности «Экономика и социология», заместитель председателя диссертационного совета 24.1.155.01 Института экономики РАН (научная специальность 5.2.5 Мировая экономика), член диссертационного совета 24.1.189.01 по научной специальности 5.2.5 Мировая экономика на базе национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН.

Ленчук Е. Б. имеет свыше 200 публикаций. Сфера ее научных интересов: теория и практика формирования конкурентной модели развития в условиях новых глобальных вызовов, разработка основных направлений структурно-технологической трансформации экономики России, выявление особенностей промышленной, инновационной и научно-технологической политик, направленных на обеспечение технологического суверенитета и технологического лидерства.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2025; принята в печать: 21.03.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Elena Borisovna Lenchuk, Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of the Scientific Direction «Economic Policy», Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0002-8639-0833, **Researcher ID:** 552648, **Scopus Author ID:** 14121314400
e-mail: lenalenchuk@yandex.ru

Elena Borisovna Lenchuk is the editor-in-chief of the Presidium of the Russian Academy of Sciences journal «Society and Economy», and is a member of the editorial boards of 10 journals.

Elena Borisovna is a member of the expert council of Lomonosov Moscow State University in the specialty «Economics and Sociology», deputy chairperson of the dissertation council 24.1.155.01 of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (scientific specialty 5.2.5 World Economy), member of the dissertation council 24.1.189.01 in the scientific specialty 5.2.5 World Economy based on the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

Lenchuk E. B. has over 200 publications. Her research interests include the theory and practice of forming a competitive development model in the context of new global challenges, developing the main directions of structural and technological transformation of the Russian economy, identifying the features of industrial, innovation and scientific and technological policies aimed at ensuring technological sovereignty and technological leadership.

The paper was submitted: 06.03.2025.
Accepted for publication: 21.03.2025.
The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 338.24

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-23>

ИНДИКАТОРНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Е. В. Вахтуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: vakhturov.1999@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется повышением значения государственного регулирования финансовой системы как основы развития экономики в новых реалиях. Санкционное воздействие на российскую финансовую систему требует от нее развития качественных параметров, обеспечивающих защиту от возникающих рисков, что может быть достигнуто совершенствованием механизмов ее регулирования со стороны государственных органов.

Целью данной статьи является обоснование выбора индикаторов оценки качества государственного регулирования российской финансовой системы, которые могут составить базу для совершенствования государственной политики ее регулирования.

Автор рассматривает сложившиеся в мировой и отечественной практике методики оценки финансовой системы и приходит к выводу, что одной из наиболее часто применяющихся оценочных метрик является индикатор финансовой глубины. В структуру расчета этого индикатора включены: отношение объема внутреннего кредита компаниям частного сектора к ВВП; отношение рыночной капитализации компаний, включенных в биржевой листинг, к ВВП; отношение объема долговых ценных бумаг эмитентов, выпущенных на внутреннем рынке, к ВВП; отношение объема пенсионных накоплений к ВВП. В рамках применения статистического метода и на основе данных по развитию сегментов российского финансового рынка проведены расчеты финансовой глубины российской финансовой системы за временной период и выявлены наиболее слабо развивающиеся сегменты, среди которых сектор негосударственных пенсионных фондов.

Основные результаты исследования: установлено, что индикаторы финансовой глубины напрямую отражают степень воздействия регулятивных механизмов на конкретные сегменты финансовой системы, тем самым они проецируют степень воздействия механизмов регулирования, поскольку определяются достижением определенного уровня доверия населения к финансовым институтам и финансовым инструментам.

Научная новизна исследования состоит в обосновании значимости ключевого индикатора – финансовой глубины для оценки уровня регулирования финансовой системы с позиции качественных показателей выполнения поставленных задач. Это позволило выявить взаимосвязь выбранных индикаторов оценки качества регулирования финансовой системы с его инструментами.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленные низкие значения показателя деятельности негосударственных пенсионных фондов напрямую взаимосвязаны с низким уровнем доверия населения этим финансовым институтам. В связи с чем в статье предлагается блок регулирующих инструментов для повышения эффективности деятельности негосударственных пенсионных фондов.

Ключевые слова: финансовая система, финансовое развитие, государственное регулирование, финансовая глубина, негосударственные пенсионные фонды.

Для цитирования: Вахтуров Е. В. Индикаторная оценка качества государственного регулирования финансовой системы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 23–30. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-23>.

Original article

INDICATOR ASSESSMENT OF THE QUALITY OF STATE REGULATION OF THE FINANCIAL SYSTEM

E. V. Vakhturov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: vakhturov.1999@mail.ru

Abstract. *The relevance of the article is determined by the increasing importance of state financial system regulation as the basis for economic development in new realities. The impact of sanctions on the Russian financial system requires it to develop qualitative parameters that ensure protection from emerging risks, which can be achieved by improving its regulatory mechanisms on the part of government agencies.*

The purpose of this article is to substantiate the choice of indicators for assessing the quality of state regulation of the Russian financial system, which can form the basis for improving the state policy of its regulation.

The author examines the methods of assessing the financial system that have developed in world and domestic practice and comes to the conclusion that one of the most commonly used evaluation metrics is the financial depth indicator. The calculation structure of this indicator includes: the ratio of domestic loans to private sector companies to GDP; the ratio of market capitalization of listed companies to GDP; the ratio of debt securities issued by issuers on the domestic market to GDP; the ratio of pension savings to GDP. As part of the statistical method and based on data on the development of segments of the Russian financial market, calculations of the financial depth of the Russian financial system over a time period were carried out and the weakest developing segments were identified, including the sector of non-governmental pension funds.

The main results of the study: it was found that indicators of financial depth directly reflect the degree of impact of regulatory mechanisms on specific segments of the financial system, thereby they project the degree of impact of regulatory mechanisms, since they are determined by achieving a certain level of public confidence in financial institutions and financial instruments.

The scientific novelty of the study is to substantiate the importance of a key indicator – financial depth for assessing the level of regulation of the financial system from the perspective of qualitative indicators of the fulfillment of tasks. This made it possible to identify the relationship between the selected indicators for assessing the quality of financial system regulation and its instruments.

The practical significance of the study lies in the fact that the revealed low values of the indicator of the activity of non-governmental pension funds are directly related to the low level of public confidence in these financial institutions. In this regard, the article proposes a set of regulatory tools to improve the efficiency of non-governmental pension funds.

Key words: *financial system, financial development, government regulation, financial depth, non-governmental pension funds.*

Cite as: Vakhturov, E. V. (2025) [Indicator assessment of the quality of state regulation of the financial system]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 23–30. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-23>.

Введение

Развитие российской финансовой системы в современный период характеризуется усложнением условий для обеспечения эффективного функционирования, на что оказывают влияние изменение геополитической ситуации в мире и последствия введенных против страны санкций. Санкционное воздействие направлено, прежде всего, на финансовую систему России с целью парализовать ее как ключевое звено экономики. Данное обстоятельство повышает значение качественных параметров государственного регулирования финансовой системы,

задачей которых становится нейтрализация возникающих рисков и обеспечение ее стабилизации. В связи с этим возрастает роль финансовой системы в реализации антисанкционной политики государства, требующей поиска новых регулирующих механизмов, способных обеспечить решение задач противодействия санкциям и достижения эффективного развития экономики.

Финансовая система как совокупность механизмов по обеспечению движения денежных средств между участниками экономических отношений обеспечивает их формирование и распределение в различных

секторах экономики. Это требует выполнения определенных финансовых операций, подчиняющихся регулятивным правилам, которые формируются и контролируются государственными органами управления. Выполнение этих функций государственными органами в различной степени воздействует на достижение эффективности управления финансовой системой. Чем выше качество выполняемых функций, тем быстрее происходит достижение основной цели развития финансовой системы. В связи с чем существует необходимость оценки уровня регулирования российской финансовой системы с позиции качественных показателей выполнения поставленных перед ней задач. Целью данной статьи является обоснование выбора индикаторов оценки качества государственного регулирования российской финансовой системы, которые могут составить базу для совершенствования государственной политики ее регулирования. Исследование основывается на применении методов системного, сравнительного и статистического анализа, в рамках которых выделены основные оценочные индикаторы регулирования финансовой системы и доказана их практическая значимость.

Обзор литературы по обоснованию индикаторов оценки финансовой системы

В конце 90-х годов прошлого века и начале 2000-х годов в экономической литературе возникла дискуссия о взаимосвязи уровня развития финансовой системы и экономического роста государства. Так, американский ученый Р. Левин в 1997 г. доказал, что экономический рост напрямую зависит от уровня финансового развития [15]. Позже Хан М. С. и Сенхаджи А. С. подтвердили данные выводы, показав, что зрелость экономики зависит от ее насыщенности деньгами и другими финансовыми инструментами, которые повышают ее операционную способность [14].

В 2012 году Чихак М., Демиргюч-Кунт А., Фейен Э. и Левин Р. предложили систему оценки финансового развития на основе четырех индикаторов: финансовой глубины, доступности финансовых услуг, финансовой эффективности, финансовой стабильности [13, с. 9]. В этих показателях впервые были применены качественные метрики, которые наряду с количественными позволяли более детально оценить уровень финансового развития страны.

Российские ученые на основе статистических измерений динамики финансового развития России в сравнении с другими странами также обосновали наличие зависимости экономического роста и уровня развития финансовой системы [9; 11].

Анализируя цели функционирования финансовой системы, Е. Господарик и Н. Ковалев выдели-

ли главные направления ее развития: «обеспечение финансовой стабильности и стимулирование экономического роста» [4, с. 19]. В то же время ученые определяют в качестве главного показателя качества финансовой системы ее финансовую глубину, которую они предлагают рассчитывать как отношение «суммы капитализации фондового рынка, кредитов реальному сектору, прочих финансовых активов к ВВП» [4, с. 20].

А. И. Зотова и Е. Головенко выделяют три группы показателей оценки финансовой глубины, которые, по их мнению, дополняют показатель монетизации экономики: индикаторы развития банковской системы, индикаторы рынка ценных бумаг, индикаторы страхового рынка. Совокупность предлагаемых индикаторов позволяет оценить обеспеченность экономики финансовыми ресурсами, поскольку каждый из показателей отражает степень наличия финансов в отдельном сегменте финансового рынка, что дает представление, в какой степени государственный сектор, корпоративный сектор и домашние хозяйства могут обеспечить свою деятельность финансами посредством финансовых рынков и институтов финансовых посредников [7].

Ю. В. Куваева считает, что в силу доступности статистических данных наибольшее распространение получил индикатор финансовой глубины экономики, рассчитываемый как отношение денежной массы к ВВП, который в наибольшей степени характеризует наличную и безналичную денежную массу в экономике [8, с. 175].

О. А. Золотарева и А. А. Минченко определяют основное преимущество финансовой глубины как возможность осуществлять стимулирующую денежно-кредитную политику через механизм финансового рынка, который может поглощать избыточную ликвидность без роста инфляции. При этом финансовый рынок должен обладать определенно высокой степенью развития [6].

Таким образом, рассмотренные точки зрения российских и зарубежных ученых позволяют сделать следующие выводы. В экономической литературе понятие финансовой глубины признается как основной индикатор финансового развития, который наряду с такими индикаторами, как доступность финансовых услуг, финансовая эффективность и финансовая стабильность характеризует состояние финансовой системы государства. Измерение финансовой глубины связывают с оценкой уровня насыщения экономики денежными средствами. При этом предлагается рассчитывать финансовую глубину как сумму индикаторов развития банковской системы, рынка ценных бумаг и страхового рынка.

Оценка государственного регулирования финансовой системы

На основе проведенного анализа работ в области оценки финансового развития и финансовой системы автором выделены основные положения, составившие основу методологии данного исследования. Ключевым индикатором оценки является на сегодняшний день финансовая глубина, под которой понимается насыщенность финансовой системы деньгами, финансовыми инструментами и наличием достаточного количества финансовых институтов. Этот индикатор можно применить не только к оценке уровня развития российской финансовой системы, но и уровня ее регулирования посредством оценки достижения поставленных задач. Это предусматривает анализ инфраструктурных и институциональных параметров финансовой системы через механизмы ее регулирования.

При выборе методического подхода к оценке нами учтены оценочные модели, применяемые в мировой практике. Например, в методике расчета Индекса финансового развития Международного валютного фонда (МВФ) он представляется как средневзвешенное значение трех субиндексов: финансовая глубина, доступность и эффективность¹.

В модели Всемирного банка используются четыре индикатора – финансовая глубина, доступность, эффективность и стабильность, которые применяются отдельно к оценке показателей финансового рынка и финансовых институтов². В силу чего выделенный Всемирным банком подход позволяет оценить основные характеристики всей финансовой системы государства [2; 3; 5].

Финансовая глубина как качественный показатель развития финансовой системы отражает ее способность выполнять свою главную распределительную функцию. Чем больше финансовая глубина, тем более существенное влияние оказывает финансовая система на развитие экономики.

Нужно отметить, что приведенные модели оценки финансовой системы ориентируются преимущественно на выделение ее основных характеристик как составляющих качественного развития системы. В связи с этим за основу авторского подхода взят основной индикатор оценки – финансовая глубина, применяемая в рассмотренных моделях как самый наглядный показатель качества функционирования финансовой системы. В структуру расчета этого индикатора включены такие показатели, как отношение объема

внутреннего кредита компаниям частного сектора к ВВП; отношение рыночной капитализации компаний, включенных в биржевой листинг, к ВВП; отношение объема долговых ценных бумаг эмитентов, выпущенных на внутреннем рынке, к ВВП; отношение объема пенсионных накоплений к ВВП. Каждый из этих показателей отражает не только количественные параметры конкретного сегмента финансового рынка, но и степень доверия населения и компаний к финансовым институтам, осуществляющим данный вид деятельности. Степень доверия формируется на основе действия механизмов, связанных с формированием инвестиционной среды, качества финансовых инструментов, надежности финансовых институтов, безопасности вложений и защиты прав инвесторов [10]. Все эти механизмы формируются исключительно в рамках регулирования финансовой системы, в связи с чем являются индикаторами качества работы регулирующих органов. При оценке финансовой глубины в качестве регулятивных механизмов могут выступать: внутренний кредит, предоставленный финансовым сектором (% к ВВП); рыночная капитализация листинговых отечественных компаний (% к ВВП); объем выпущенных на внутреннем рынке долговых ценных бумаг (% к ВВП); объем пенсионных накоплений (% к ВВП). Данное методическое обоснование позволяет провести оценку качества регулирования финансовой системы на основе расчета индикатора финансовой глубины и входящих в него показателей.

Для доказательства этого положения рассмотрим взаимосвязь качества регулирования финансовой системы России и индикатора финансовой глубины в рамках проведенного расчета выделенных показателей для российской экономики за период 2015–2023 гг. Автором предложена следующая формула расчета финансовой глубины:

$$ФГ = X_1 / ВВП + X_2 / ВВП + X_3 / ВВП + X_4 / ВВП$$

где

- X_1 – объем внутреннего кредита компаниям частного сектора;
- X_2 – показатель рыночной капитализации российских компаний, включенных в биржевой листинг;
- X_3 – объем долговых ценных бумаг российских эмитентов, выпущенных на внутреннем рынке;
- X_4 – объем пенсионных накоплений негосударственных пенсионных фондов.

¹ International monetary fund. – URL: <https://data.imf.org/?sk=388dfa60-1d26-4ade-b505-a05a558d9a42> (accessed: 16.11.2024).

² Domestic Credit To Private Sector (% of GDP) GFD By Country // Trading Economics – URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/domestic-credit-to-private-sector-percent-of-gdp-gfd-wb-data.html> (accessed: 21.10.2024).

Показатели, входящие в индикатор финансовой глубины, соотнесем с годовыми значениями ВВП. Суммируем полученные значения показателей

и найдем итоговый результат финансовой глубины (таблица 1).

Таблица 1. Составляющие показатели финансовой глубины российской экономики за период 2015–2023 гг.

Годы	Объем внутреннего кредита компаниям частного сектора к ВВП	Показатель соотношения рыночной капитализации российских компаний, включенных в биржевой листинг, к ВВП	Объем долговых ценных бумаг российских эмитентов, выпущенных на внутреннем рынке, к ВВП	Объем пенсионных накоплений негосударственных пенсионных фондов к ВВП	Итоговый показатель финансовой глубины
2015	40,0	28,7	17,0	4,4	22,5
2016	41,3	48,4	18,8	4,8	28,3
2017	37,0	39,5	21,1	5,9	25,9
2018	37,5	34,8	19,8	5,6	24,4
2019	36,4	37,0	10,1	3,6	21,8
2020	42,7	38,8	12,3	3,7	24,4
2021	39,0	46,2	11,7	3,7	25,2
2022	37,9	24,7	10,5	3,2	19,1
2023	43,3	33,9	11,0	2,9	22,8

Источник: рассчитано автором по *Обзору российского финансового сектора и финансовых инструментов 2019–2023 гг.*³; *Обзору ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг 2018 г.*⁴; *Российскому фондовому рынку в 2017*⁵, *2016*⁶, *2015*⁷ годах

Анализ полученных значений показателей финансовой глубины выявил неоднородную динамику: наиболее низкие значения этого индикатора отмечены в 2015 г. – 22,5%, 2019 г. – 21,8%, в 2022 г. – 19,1%, 2023 г. – 22,8%. В остальные периоды уровень финансовой глубины не опускался ниже 24%. При этом нужно отметить, что выявленные понижающие периоды связаны с кризисными ситуациями в российской экономике. В то время как в другие годы можно охарактеризовать финансовую систему как более устойчивую, что позволяет оценить качество воздействия регулятивных механизмов в этот период как более высокое.

Наибольшим весом в структуре показателей финансовой глубины обладает «Объем внутреннего кредитования» и «Рыночная капитализация акций национальных компаний». Наименьший вес приходится на «Объем пенсионных накоплений негосударственных пенсионных фондов», размер которого имеет самые низкие значения в совокупном индикаторе финансовой глубины 2,9–5,9%.

Если провести оценку индикатора финансовой глубины по составляющим параметрам, то можно отметить, что они напрямую отражают степень воздействия регулятивных механизмов. Так, если показатели развития банковского сектора демонстрируют

³ Обзор российского финансового сектора и финансовых инструментов 2019–2023 гг. – URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/analitics/ (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг 2018 г. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/25380/review_secur_18.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Российский фондовый рынок: 2017 год. – URL: <https://naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/RFR2017.pdf?ysclid=m7p0kqzto5t494273844> (дата обращения: 15.11.2024).

⁶ Российский фондовый рынок: 2016 год. – URL: <https://naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/RFR2016.pdf?ysclid=m7p0clvxoc127439991> (дата обращения: 15.11.2024).

⁷ Российский фондовый рынок: 2015 год. – URL: <https://naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/RFR2015.pdf?ysclid=m7ozvqnf9s24393290> (дата обращения: 15.11.2024).

высокие значения, это подтверждает высокий уровень регуляторного воздействия. В то время как деятельность негосударственных пенсионных фондов отмечена невысокими объемами привлечения средств населения, что характеризует эту систему финансовых институтов как не пользующуюся высоким доверием у граждан, поскольку имеется ряд проблем в их деятельности, снижающих доверие вкладчиков. В этом показателе отражается недостаточное воздействие регулятивных механизмов, которые не обеспечивают высоких показателей деятельности негосударственных пенсионных фондов. Что же касается показателей развития фондового рынка, то они демонстрируют высокие значения, которые обеспечиваются эффективностью воздействия регулятивных механизмов, благодаря которым достигнуто высокое качество фондовой инфраструктуры, способствующей росту доверия к фондовому рынку со стороны инвесторов [12].

Таким образом, применение индикатора финансовой глубины создает условия для оценки регулирующего воздействия на сегменты финансовой системы государства, где положительные значения показателей могут выступать стимулами повышения насыщенности экономики финансовыми ресурсами, а низкие значения показателей демонстрируют слабые места в системе государственного регулирования, требующие вмешательства с целью изменения ситуации на финансовом рынке. По мнению ученых, объединяет выделенные показатели то, что каждый из них отражает степень доверия в обществе к определенным финансовым институтам и инструментам [6, с. 29].

Выявленный нами низкий уровень доверия населения к негосударственным пенсионным фондам требует внимания со стороны регулирующих органов по формированию более выгодных условий деятельности этих институтов и выпуска ими привлекательных финансовых инструментов.

На сегодняшний день запущено в обращение несколько новых инструментов, поддерживающих интерес вкладчиков по отношению к долгосрочным вложениям. Для негосударственных пенсионных фондов (НПФ) введена программа долгосрочных накопительных сбережений, которая включает выпуск добровольных накопительных продуктов на срок 5 и более лет, где государство принимает непосредственное участие путем осуществления дополнительных выплат.

Вместе с тем, со стороны регулирующих органов поддержка этих финансовых институтов недостаточна. Правовой механизм деятельности НПФ нуждается в совершенствовании, особенно в отношении контроля и управления НПФ, взаимодействия фондов с управляющими компаниями, методики расчета доходности НПФ и др. Существует много пробелов

в регулировании деятельности управляющих компаний НПФ, таких как ответственность за принятие инвестиционных решений, сохранность капитала вкладчиков и т. д.

Ряд неурегулированных отношений в деятельности негосударственных пенсионных фондов служит фактором снижения доверия вкладчиков к этим институтам, тем самым влияя на сокращение потенциального объема привлеченных финансовых ресурсов. В связи с чем это требует совершенствования механизма регулирования деятельности НПФ с целью повышения инвестиционной привлекательности у населения данного вида финансовых институтов [1].

По мнению автора, сложившийся на российском финансовом рынке механизм регулирования деятельности НПФ необходимо дополнить блоком инструментов, направленных на их большую поддержку, в том числе:

- предоставление НПФ статуса некоммерческой организации, а также льготного налогового режима;
- стимулирование НПФ к более активному использованию долгосрочных финансовых продуктов для работы с населением;
- распространение на негосударственные пенсионные фонды гарантий по защите вкладов населения;
- расширение возможностей информационной среды по привлечению населения в негосударственные пенсионные фонды.

Совершенствование механизма регулирования деятельности НПФ, по нашему мнению, должно обеспечивать повышение доверия населения к этим финансовым институтам, что будет способствовать росту объема вложений, обеспечивающих их эффективную трансформацию в инвестиции.

Заключение

Анализ применяемых в мировой и отечественной практике оценочных показателей финансовой системы показал, что на сегодняшний день ключевым индикатором выступает финансовая глубина, определяющая степень насыщенности экономики деньгами, финансовыми инструментами и финансовыми институтами. Учитывая важность этого индикатора для оценки уровня развития российской финансовой системы, автор доказал ее значимость и для оценки уровня ее регулирования с позиции качественных показателей выполнения поставленных задач. Это позволило провести обоснование взаимосвязи выбранных индикаторов оценки качества регулирования финансовой системы с инструментами, обеспечивающими совершенствование государственной политики регулирования.

В рамках расчета финансовой глубины российской финансовой системы выявлены наиболее слабые места в регулировании составляющих ее элементов, в частности, для негосударственных пенсионных фондов доказана необходимость дополнения сложившегося механизма регулирования дополнительным блоком инструментов, повышающих привлекательность этих финансовых институтов для населения.

Таким образом, индикаторная оценка качества ре-

гулирования финансовой системы имеет положительный эффект, проявляющийся в выявлении наиболее слабых мест в регуляторных механизмах с целью выработки мер по их устранению. Использование индикаторных показателей в процессе оценки качества регулирования финансовой системы позволит не только объективно проводить ее мониторинг, но и разрабатывать более обоснованные программы по ее долгосрочному развитию.

Литература

1. Абрамова М. А. Трансформация монетарной сферы и проблемы финансовой инклюзивности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 5. – С. 10–19. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-10>. – EDN: ANXPRO.
2. Афанасьев М. П., Фам Т. Д. Ч., Шаш Н. Н. Перспективное регулирование государством финансового сектора (на примере экономики России) // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 3. – С. 87–113. – <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-87-113>. – EDN: PGZPPS.
3. Афанасьев М. П., Шаш Н. Н. Финансовый сектор экономики: динамика и факторы развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2022. – Т. 20. – С. 286–301. – <https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-286-301>. – EDN: GCNNHM.
4. Господарик Е., Ковалев М. Анализ финансовых систем стран ЕАЭС и их влияния на экономический рост // Банковский вестник. – 2020. – № 8 (685). – С. 18–25. – EDN: ACOEАН.
5. Дорофеев М. Л. Научная дискуссия о сущности государственного финансового регулирования в современных условиях // Вестник университета. – 2021. – № 3. – С. 140–148. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-140-148>. – EDN: KDLEVR.
6. Золотарева О. А., Минченко А. А. Финансовая глубина экономики // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 2(14). – С. 23–32. – EDN: LHCEIX.
7. Зотова А., Головенко Е. Понятие «финансовой глубины» экономики и ее индикаторы // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 5–2 (58). – С. 411–414. – EDN: UAXYDT.
8. Куваева Ю. В. Коэффициент монетизации региона как индикатор финансовой глубины экономики // Вестник НГУЭУ. – 2019. – № 4. – С. 171–183. – <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-4-171-183>. – EDN: NUVBLV.
9. Миркин Я. М., Салин В. Н., Добашина И. В. Экономико-статистическое исследование финансовой глубины экономики // Вестник НГУЭУ. – 2015. – № 4. – С. 24–29. – EDN: VFZKFN.
10. Пищик В. Я., Алексеев П. В. Особенности и направления трансформации модели управления финансово-экономической системой России в условиях усиления глобальных вызовов // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 6–16. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X2022-15-4-6-16>. – EDN: FKOYCB.
11. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика: монография / Я. М. Миркин [и др.]. – М.: Магистр, 2014. – 496 с. – EDN: THMPUL.
12. Финансы России в условиях социально-экономических трансформаций. Монография / под ред. Эскиндарова М. А. и Масленников В. В. – М.: Прометей, 2022. – 710 с. – EDN: BJVEVT.
13. Cihak M., et al. (2012) Benchmarking financial systems around the world. Policy Research Working Paper. – pp. 61–75. (In Eng.).
14. Khan M. S., Senhadji A. S. (2000) Financial Development and Economic Growth: An Overview. SSRN Electronic Journal Wash.: IMF, Working Paper WP/00/209. – 23 p. (In Eng.).
15. Levine R. (1997) Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda. Journal of Economic Literature. – Vol. 35. No. 2. – pp. 688–726. (In Eng.).

References

1. Abramova, M. A. (2022) [Transformation of the Monetary Sphere and Problems of Financial Inclusion]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 10–19. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-10>. (In Russ.).
2. Afanasyev, M. P., Pham, T. D. Ch., Shash, N. N. (2022) [Prospective Regulation of the Financial Sector by

the State (on the Example of the Russian Economy)]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of Public and Municipal Administration]. Vol. 3, pp. 87–113. – <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-87-113>. (In Russ.).

3. Afanasyev, M. P., Shash, N. N. (2022) [Financial sector of the economy: dynamics and development factors]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 20, pp. 286–301. – <https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-286-301>. (In Russ.).

4. Gospodarik, E., Kovalev, M. (2020) [Analysis of financial systems of the EAEU countries and their impact on economic growth]. *Bankovskiy vestnik* [Banking Bulletin]. Vol. 8 (685), pp. 18–25. (In Russ.).

5. Dorofeev, M. L. (2021) [Scientific discussion on the essence of state financial regulation in modern conditions]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin]. Vol. 3, pp. 140–148. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-140-148>. (In Russ.).

6. Zolotareva, O. A., Minchenko, A. A. (2019) [Financial depth of the economy]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya* [Law. Economy. Psychology]. Vol. 2(14), pp. 23–32. (In Russ.).

7. Zotova, A., Golovenko, E. (2015) [The concept of “financial depth” of the economy and its indicators]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and entrepreneurship]. Vol. 5–2 (58), pp. 411–414. (In Russ.).

8. Kuvaeva, Yu. V. (2019) [The coefficient of monetization of the region as an indicator of the financial depth of the economy]. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEM]. Vol. 4, pp. 171–183. – <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-4-171-183>. (In Russ.).

9. Mirkin, Ya. M., Salin, V. N., Dobashina, I. V. (2015) [Economic and statistical study of the financial depth of the economy]. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEM]. Vol. 4, pp. 24–29. (In Russ.).

10. Pishchik, V. Ya., Alekseev, P. V. (2022) [Features and directions of transformation of the management model of the financial and economic system of Russia in the context of increasing global challenges]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law]. Vol. 15, No. 4, pp. 6–16. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X.2022-15-4-6-16>. (In Russ.).

11. Mirkin, Ya. M. (2014) *Finansovyye strategii modernizatsii ekonomiki: mirovaya praktika* [Financial strategies for economic modernization: world practice]. M.: Magistr, 496 p.

12. Eskindarov, M. A., Maslennikov, V. V. (2022) *Finansy Rossii v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy* [Finances of Russia in the context of socio-economic transformations]. M.: Prometey, 710 p.

13. Cihak, M., et al. (2012) Benchmarking financial systems around the world. *Policy Research Working Paper*, pp. 61–75. (In Eng.).

14. Khan, M. S., Senhadji, A. S. (2000) Financial Development and Economic Growth: An Overview. *SSRN Electronic Journal* Wash.: IMF, Working Paper WP/00/209. – 23 p. (In Eng.).

15. Levine, R. (1997) Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda. *Journal of Economic Literature*. Vol. 35. No. 2, pp. 688–726. (In Eng.).

Информация об авторе:

Егор Владимирович Вахтуров, аспирант, научная специальность 5.2.7. Государственное и муниципальное управление, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0009-0006-3873-7309

e-mail: vakhturov.1999@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 03.02.2025; принята в печать: 21.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Egor Vladimirovich Vakhturov, postgraduate student, scientific specialty 5.2.7. State and municipal administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0009-0006-3873-7309

e-mail: vakhturov.1999@mail.ru

The paper was submitted: 03.02.2025.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ОРГАНИЗАЦИИ

В. В. Кабанов

АО «Конструкторское бюро приборостроения имени академика А. Г. Шипунова», Тула, Россия
e-mail: vladimir.kabanov@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обосновывается, во-первых, необходимостью адаптации организации к быстроменяющимся условиям функционирования, во-вторых, стремлением к формированию положительного имиджа у стейкхолдеров, в-третьих, появившимися возможностями активизации социальных и экологических аспектов деятельности в результате достижения высоких темпов экономического развития, в-четвертых, потребностью интеграции в мировую экономику.

Целью исследования является развитие теоретических представлений и методологических положений, связанных с реализацией устойчивого развития организаций, на основе разработки рекомендаций по реструктуризации механизма управления их устойчивым развитием. В исследовании использованы методы системного, структурного и функционального анализа, а также метод группировки и методические рекомендации по формированию программных целей устойчивого развития и построению бизнес-модели устойчивости.

Сформулировано авторское определение механизма управления устойчивым развитием организации, согласно которому он представляет собой регулируемое взаимодействие элементов управления различной природы, направленное на достижение и поддержание динамически устойчивого функционирования организации в условиях изменяющейся внутренней и внешней среды.

В структуру механизма управления устойчивым развитием организации рекомендовано включить многоуровневую бизнес-модель устойчивости, построение и использование которой обеспечивает не только взаимодействие всех основных элементов управления, но и моделирование экономически обоснованных управленческих решений.

В результате проведенных исследований сформулированы основные выводы о том, что многие организации не реализуют в полной мере имеющийся у них потенциал устойчивого развития по причине отсутствия или некачественно сформированного механизма управления устойчивым развитием. Разработку механизма управления устойчивым развитием организации необходимо осуществлять на основе совершенствования его структуры. К основным структурным изменениям механизма управления устойчивым развитием организации отнесены расширение функций управления, дополнение инструментов управления и внедрение многоуровневой бизнес-модели устойчивости, позволяющей моделировать сбалансированное управление экономическим, социальным и экологическим направлениями деятельности.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретико-методологического подхода, предусматривающего осуществление структурных изменений механизма управления организацией, которые направлены не только на повышение темпов экономического развития, но и способствуют реализации ее потенциала в социальной и экологической деятельности. Практическая значимость полученных результатов исследования определяется возможностью их использования для построения методики разработки механизма управления устойчивым развитием организации. Важным направлением дальнейших исследований является решение проблемы формализации многоуровневой бизнес-модели устойчивости, что позволит более реалистично моделировать процессы, реализуемые в механизме управления устойчивым развитием организации, для выработки эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: механизм управления, устойчивое развитие, бизнес-модель устойчивости, принципы управления устойчивым развитием.

Для цитирования: Кабанов В. В. Структурные изменения механизма управления устойчивым развитием организации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 31–43. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-31>.

Original article

STRUCTURAL CHANGES IN THE MECHANISM FOR MANAGING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AN ORGANIZATION

V. V. Kabanov

JSC «Design Bureau of Instrumentation named after Academician A.G. Shipunova», Tula, Russia

e-mail: vladimir.kabanov@mail.ru

Abstract. *The relevance of the study is substantiated firstly, by the need to adapt the organization to rapidly changing operating conditions, secondly, by the desire to form a positive image among stakeholders, thirdly, by the emerging opportunities to activate social and environmental aspects of activities as a result of achieving high rates of economic development, and finally, by the need of integration into the global economy.*

The aim of the study is to develop theoretical concepts and methodological provisions related to the implementation of sustainable development of organizations, based on the development of recommendations for restructuring the mechanism for managing their sustainable development. The study used methods of system, structural and functional analysis, and also a method of a grouping and methodical recommendations for the formation of program goals for sustainable development and the construction of a business model for sustainability.

The author has formulated a definition of the mechanism for managing the sustainable development of an organization, according to which it is a regulated interaction of management elements of various natures, aimed at achieving and maintaining dynamically sustainable functioning of the organization in the context of a changing internal and external environment.

It is recommended that the structure of the sustainable development management mechanism of an organization include a multi-level sustainability business model, the construction and use of which ensures not only the interaction of all the main management elements, but also the modeling of economically sound management decisions.

The conducted research resulted in the following main conclusions: many organizations do not fully realize their sustainable development potential due to the absence or poor quality of a sustainable development management mechanism. The development of a sustainable development management mechanism for an organization must be carried out basing on the improvement of its structure. The main structural changes in the sustainable development management mechanism for an organization include the expansion of management functions, the addition of management tools and the introduction of a multilevel sustainability business model that allows modeling of balanced management of economic, social, and environmental areas of activity.

The scientific novelty of the study lies in the development of a theoretical and methodological approach that provides for the implementation of structural changes in the organization management mechanism, which are aimed not only at increasing the pace of economic development, but also contribute to the implementation of its potential in social and environmental activities. The practical significance of the obtained research results is determined by the possibility of their use for building a methodology for developing a mechanism for managing the organization sustainable development. An important area of further research is solving the problem of formalizing a multi-level business model of sustainability, which will allow the most realistic modeling of the processes implemented in the mechanism for managing the organization sustainable development to develop effective management decisions.

Key words: *governance mechanism, sustainable development, sustainability business model, principles of sustainable development management.*

Cite as: Kabanov, V. V. (2025) [Structural changes in the mechanism for managing the sustainable development of an organization]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 31–43. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-31>.

Введение

В настоящий момент экономические отношения между хозяйствующими субъектами претерпевают существенную трансформацию, обусловленную как значительным влиянием внешних факторов, так и серьезными изменениями, происходящими во

внутренней среде функционирования организаций. В таких условиях все большее количество организаций начинают уделять внимание достижению своего устойчивого развития, которое нацелено не только на стабилизацию экономического положения хозяйствующего субъекта, но предполагает активное их участие

в решении социальных и экологических задач. Такое многовекторное развитие деятельности организаций способствует существенному улучшению их взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами экономических отношений и обеспечивает устойчивость функционирования на длительную перспективу.

Достижение высоких темпов экономического развития позволяет организациям формировать и реализовывать потенциал устойчивости для получения значимых результатов в социальной и экологической сферах деятельности. В свою очередь, уделяя все большее внимание социальным и экологическим аспектам деятельности, организации создают предпосылки не только для повышения экономических результатов, но и обеспечивают выработку положительного имиджа у стейкхолдеров. Особое внимание многоаспектности деятельности организаций придается при заключении контрактов с компаниями из других стран. Поэтому устойчивое развитие организаций способствует выходу на международные рынки и поддержанию долгосрочных и надежных связей с зарубежными партнерами.

Для успешной реализации устойчивого развития организации необходимо большое внимание уделять формированию и использованию соответствующего механизма управления. Механизм управления устойчивым развитием организации является важным элементом в системе взаимодействия субъекта и объекта управления, имеющим достаточно сложную структуру функционирования. С одной стороны, механизм управления устойчивым развитием организации должен отражать специфику деятельности каждой организации, а, с другой стороны, соответствовать общим теоретико-методологическим принципам построения. В настоящий момент существующие механизмы управления устойчивым развитием организации формируются по традиционной схеме, предусматривающей разработку принципов и подходов, целей и задач управления устойчивым развитием организации, определение функций и инструментов управления, а также установление имеющихся ресурсов устойчивости. Научная проблема заключается в том, что при такой схеме формирования механизма управления устойчивым развитием организации взаимодействие его элементов во многом носит интуитивный характер, отсутствует возможность аналитического описания его функционирования, существенно снижается возможность моделирования альтернативных вариантов устойчивого развития, а, следовательно, уменьшается уровень обоснованности и объективности выработки управленческих решений, обеспечивающих достижение устойчивого развития организации.

Таким образом, целью исследования является развитие теоретических представлений и методологи-

ческих положений, связанных с реализацией устойчивого развития организаций, на основе разработки рекомендаций по реструктуризации механизма управления их устойчивым развитием. Реструктуризация механизма управления устойчивым развитием организации предусматривает изменение его структуры, которое включает уточнение состава отдельных элементов для расширения возможностей их использования в условиях устойчивого развития организации, а также введение в структуру механизма новых элементов, позволяющих существенно повысить эффективность его применения.

Обзор и анализ существующих теоретико-методологических основ формирования механизма управления устойчивым развитием организации

Управление устойчивым развитием любой организации невозможно реализовать без формирования и использования соответствующего механизма. Понятие «механизм» с организационно-экономической точки зрения – это взаимодействие организационно-управленческих, информационно-аналитических и исследовательских элементов, направленное на выполнение управленческой работы, обеспечивающей достижение экономически эффективного результата. Механизм призван создавать условия для выполнения работы каждого элемента и работы в целом для достижения требуемого результата. Целью создания механизма управления устойчивым развитием является повышение уровня саморегулирования организации. «Устойчивость любой системы, в том числе и экономической, характеризуется наличием механизмов саморегуляции. Благодаря им развиваются процессы приспособления, которые приводят к выравниванию спроса и предложения, расходов и доходов, обеспечивается устойчивое развитие» [1].

Раскрывая многообразие элементов и связей субъектно-объектных отношений управления, реализуемых в механизме управления устойчивым развитием организации, Коваленко И. И. и Соколицын А. С. предлагают включать в его структуру «совокупность правил воздействия субъекта управления на объект с целью обеспечения его непрерывного устойчивого развития с использованием системы взаимосвязанных элементов, правил преобразования и вывода входных и выходных переменных, принципов применения прикладных функций, методов и инструментов, технологий и устоявшихся практик. Системные характеристики механизма управления устойчивым развитием промышленного предприятия обусловлены присутствием в его составе: целей, задач и функций; взаимосвязанных элементов, опре-

деляющих его внутреннюю структуру; ресурсов; инструментов влияния (организационных и экономических); внешних связей с другими процессами и механизмами» [3].

Анализируя результаты рекомендаций, связанных с формированием механизма управления устойчивым развитием организации, практически все исследователи сходятся во мнении, что в его структуру должны включаться такие основные элементы, как:

- цели и задачи управления;
- функции управления;
- ресурсы устойчивости;

— инструменты управления.

Формирование механизма управления устойчивым развитием организации предполагает формулировку целей и задач управления. Для этого рекомендуется руководствоваться целями устойчивого развития (ЦУР), разработанными мировым сообществом в комплексной программе «Преобразование нашего мира: повестка мира в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹.

Типовые цели и задачи управления устойчивым развитием Донг Ж. и Чанг К. [14] формулируют следующим образом (таблица 1).

Таблица 1. Типовые цели и задачи управления устойчивым развитием организации

Типовая цель управления устойчивым развитием	Типовая задача управления устойчивым развитием	Соответствие программным ЦУР	Соответствие направлению деятельности организации
Достижение требуемых темпов экономического роста	Выпуск конкурентоспособной продукции и усиление конкурентных позиций	ЦУР 8. Достойная работа и экономический рост	Экономическое
	Увеличение доходов и прибыли		
	Повышение эффективности использования экономических ресурсов		
	Рост инвестиционной привлекательности		
Совершенствование организационно-управленческой и инновационной деятельности	Повышение эффективности и результативности организационно-управленческих процессов	ЦУР 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура	Экономическое
	Внедрение новых технологий и освоение новых видов продукции		
	Автоматизация, компьютеризация и цифровизация производства		
Расширение взаимовыгодных деловых отношений с контрагентами	Оптимизация логистических связей	ЦУР 12. Ответственное потребление и производство ЦУР 17. Партнерство в интересах устойчивого развития	Экономическое
	Расширение клиентской базы		
	Предоставление гибкой системы скидок потребителям		
	Заключение долгосрочных договоров и контрактов		
Развитие корпоративной культуры и корпоративной ответственности	Формирование условий для трудовой деятельности	ЦУР 3. Хорошее здоровье и благополучие ЦУР 4. Качественное образование ЦУР 5. Гендерное равенство ЦУР 10. Уменьшение неравенства	Социальное
	Развитие системы стимулирования и мотивации труда		
	Расширение возможностей для обучения, повышения квалификации и переподготовки работников		
	Благоустройство прилегающей территории		
Расширение взаимодействия с обществом	Участие в социальных проектах и программах	ЦУР 11. Устойчивые города и населенные пункты	Социальное
	Участие в благотворительных программах и реализация спонсорских обязательств		

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. – URL: <https://rsvp.ru/upload/content/9fc/goas3kuqiba12nan213dh9bbha1o1oo/Povestka-dnya-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya-na-period-do-2030-goda.pdf>. (дата обращения: 14.08.2024).

Продолжение таблицы 1

Типовая цель управления устойчивым развитием	Типовая задача управления устойчивым развитием	Соответствие программным ЦУР	Соответствие направлению деятельности организации
Рациональное использование природных ресурсов	Соблюдение нормативов использования природных ресурсов	ЦУР 6. Чистая вода и санитария	Экологическое
	Внедрение ресурсосберегающих технологий	ЦУР 7. Недорогостоящая и чистая энергия	
	Управление отходами производства		
Охрана окружающей среды	Соблюдение экологических норм и стандартов	ЦУР 13. Борьба с изменением климата	Экологическое
	Снижение вредных выбросов производства	ЦУР 14. Сохранение морской экосистемы	
	Участие в экологических проектах и программах	ЦУР 15. Сохранение экосистем суши	
	Реализация природоохранных мероприятий		

Источник: разработано автором на основе Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. – URL: <https://rspp.ru/upload/content/9fc/goas3kuqqiba12nan213dh9bbha1o1oo/Povestka-dnya-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya-na-period-do-2030-goda.pdf>. (дата обращения: 14.08.2024)

Сформулировав цели и задачи управления устойчивым развитием организации, следует установить функции управления, которые обеспечивают их достижение и являются неотъемлемым элементом механизма управления устойчивым развитием. Функция управления устойчивым развитием организации представляет собой «совокупность однородных управленческих работ, которые обеспечивают достижение результата, согласующегося с целью реализации управленческой функции» [12]. Рассматривая перечень функций управления, которые реализуются в механизме управления устойчивым развитием организации, многие исследователи [10; 14] наиболее часто указывают на следующие:

- учет и анализ, включающий сбор, обработку и упорядочение информации об устойчивом развитии организации, оценку хода и результатов ее устойчивого развития и возможности совершенствования механизма управления устойчивым развитием на основе научно обоснованных принципов и подходов;
- прогнозирование и планирование, направленное на преодоление неопределенностей в устойчивом развитии организации и обеспечение ее адаптации к негативным воздействиям внешней среды в результате установления целевых критериев и выявления требуемых тенденций развития;
- организация, предназначенная для разработки и утверждения схем и структур управления устойчивым развитием, эффективности и результативности действий между объектом и субъектом управления, определения прав и обязанностей для всех участников, реали-

- зующих механизм управления устойчивым развитием;
- мотивация, связанная с побуждением всех участников, реализующих механизм управления устойчивым развитием организации, к деловой активности для достижения, как личных целей, так и целей устойчивого развития;
- координация, обеспечивающая согласование всех элементов механизма управления устойчивым развитием организации с целью ее эффективного функционирования;
- контроль, позволяющий устанавливать степень достижения целей управления устойчивым развитием организации, выявлять отклонения и формулировать корректирующие воздействия для внесения изменений в механизм управления устойчивым развитием путем реализации обратных связей;
- регулирование, предусматривающее реализацию корректирующих управленческих решений, направленных на устранение отклонений в процессе управления устойчивым развитием организации.

Анализируя содержание указанных функций управления, которые должны быть реализованы в механизме управления устойчивым развитием организации, следует констатировать, что они определены, исходя из содержания процесса управления и являются общими, так как реализуются в любом процессе управления. По нашему мнению, общие функции управления следует дополнить специфическими, которые должны быть реализованы в результате реструктуризации механизма управления устойчивым развитием организации.

Для успешного достижения целей, решения задач и реализации управленческих функций устойчивого развития организации такие исследователи, как Кортоев И. И. и Зенкина И. В. [4], рекомендуют включать в структуру механизма управления различные виды ресурсов устойчивости. Под ресурсами устойчивости, используемыми для управления устойчивым развитием организации, понимается вся совокупность средств различной природы, выступающих факторами успешной реализации ее устойчивого развития. К ресурсам устойчивости в зависимости от их экономического содержания принято относить: материальные; финансовые; трудовые; информационные; организационные и др.

Успешное использование ресурсов устойчивости в механизме управления устойчивым развитием организации определяется востребованностью сформированных инструментов управления. Под инструментами управления устойчивым развитием организации принято понимать «комплекс мер, необходимых для адаптации существующих и разработки новых методов управления устойчивым развитием» [5]. Рассматривая перечень инструментов управления устойчивым развитием, Исаева Н. Ш. и Ковалевски А. рекомендуют их группировать, исходя из характера воздействия субъекта на объект управления, разделяя на экономические, организационно-административные и социально-психологические [2; 15].

Анализируя состав экономических, организационно-административных и социально-психологических инструментов, необходимо указать, что для эффективного функционирования механизма управления устойчивым развитием организации недостаточно использовать только инструменты, включаемые в три указанные группы. По нашему мнению, следует расширить их перечень за счет включения в механизм управления инструментов, обеспечивающих моделирование процесса устойчивого развития организации.

Механизм управления устойчивым развитием является, безусловно, важным, но одним из многих механизмов управления, реализуемых в организации, и, в свою очередь, выступает элементом общего механизма управления ее деятельностью. Все элементы общего механизма управления организацией должны быть взаимосвязаны. Поэтому в механизме управления устойчивым развитием такие исследователи, как Мацнева Е. А., Магарил Е. Р., Трунов М. С. и Ясаков А. С., рекомендуют предусмотреть возможность его взаимодействия с другими процессами и механизмами управления организацией. Это позволяет не только реализовать принцип согласованности устойчивого развития с различными процессами и механизмами управления организацией, но и обеспечить

работоспособность механизма управления устойчивым развитием за счет поступления требуемых ресурсов устойчивости и разработки управленческих решений, соответствующих миссии и стратегическим целям развития организации. Взаимодействие механизма управления устойчивым развитием с другими процессами и механизмами управления организацией осуществляется на основе разработки соответствующих протоколов и способов взаимодействия, которые разделяются на экономические, социальные и организационные [6; 9].

Многие исследователи [8; 16] не указывают на необходимость использования бизнес-модели устойчивости в механизме управления устойчивым развитием организации или видят ее роль только как инструмента описания и иллюстрации особенностей функционирования этого механизма. По нашему мнению, это принципиально неверно, так как в бизнес-модели устойчивости должны находить отражение все основные элементы механизма управления устойчивым развитием организации, осуществляться их взаимосвязь и взаимодействие для обеспечения выработки управленческих решений, связанных с достижением ее устойчивого развития. Поэтому бизнес-модель устойчивости должна являться не только важным элементом в реструктуризированном механизме управления устойчивым развитием организации, а основополагающей структурой его формирования.

Учитывая тот факт, что рассмотренные основные элементы используются для формирования достаточно консервативного механизма управления, который не отражает специфику и особенности устойчивого развития организации, а, следовательно, не позволяет в полной мере реализовать имеющиеся у нее возможности достижения устойчивости, научная значимость и ценность исследования заключается в развитии теоретико-методологических основ и практических рекомендаций, связанных с обоснованием необходимости осуществления реструктуризации механизма управления устойчивым развитием организации. Проведенное исследование направлено на повышение эффективности функционирования механизма управления устойчивым развитием организации, обеспечивает достижение аналитичности его использования и расширяет возможность моделирования устойчивого развития организации.

Обоснование выбора методов проведения структурных изменений механизма управления устойчивым развитием организации

Для научного обоснования целесообразности проведения структурных изменений механизма управления устойчивым развитием организации использова-

ны методы системного, структурного и функционального анализа, а также метод группировки.

Использование системного метода анализа обеспечило установление взаимосвязи между основными элементами реструктуризированного механизма управления устойчивым развитием, что позволяет повысить эффективность его функционирования и достичь целевые ориентиры в экономическом, социальном и экологическом направлениях деятельности.

Структурный метод анализа позволил не только провести исследования типовой структуры механизма управления устойчивым развитием, но и установить для него перспективные структурные изменения, включающие такие элементы, как функции и инструменты управления, а также бизнес-модель устойчивости.

Для определения специфических функций, характеризующих особенности устойчивого развития организации, которыми предлагается наделить реструктуризированный механизм устойчивого развития, использован функциональный метод анализа.

Реализация в исследовании метода группировки позволила обобщить и систематизировать инструменты управления устойчивым развитием в зависимости от используемого формального аппарата и тем самым существенно расширить аналитические возможности реструктуризированного механизма управления для моделирования устойчивого развития организации.

Процесс проведенного исследования включает:

- анализ типовой структуры механизма управления устойчивым развитием организации. Для этого использованы результаты научных исследований ведущих отечественных и зарубежных специалистов в рассматриваемой области знаний;
- определение специфических функций на основе информации о свойствах, присущих устойчиво развивающейся организации;
- группировку инструментов управления устойчивым развитием в результате использования данных о реализуемом формальном аппарате;
- теоретическое описание многоуровневой бизнес-модели устойчивости, структура которой формируется на основе общепринятых представлений о триединстве экономического, социального и экологического аспектов деятельности организации;
- формирование реструктуризированного механизма управления устойчивым развитием организации. Для этого использованы полученные результаты исследования возможности и целесообразности структурных изменений механизма управления устойчивым развитием организации.

Результаты исследования необходимости реструктуризации типового механизма управления устойчивым развитием организации

Для того чтобы место и роль механизма управления устойчивым развитием организации соответствовали важному элементу, обеспечивающему взаимосвязь между субъектом и объектом управления, необходимо осуществить его реструктуризацию. Реструктуризация механизма управления устойчивым развитием организации представляет собой такое изменение его структуры за счет корректировки состава и вида элементов его образующих, придания им новых качественных свойств, которое обеспечивало бы наделение механизма новыми возможностями в области управления.

Для формирования методологического аппарата устойчивого развития с позиций достижения его большей аналитичности и расширения возможностей моделирования процесса устойчивости рекомендуется осуществить структурные изменения механизма управления устойчивым развитием организации, которые должны затрагивать такие его составляющие, как функции и инструменты управления, а также бизнес-модель устойчивости.

Методологию формирования механизма управления устойчивым развитием организации, предполагающую использование общих функций управления, предлагается дополнить специфическими функциями, к которым необходимо отнести следующие:

- сбалансированность, предусматривающая соблюдение требуемых пропорций изменения экономического, социального и экологического направлений деятельности организации во всех управленческих решениях;
- согласованность, предполагающая эффективное и рациональное использование организацией, имеющихся у нее возможностей, связанных с устойчивым развитием;
- адаптивность, предусматривающая разработку всех управленческих решений, исходя из необходимости учета особенностей развития внешнего окружения и изменений, происходящих во внутренней среде организации;
- открытость, предполагающая привлечение всей доступной и достоверной информации для повышения эффективности использования механизма управления устойчивым развитием организации и реализацию управленческих воздействий с учетом интересов всех заинтересованных участников.

В методологии формирования механизма управления устойчивым развитием организации, по нашему мнению, следует использовать не только клас-

сическую группировку инструментов управления, формальному аппарату (рисунок 1).
но и предложить их группировку по реализуемому

Рисунок 1. Группировка инструментов управления устойчивым развитием в зависимости от используемого формального аппарата

Источник: разработано автором

Аналитические инструменты в методологии управления устойчивым развитием организации предусматривают моделирование процессов устойчивого развития и разработку управленческих решений на основе использования простейших математических приемов и способов. Статистические инструменты в методологии управления устойчивым развитием организации предусматривают моделирование процессов устойчивого развития и разработку управленческих решений на основе выявления стохастических зависимостей между показателями, вариативности поведения и неопределенности состояния в результате воздействия большого количества различных факторов. Математические инструменты в методологии управления устойчивым развитием организации предусматривают моделирование процессов устойчивого развития и разработку управленческих решений на основе использования сложных экономико-математических методов и моделей для выявления оптимальных состояний объекта управления, наилучших тенденций развития и наискорейшего достижения целей устойчивого развития.

Для обеспечения «триединства компонента устойчивости» в методологию управления устойчивым развитием организации рекомендуется внедрить многоуровневую бизнес-модель устойчивости, которую следует рассматривать в качестве основного элемента реструктуризованного механизма управления. Каждый уровень бизнес-модели устойчивости

должен соответствовать одному из трех направлений деятельности организации. Причем базовый уровень в бизнес-модели устойчивости должен соответствовать экономическому направлению деятельности организации, средний уровень – социальному направлению, а верхний уровень – экологическому направлению. Все три уровня бизнес-модели устойчивости должны быть взаимосвязаны, то есть бизнес-модель устойчивого развития организации следует формировать многоуровневой.

В соответствии с авторской методологией формирования механизма управления устойчивым развитием организации на основе осуществления соответствующих структурных изменений многоуровневую бизнес-модель устойчивости для любого хозяйствующего субъекта можно представить в виде матрицы (таблица 2).

Рассматривая структуру многоуровневой бизнес-модели устойчивости (таблица 2), следует указать, что по каждому уровню осуществляются инвестиционные вложения (I_{ij}), обеспечивающие достижение соответствующей цели устойчивого развития организации. В предлагаемой бизнес-модели устойчивости соблюдается сбалансированное распределение инвестиционных вложений по направлениям деятельности ($ИНД_i$) и целям устойчивого развития ($ИЦУ_j$). Учитывая это внедрение, многоуровневой бизнес-модели в реструктуризованный механизм управления устойчивым развитием организации позволяет

в результате моделирования процесса ее устойчивого функционирования принимать обоснованные управленческие решения. Управленческие решения, обеспечивающие достижение устойчивого развития организации, не только являются результатом использования многоуровневой бизнес-модели устойчивости, но и выступают в качестве входной информации для моделирования устойчивого состояния в будущем. Поэтому между многоуровневой бизнес-моделью

устойчивости и управленческими решениями, обеспечивающими достижение устойчивого развития организации, формируется как прямая, так и обратная связи. Следовательно, реструктуризируемый механизм является управленческим, а управленческие решения, обеспечивающие достижение устойчивого развития организации, выступают элементом этого механизма.

Таблица 2. Матрица представления бизнес-модели устойчивости организации

Уровень бизнес-модели устойчивости	Цель устойчивого развития				Инвестиции по направлениям деятельности
	1	2	...	n	
Экономическое направление деятельности	I_{11}	I_{12}	...	I_{1n}	$_1 = \sum_{j=1}^n I_{1j}$
Социальное направление деятельности	I_{21}	I_{22}	...	I_{2n}	$_2 = \sum_{j=1}^n I_{2j}$
Экологическое направление деятельности	I_{31}	I_{32}	...	I_{3n}	$_3 = \sum_{j=1}^n I_{3j}$
Инвестиции по целям устойчивого развития	$_1 = \sum_{i=1}^3 I_{i1}$	$_2 = \sum_{i=1}^3 I_{i2}$...	$_n = \sum_{i=1}^3 I_{in}$	$= \sum_{j=1}^n \quad _j = \sum_{i=1}^3 \quad _i = \sum_{i=1}^3 \sum_{j=1}^n ij$

Источник: разработано автором

В соответствии с авторской методологией реструктуризированный механизм управления устойчивым развитием организации представлен на рисунке 2, в котором дополняемые, изменяемые или внедряемые элементы структуры выделены серым фоном.

Принимая во внимание достаточно большое количество способов представления любой бизнес-модели [7; 11; 13], для успешной реализации моделирования процесса устойчивого развития организации, по нашему мнению, следует многоуровневую бизнес-модель устойчивости описывать аналитическим способом. Это, с одной стороны, предусматривает использование формальных инструментов управления в реструктуризированном механизме управления устойчивым развитием организации, а, с другой стороны, позволяет получить требуемую объективность в принятии управленческих решений по достижению ее устойчивости. К тому же аналитическое описание многоуровневой бизнес-модели устойчивого развития организации дает возможность абстрагироваться от несущественных факторов, влияющих на ее устойчивое состояние, и сосредоточиться на альтернативных

траекториях устойчивости, обеспечивающих достижение целевых ориентиров в экономическом, социальном и экологическом направлениях деятельности.

Заключение

Представленные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что многие организации не реализуют в полной мере имеющийся у них потенциал устойчивого развития по причине отсутствия или некачественно сформированного механизма управления устойчивым развитием. Таким образом, механизм управления устойчивым развитием организации должен постоянно совершенствоваться за счет пересмотра его структуры, включающей взаимосвязанные элементы управления различной природы. Потребность в реструктуризации механизма управления устойчивым развитием связана, главным образом, с постоянно происходящими изменениями во внутренней и внешней среде организации и необходимостью успешной адаптации к ним.

На основе полученных результатов исследования можно сформулировать следующие выводы:

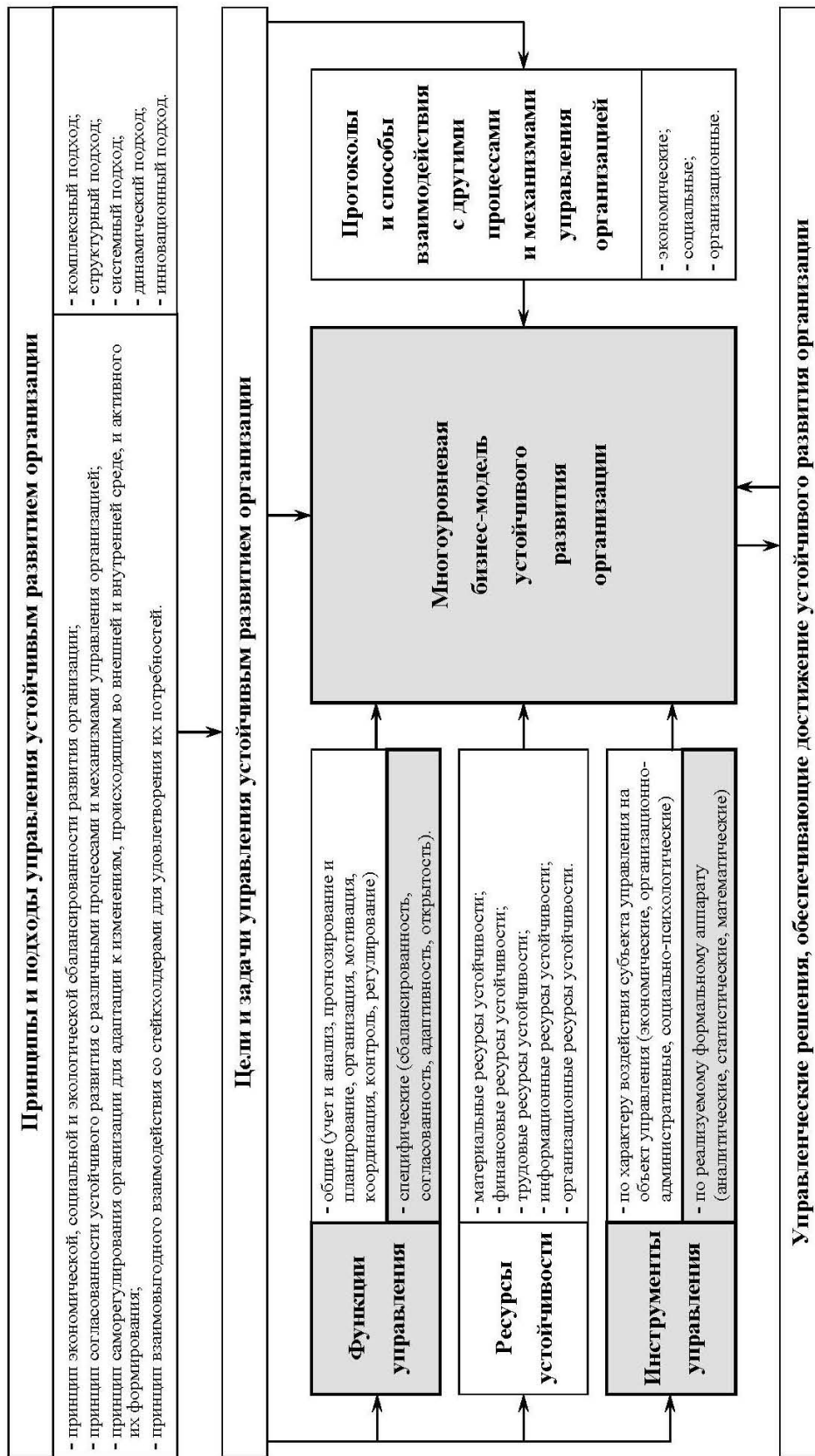

Рисунок 2. Реструктуризированный механизм управления устойчивым развитием организации
 Источник: разработано автором

1. Осуществление структурных изменений механизма управления устойчивым развитием организации следует рассматривать в качестве эволюционного процесса, позволяющего совершенствовать его функционирование для адаптации к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды. Предполагаемые структурные изменения должны затрагивать такие составляющие механизма управления устойчивым развитием организации, как функции и инструменты управления, а также бизнес-модель устойчивости.

2. Установлено, что функции управления устойчивым развитием должны разделяться не только на общие, соответствующие содержанию процесса управления, но и на специфические, характеризующие особенности устойчивого развития организации.

3. Предложено в состав инструментов управления устойчивым развитием включать не только те из них, которые должны обеспечивать возможность различного воздействия субъекта управления на объект управления, но и задействовать в управлении все многообразие формального аппарата.

4. Рекомендовано пересмотреть подход к разработке и реализации бизнес-модели устойчивого развития организации, для того чтобы она обеспечивала реализацию возможности моделирования сбалансированного управления экономическим, социальным и экологическим направлениями деятельности. Для этого предложено в реструктуризированном механизме управления устойчивым развитием организации разработать многоуровневую бизнес-модель устойчивости.

Научная ценность полученных результатов исследования заключается в разработке теоретико-методологического подхода, предусматривающего осуществление структурных изменений механизма управления организацией, которые направлены не только на повышение темпов экономического развития, но и способствуют реализации ее потенциала в социальной и экологической деятельности. Предложенные рекомендации для осуществления реструктуризации механизма управления устойчивым развитием организации позволят использовать его в качестве важного элемента, образующего взаимосвязь между субъектом и объектом управления. Реструктуризированный механизм управления обеспечит более обоснованное формирование потенциала устойчивости, наилучшую адаптацию к негативным воздействиям внешней среды, повышение уровня отношений с заинтересованными участниками, что, в конечном итоге, приведет к достижению устойчивого развития организации.

Практическая значимость полученных результатов исследования определяется возможностью их использования для построения методики разработки механизма управления устойчивым развитием организации.

Важным направлением дальнейших исследований является решение проблемы формализации многоуровневой бизнес-модели устойчивости, что позволит наиболее реалистично моделировать процессы, реализуемые в механизме управления устойчивым развитием организации, для выработки эффективных управленческих решений.

Литература

1. Антропов В. А., Гусев А. А. Оценка результативности адаптационных механизмов в социально-экономических системах // Вопросы новой экономики, 2024. – № 2 (70). – С. 49–57. – https://doi.org/10.52170/1994-0556_2024_70_49. – EDN: GYHSRW.
2. Исаева Н. Ш. Факторы и инструменты, влияющие на механизм устойчивого развития промышленных предприятий // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 2021. – Т. 13, № 2 (42). – С. 92–104. – EDN: JFVXW.
3. Коваленко И. И., Соколицын А. С. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием предприятия с учетом производственного риска // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 2019. – Т. 12, № 6. – С. 174–188. – <https://doi.org/10.18721/JE.12615>. – EDN: IYAKOO.
4. Кортюев И. И., Зенкина И. В. Основные аспекты устойчивого развития организации в современных условиях // Международный научно-исследовательский журнал, 2021. – № 2–2 (104). – С. 57–63. – <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.043>. – EDN: JTOUVL.
5. Магомедова Х. А. Организационно-экономические инструменты устойчивого развития ммп // Российское предпринимательство, 2013. – Т. 14. – № 6. (228). – С. 56–62. – EDN: PZNVTV.
6. Мацнева Е. А., Магарил Е. Р. Устойчивое развитие промышленного предприятия: понятие и критерии оценки // Вестник УРФУ. Серия: экономика и управление, 2012. – № 5. – С. 25–33. – EDN: PGYAIL.
7. Нехода Е. В., Редчикова Н. А., Тюленева Н. А. Бизнес-модели компаний: от прибыли к устойчивому развитию и созданию ценности // Управление, 2018. – Т. 9, № 4. – С. 9–19. – EDN: XZBMNN.
8. Титов А. Б., Машевская О. В. Организационно-экономический механизм управления инновационной деятельностью предприятия // Вопросы экономики и права, 2016. – № 91. – С. 110–114. – EDN: WGEXGX.

9. Трунов М. С., Ясаков А. С. Адаптационный механизм как часть механизма управления хозяйствующих субъектов // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции, 2023. Том Часть III. – С. 377–380. – EDN: UJVKFC.
10. Умнова М. Г. Современное понимание концепции устойчивого развития организаций // Экономика, предпринимательство и право, 2021. – Т. 11, № 12. – С. 2637–2658. – <https://doi.org/10.18334/epp.11.12.113854>. – EDN: GZSQAQ.
11. Хлынин Э. В., Кабанов В. В. Теоретические аспекты устойчивого экономического развития предприятия // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2023. – № 1. – С. 562–566. – EDN: LVECSY.
12. Хлынин Э. В., Калиниченко М. П. Реализация механизма устойчивого и гармоничного развития промышленного предприятия на основе системы сбалансированных показателей // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2021. – № 4. – С. 103–116. – EDN: VPVYWE.
13. Alinsari N., Davianti A. (2022) Treading the sustainable development concept: narrative expression of a state-owned enterprise. *Research In Management and Accounting*. Vol. 5. No. 1. Pp. 46–54. – <https://doi.org/10.33508/rima.v5i1.3845>. (In Eng.).
14. Dong J., Zhang Q. (2024) Sustainable development of the real economy: supply chain finance and enterprise financialization. *Sustainability*. Vol. 16. No. 9. P. 3574. – <https://doi.org/10.3390/su16093574>. (In Eng.).
15. Kovalsky A. (2022) Criteria of infrastructure enterprises' sustainable development for meeting the sustainable development goals. *Economics & Education*. Vol. 7. No. 1. Pp. 49–54. – <https://doi.org/10.30525/2500-946x/2022-1-7>. – EDN: TWFBIA. (In Eng.).
16. Leal Filho W., et al. (2023) Sustainable supply chain management and the UN sustainable development goals: exploring synergies towards sustainable development. *The TQM Journal*. – 24 p. (In Eng.).

References

1. Antropov, V. A., Gusev, A. A. (2024) [Evaluation of the effectiveness of adaptation mechanisms in socio-economic systems]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the new economy]. Vol. 2 (70), pp. 49–57. – https://doi.org/10.52170/1994-0556_2024_70_49. (In Russ.).
2. Isaeva, N. Sh. (2021) [Factors and instruments influencing the mechanism of sustainable development of industrial enterprises]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Nauka i praktika Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova* [Scientific and analytical journal Science and Practice of the Plekhanov Russian University of Economics]. Vol. 13, No. 2 (42), pp. 92–104. (In Russ.).
3. Kovalenko, I. I., Sokolitsyn, A. S. (2019) [Organizational and economic mechanism for managing sustainable development of an enterprise taking into account production risk]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki* [Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences]. Vol. 12, No. 6, pp. 174–188. – <https://doi.org/10.18721/JE.12615>. (In Russ.).
4. Kortoev, I. I., Zenkina, I. V. (2021) [The main aspects of sustainable development of an organization in modern conditions]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. Vol. 2–2 (104), pp. 57–63. – <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.043>. (In Russ.).
5. Magomedova, H. A. (2013) [Organizational and economic instruments for sustainable development of mmp]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship]. Vol. 14. No. 6. (228), pp. 56–62. (In Russ.).
6. Matsneva, E. A., Magaril, E. R. (2012) [Sustainable development of an industrial enterprise: concept and assessment criteria]. *Vestnik URFU. Seriya: ekonomika i upravleniye* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and Management]. Vol. 5, pp. 25–33. (In Russ.).
7. Nekhoda, E. V., Redchikova, N. A., Tyuleneva, N. A. (2018) [Business models of companies: from profit to sustainable development and value creation]. *Upravlenets* [Manager]. Vol. 9, No. 4, pp. 9–19. (In Russ.).
8. Titov, A. B., Mashevskaya, O. V. (2016) [Organizational and economic mechanism for managing the innovative activities of an enterprise]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Questions of Economics and Law]. Vol. 91, pp. 110–114. (In Russ.).
9. Trunov, M. S., Yasakov, A. S. (2023) [Adaptation mechanism as part of the management mechanism of economic entities]. *Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologiy v APK: materialy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Theory and practice of innovative technologies in the agro-industrial complex: materials of the national scientific and practical conference]. Volume Part III, pp. 377–380. (In Russ.).
10. Umnova, M. G. (2021) [Modern understanding of the concept of sustainable development of organizations]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, entrepreneurship and law]. Vol. 11, No. 12, pp. 2637–2658. – <https://doi.org/10.18334/epp.11.12.113854>. (In Russ.).

11. Khlynin, E. V., Kabanov, V. V. (2023) [Theoretical aspects of sustainable economic development of the enterprise]. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta* [Bulletin of the Tula branch of the Financial University]. Vol. 1, pp. 562–566. (In Russ.).

12. Khlynin, E. V., Kalinichenko, M. P. (2021) [Implementation of the mechanism for sustainable and harmonious development of an industrial enterprise based on the balanced scorecard]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences]. Vol. 4, pp. 103–116. (In Russ.).

13. Alinsari, N., Davianti, A. (2022) Treading the sustainable development concept: narrative expression of a state-owned enterprise. *Research In Management and Accounting*. Vol. 5. No. 1, pp. 46–54. – <https://doi.org/10.33508/rima.v5i1.3845>. (In Eng.).

14. Dong, J., Zhang, Q. (2024) Sustainable development of the real economy: supply chain finance and enterprise financialization. *Sustainability*. Vol. 16. No. 9, pp. 3574. – <https://doi.org/10.3390/su16093574>. (In Eng.).

15. Kovalsky, A. (2022) Criteria of infrastructure enterprises' sustainable development for meeting the sustainable development goals. *Economics & Education*. Vol. 7. No. 1, pp. 49–54. – <https://doi.org/10.30525/2500-946x/2022-1-7>. (In Eng.).

16. Leal Filho W., et al. (2023) Sustainable supply chain management and the UN sustainable development goals: exploring synergies towards sustainable development. *The TQM Journal*. – 24 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Владимир Владимирович Кабанов, директор по экономике, АО «Конструкторское бюро приборостроения имени академика А. Г. Шипунова»; соискатель, научная специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика, Тульский государственный университет, Тула, Россия

ORCID iD: 0009-0007-5158-8982

e-mail: vladimir.kabanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.10.2024; принята в печать: 21.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vladimir Vladimirovich Kabanov, Director of Economics, JSC «Design Bureau of Instrumentation named after Academician A. G. Shipunova»; graduate applicant, scientific specialty 5.2.3. Regional and sectoral economics, Tula State University, Tula, Russia

ORCID iD: 0009-0007-5158-8982

e-mail: vladimir.kabanov@mail.ru

The paper was submitted: 25.10.2024.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

АЛГОРИТМ ВЫЯВЛЕНИЯ «ТОЧЕК РОСТА» ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

А. К. Кайдашова

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия
e-mail: kaidashova@mail.ru

Аннотация. Устойчивому социально-экономическому развитию региональной экономики способствует сфокусированная инвестиционная поддержка ведущих отраслей, видов экономической деятельности, так называемых «точек роста», способных обеспечить мультипликативный эффект и придать импульсы развития другим отраслям экономики территории, увеличивая территориальный добавочный продукт и повышая её конкурентоспособность. В этой связи актуальным становится вопрос выявления и поддержки таких центров экономического роста при разработке стратегий социально-экономического развития территорий и других документов стратегического планирования. При этом процесс поиска и выделения «точек роста» нередко вызывает трудности у представителей органов власти, обусловленные неоднозначностью в понимании как самой категории «точка роста», её характерных признаков, так и конкретных действий по её выявлению.

С целью алгоритмизации процесса целесообразна разработка методического подхода к их выявлению, что требует решения ряда задач: уточнения самого понятия «точка роста», определения значимых её характеристик, и собственно, выработки алгоритма её выявления. Сформулированная цель и задачи стали основой авторского исследования.

Для уточнения понятия «точка роста» и построения алгоритма её выявления были использованы общенаучные методы – научного обобщения, системного и сравнительного анализа, синтеза.

Проведенное исследование позволило автору систематизировать значимые признаки «точки роста», диапазон применения данной категории, разработать пошаговый алгоритм её выявления и структурировать механизмы управления ею.

Предложенный алгоритм прошел апробацию в процессе разработки и актуализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Владимирской области с участием Центра стратегического развития Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, экспертом которого является автор исследования. Результаты апробации фрагментарно представлены в данной статье.

Авторские методические и практические рекомендации по выявлению «точек роста» территории могут быть использованы в работе органов исполнительной власти территорий при разработке стратегий социально-экономического развития и других документов стратегического планирования на различных уровнях управления. Авторский опыт выявления и управления «точками роста» на примере Гусь-Хрустального района Владимирской области может транслироваться и в других муниципальных образованиях иных субъектов РФ. Предложенный в статье методический подход по выявлению «точек роста» может стать основой для дальнейшей разработки теоретических аспектов стратегического управления территорией.

Ключевые слова: алгоритм выявления «точек роста», механизмы управления «точками роста», стратегия, Гусь-Хрустальный район.

Для цитирования: Кайдашова А. К. Алгоритм выявления «точек роста» при формировании стратегий развития территорий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 44–51. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-44>.

Original article

ALGORITHM FOR IDENTIFYING «GROWTH POINTS» IN THE FORMATION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT STRATEGIES

A. K. Kaidashova

Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

e-mail: kaidashova@mail.ru

Abstract. *The sustainable socio-economic development of the regional economy is facilitated by focused investment support for leading industries, types of economic activities, and so-called «growth points» that can provide a multiplier effect and boost the development of other sectors of the territory's economy, increasing the territorial additional product and increasing its competitiveness. In this regard, the issue of identifying and supporting such centers of economic growth in the development of strategies for the socio-economic development of territories and other strategic planning documents becomes relevant. At the same time, the process of searching for and identifying «growth points» often causes difficulties for government officials due to ambiguity in understanding both the “growth point” category itself, its characteristic features, and specific actions to identify it. In order to algorithmize the process, it is advisable to develop a methodological approach to their identification, which requires solving a number of tasks: clarifying the very concept of a «growth point», determining its significant characteristics, and actually developing an algorithm for its identification. The formulated purpose and objectives became the basis of the author's research. To clarify the concept of a «growth point» and build an algorithm for its identification, general scientific methods were used – scientific generalization, systematic and comparative analysis, synthesis. The conducted research allowed the author to systematize the significant features of the «growth point», the range of application of this category, to develop a step-by-step algorithm for its identification and to structure its management mechanisms. The proposed algorithm has been tested in the process of developing and updating strategies for the socio-economic development of municipalities in the Vladimir region with the participation of the Center for Strategic Development of the Vladimir branch of the RANEPА, whose expert is the author of the study. The results of the approbation are presented in fragments in this article. The author's methodological and practical recommendations on identifying the «growth points» of a territory can be used in the work of territorial executive authorities in developing socio-economic development strategies and other strategic planning documents at various levels of government. The author's experience in identifying and managing «growth points» using the example of the Gus-Khrustalny district of the Vladimir region can be broadcast in other municipalities of other subjects of the Russian Federation. The methodological approach proposed in the article to identify «growth points» can become the basis for further development of theoretical aspects of strategic management of the territory.*

Key words: *algorithm for identifying «growth points», mechanisms for managing «growth points», strategy, Gus-Khrustalny district.*

Cite as: Kaidashova, A. K. (2025) [Algorithm for identifying «growth points» in the formation of territorial development strategies]. *Интеллект. Инновации. Инвестиции* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 44–51. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-44>.

Введение

Одним из современных теоретических подходов к описанию сущности устойчивого социально-экономического развития территории является теория «точек роста», в основе которой лежит сфокусированная инвестиционная поддержка ведущих отраслей, видов экономической деятельности, территорий для ускорения и импульсивного развития территориальной экономики в целом. Теория «точек роста» восходит своими корнями к кумулятивным теориям регионального развития и к теориям «полюсов роста».

Понятие «точка роста», обладая широким диапазоном использования, все чаще встречается в теории и практике, при этом механизм её выявления нередко вызывает трудности у представителей органов власти в процессе разработки стратегий развития территорий.

С целью алгоритмизации процесса целесообразна разработка методического подхода к их выявлению, что требует уточнения самого понятия «точка роста», определения значимых её характеристик, и собственно, выработки алгоритма её выявления.

Алгоритм выявления «точек роста»

Обращаясь к трудам зарубежных классиков – Ф. Перру, Ж. Будвиля, Х. Р. Ласуэна, П. Кругмана, М. Портера, М. Энрайта, Р. Стимсон [7; 12; 13; 8; 15], и отечественных современников – Т. Т. Авдеевой, Т. Г. Лавровой, А. С. Молчана, В. Н. Лексина, С. В. Раевского, Л. Н. Ивановой и Г. А. Терской, А. А. Урунова, С. Б. Элибиева [1; 6; 5; 9; 2; 11; 12], выделим главные признаки «точки роста»:

- представляют собой растущее предприятие, вид деятельности (отраслевой подход), территорию (территориальный подход) со значительным вкладом в добавочный продукт территории;
- основаны на конкурентных преимуществах территории и её ресурсных возможностях;
- обладают экспортным потенциалом в большей части случаев;
- оказывают положительный мультипликативный эффект на развитие других отраслей/территорий;
- генерируют положительные внешние экстерналии, способствующие росту благосостояния населения;
- способствуют диффузии инноваций [10; 4].

Таким образом, «точка роста» – это центр роста экономики территории, стимулирующий развитие смежных зон влияния – отраслей, предприятий и со-

седних территорий. Эта концепция о том, как воздействуя на «точки роста», можно стимулировать улучшение социально-экономической динамики всего района/региона, что в дальнейшем мы будем называть импульсом развития.

Концентрация ресурсов в таких центрах в перспективе повышает конкурентоспособность территории – страны, субъекта РФ, муниципального образования, в том числе сельских территорий¹.

«Точки роста» по своему генезису могут быть естественными, обусловленными изобилием ресурсов, и искусственно созданными, по воле органов власти, как, к примеру ОЭЗ, кластеры и др.

В качестве «точки роста» могут выступать:

- территории (территориальный подход) – города, опорные населенные пункты, преференциальные зоны и др.;
- отрасли экономики (отраслевой подход) – ведущие предприятия, виды экономической деятельности, кластеры и др.;
- рынки (рыночный подход) – сегмент рынка, рыночные ниши и др.;
- проекты (проектно-функциональный подход) – проекты строительства логистических хабов, промышленных парков, курортов и др.

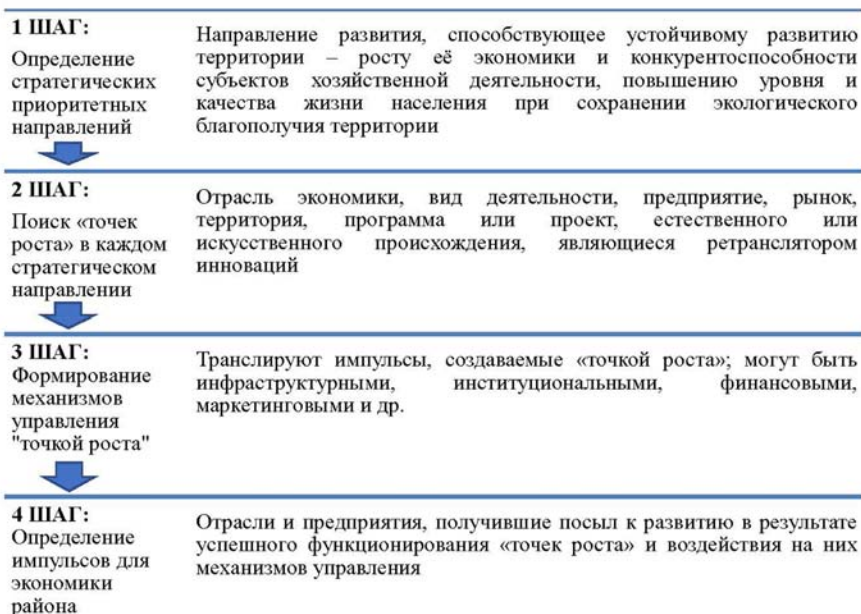

Рисунок 1. Алгоритм выявления «точек роста»

Источник: разработано автором

¹ Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Об утверждении Стратегии развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года от 02 февраля 2015 – docs.cntd.ru (дата обращения: 10.10.2024).

При этом «точки роста» необходимо отличать от механизмов управления «точкой роста», которые призваны развивать её и транслировать импульсы, создаваемые «точкой».

Механизмы управления «точкой роста», согласно позиции автора, целесообразно делить на группы:

- финансовые (субсидирование, гранты, ГЧП, МЧП, инициативное бюджетирование);
- инфраструктурные (модернизация и строительство объектов капитального строительства, инженерных систем, транспортных магистралей, досуговой инфраструктуры, образовательно-производственных центров);
- институциональные (формирование фондов, союзов, ассоциаций предприятий, активных сообществ);
- маркетинговые (продвижение, брендинг территории, организация событийных мероприятий).

При формировании стратегии социально-экономического развития территории поиск «точек роста» уместен в рамках каждого стратегического приоритета. Алгоритм данного процесса приведен на рисунке 1.

Результаты исследования

Принимая участие в разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Владимирской области, автор разработал алгоритм выявления «точек роста», который прошел апробацию при разработке стратегии Гусь-Хрустального района и актуализации стратегий Камешковского, Петушинского, Киржачского и Судогодского районов области. В таблице 1 представлен результат выявления «точек роста» на примере Гусь-Хрустального района Владимирской области с использованием предложенного алгоритма [3].

Таблица 1. «Точки роста» в экономике Гусь-Хрустального района Владимирской области (фрагмент)²

Приоритетное направление 1	Реализация потенциала предприятий стекольной промышленности
Точки роста	Ведущие стекольные предприятия района: ООО «Красное Эхо», ООО «Экспо Гласс», ООО «Объединенная Производственная компания», АО «Торговая компания ЭВИС», ООО Великодворский стеклотарный завод
Механизмы управления точкой роста	<i>Инфраструктурный:</i> создание стекольного кластера; создание образовательно-производственного центра (кластера) «Гусь-Хрустальный» на базе ГАПОУ ВО «Гусевской стекольный колледж» им. Г. Ф. Чехлова; <i>институциональный:</i> создание ассоциации стеклопромышленников; <i>маркетинговый:</i> создание и продвижение бренда «Стекольный край»
Импульсы для экономики района	Сельское хозяйство, пищевая промышленность, оптовая и розничная торговля, строительство, промышленный туризм
Приоритетное направление 2	Развитие рынка туристских услуг района
Точки роста	Объекты туристского показа и посещения по видам туризма: <i>Экологический</i> (Национальный парк Мещёра) <i>Культурно-познавательный</i> (Музейный комплекс «Маршрутами Солженицына») <i>Паломнический</i> (православные святыни района и экскурсионные маршруты) <i>Промышленный</i> (ведущие предприятия района и экскурсионные программы)
Механизмы управления точкой роста	<i>Инфраструктурный:</i> развитие туристской инфраструктуры (глэмпингов, кемпингов, хаусботов, рыболовных зон, стоянок) для реализации проекта развития Национального парка «Мещёра», разработка туристских маршрутов для разных целевых аудиторий, в том числе экомаршрутов (охота, рыбалка, конные прогулки, речные сплавы, сборы грибов, трав, ягод и др.); <i>маркетинговый:</i> формирование и продвижение туристских маршрутов и брендов, в том числе гастрономических – дары гусевского леса (ягоды, грибы, травы), гусь копченый/ вяленый, гусевские напитки и др.; проведение событийных мероприятий («Праздник русского напитка», «Мещёрские зори», «Осенины», «Охотничьи сезоны», чемпионат по рыбной ловле и др.)
Импульсы для экономики района	Пищевая промышленность, общественное питание, торговля, строительство, туризм (промышленный, экологический гастрономический, сельский, водный и др.)

Источник: разработано автором

² Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Гусь-Хрустальный район (муниципальный район) Владимирской области на период до 2035 года. – URL: https://gusr.ru/userfiles_npa/P_230_04_03_2024.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

Важно уточнить, что стекольный кластер будет считаться «точкой роста» и даже «полюсом роста» после его регистрации, до момента регистрации он выступает и рассматривается только в качестве инфра-

структурного механизма.

Возможен поиск «точек роста» для «неэкономических» стратегических приоритетов таких, как социальные, экологические, представленных в таблице 2.

Таблица 2. «Точки роста» в социальной сфере Гусь-Хрустального района Владимирской области³

Приоритетное направление 3	Создание комфортных и безопасных условий проживания населения района, в том числе для развития социальной инфраструктуры
Точки роста	Развитие существующих и открытие новых инновационных образовательных объектов: центры образования цифрового и гуманитарного, естественно-научного и технологического профилей «Точки роста», центр дополнительного образования детей «Школа креативных индустрий», мобильный детский технопарк Кванториум
Механизмы управления точкой роста	<i>Инфраструктурный:</i> открытие новых творческих пространств и центров (включая модельные библиотеки, многофункциональные мобильные культурные центры), создание творческого кластера; <i>финансовый:</i> расширение использования механизмов МЧП и инициативного бюджетирования для создания комфортных условий проживания населения; <i>маркетинговый:</i> проведение выставок работ учащихся и конкурсов на лучшую работу в значимых для района отраслях – стекольной, сельскохозяйственной, деревообрабатывающей, добывающей, лесной, туристской
Импульсы для экономики района	Диффузия инноваций в сферах материального и нематериального производства района
Приоритетное направление 4	Развитие гражданского общества и местного самоуправления
Точки роста	Объединения волонтеров, добровольцев, НКО, ТОС и энтузиастов
Механизмы управления точкой роста	<i>Инфраструктурный:</i> развитие онлайн (офлайн) приёмных муниципальных служащих; <i>финансовый:</i> привлечение благотворителей (в том числе фондов) и меценатов, развитие механизма инициативного бюджетирования для улучшения территории, качества жизни населения района; <i>маркетинговый:</i> проведение районных конкурсов «Самая гостеприимная (благоустроенная, трудолюбивая, хозяйственная, кладовая природы и др.) территория», проведение районных конкурсов добровольческих проектов и социальных инициатив среди населения района, продвижение территории (сообщения в социальных сетях, документальные фильмы, ролики)
Импульсы для экономики района	Формирование кадрового и туристского потенциала района

Источник: разработано автором

В качестве перспективных «точек роста» можно рассматривать объединения и сообщества инициативных граждан, креативных сообществ, способных не только генерировать идеи, но и реализовывать целые проекты, транслируя импульсы развития во все сферы социально-экономической жизни территории.

Отметим, что предложенные в таблице 2 «точки роста» могут выступать в качестве институциональ-

ного механизма управления в рамках экономических стратегических приоритетов: реализация потенциала предприятий стекольной промышленности и развитие рынка туристских услуг района.

Заключение

Таким образом, рассматривая теорию «точек роста» в качестве модели устойчивого развития терри-

³ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Гусь-Хрустальный район (муниципальный район) Владимирской области на период до 2035 года. – URL: https://gusr.ru/userfiles_npa/P_230_04_03_2024.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

тории, важно профессионально подойти к вопросам их выявления и управления, что требует формирования единого методического подхода к процессу.

С позиции научной значимости предложенный автором алгоритм по выявлению «точек роста» дает четкое разделение понятий, структурирует процесс поиска «точек роста», применим для экономических и социальных приоритетов развития территории, может стать основой для дальнейшей разработки теоретических аспектов стратегического управления территорией. Предложенный методический подход прошел апробацию на примере ряда муниципальных образований Владимирской области.

Авторский опыт выявления и управления «точками роста» на примере Гусь-Хрустального района Владимирской области может транслироваться и в других муниципальных образованиях иных субъектов РФ. Использование данного алгоритма во всех муниципальных образованиях субъекта РФ позволяет унифицировать стратегии социально-экономического развития территорий, упрощает процесс разработки документов стратегического планирования на региональном уровне и обеспечивает единый подход к пространственному развитию региона в целом.

Литература

1. Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Определение точек роста сельских территорий // *Modern Economy Success*. – 2023. – № 6. – С. 316–322.
2. Иванова Л. Н., Терская Г. А. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // *Журнал институциональных исследований*. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 120–133. – <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.120-133>. – EDN: UBUYAT.
3. Кайдашова А. К., Кайдашова К. И. Инфраструктурные особенности развития сельских территорий: состояние и перспективы // *Экономика и предпринимательство*. – 2024. – № 7(168). – С. 683–688. – <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.168.7.133>. – EDN: HQPRHT.
4. Кисляков А. Н. Алгоритм минимального связующего дерева для оценки точек роста в системе стратегического планирования территорий // *Развитие территорий*. – 2024. – № 2(36). – С. 33–40. – <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-2-33-40>. – EDN: GIDCJT.
5. Лексин В. Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // *Регион: Экономика и Социология*. – 2009. – № 3. – С. 19–40. – EDN: KYRGRD.
6. Молчан А. С. Формирование точек экономического роста как базовая экономическая стратегия развития и модернизации региональной экономики // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2011. – № 67. – С. 259–282. – EDN: NEJCRJ.
7. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // *Пространственная экономика*. – 2007. – № 2. – С. 77–93.
8. Пилипенко И. В. Конкурентоспособность регионов: анализ теории кластеров М. Портера и региональных кластеров М. Энрайта // *Города и городские агломерации в региональном развитии: материалы XX юбилейной ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Пушкино, 24–26 мая 2003 г.* / Под ред. Ю. Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2003. – С. 86–94. – EDN: VSABPK.
9. Раевский С. В. Формирование и развитие точек роста в промышленном регионе : монография. – М.: Изд-во «Экономическое образование», 2015. – 177 с.
10. Стратегическое планирование развития муниципального образования: методологические подходы к определению «точек роста» / О. Л. Гойхер [и др.] // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2024. – Т. 22, № 10(529). – С. 1855–1873. – <https://doi.org/10.24891/re.22.10.1855>. – EDN: SAKBUI.
11. Урунов А. А., Аvezова М. М., Насимова М. А. Методологические и практические аспекты выявления полюсов развития и точек роста в региональной экономике // *Вестник университета*. – 2020. – № 5. – С. 161–168. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-161-168>.
12. Элибиев С. Б. Методологические основы формирования региональных точек роста // *Фундаментальные исследования*. – 2017. – № 10–3. – С. 633–637. – EDN: ZRRAYB.
13. Boudeville J. (1966) Problems of regional economic planning. – Edinburgh. – 192 p. (In Eng.).
14. Krugman P. (1991) Increasing Returns and Economic Geography. *The Journal of Political Economy*. – The University of Chicago Press. – Vol. 99, № 3. – pp. 483–499. (In Eng.).
15. Stimson R. J., Stough R. R., Roberts B. H. (2006) Regional Economic Development, Analysis, and Planning Strategy. Heidelberg, Springer Berlin, 2006, – 452 p. (In Eng.).

References

1. Avdeeva, T. T., Lavrova, T. G. (2023) [Determining the growth points of rural areas]. *Modern Economy Success* [Modern Economy Success]. Vol. 6, pp. 316–322. (In Russ.).
2. Ivanova, L. N., Terskaya, G. A. (2015) [Growth points and growth drivers: on the issue of the content of concepts]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Modern Institutional Research]. Vol. 7. No. 2, pp. 120–133. – <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.120-133>. (In Russ.).
3. Kaidashova, A. K., Kaidashova, K. I. (2024) [Infrastructural features of rural development: status and prospects]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. Vol. 7(168), pp. 683–688. – <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.168.7.133>. (In Russ.).
4. Kislyakov, A. N. (2024) [Minimum spanning tree algorithm for estimating growth points in the strategic planning system of territories]. *Razvitiye territoriy* [Territory development]. Vol. 2(36), pp. 33–40. – <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-2-33-40>. (In Russ.).
5. Leksin, V. N. (2009) [On the methodology of research and regulation of territorial development processes]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. Vol. 3, pp. 19–40. (In Russ.).
6. Molchan, A. S. (2011) [Formation of points of economic growth as a basic economic strategy for the development and modernization of the regional economy]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University]. Vol. 67(03), pp. 259–282. (In Russ.).
7. Perrou, F. (2007) [Economic space: theory and applications]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics]. Vol. 2, pp. 77–93. (In Russ.).
8. Pilipenko, I. V. (2003) [Competitiveness of regions: an analysis of M. Porter's theory of clusters and M. Enright's regional clusters]. *Goroda i gorodskiy aglomeratsii v regional'nom razvitiy: materialy XX yubileynoy yezhegodnoy sessii ekonomiko-geograficheskoy sekti MARS, Pushchino, 24–26 maya 2003 g.* [«Cities and urban agglomerations in regional development». Collection of materials of the XX jubilee annual session of the MARS Economic and Geographical Section, Pushchino, May 24–26, 2003]. Edited by Yu.G. Lipets. Moscow: IG RAS, pp. 86–94. (In Russ.).
9. Rayevsky, S. V. (2015) *Formirovaniye i razvitiye tochk rosta v promyshlennom regione* [Formation and development of growth points in the industrial of the region]. Moscow: Publishing house «Economic Education», 177 p.
10. Goyher, O. L. (2024) [Strategic planning of municipal education development: methodological approaches to the definition of «growth points»]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice]. Vol. 22. No. 10(529), pp. 1855–1873. – <https://doi.org/10.24891/re.22.10.1855>. (In Russ.).
11. Urunov, A. A., Avezova, M. M., Nasimova, M. A. (2020) [Methodological and practical aspects of identifying development poles and growth points in the regional economy]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. Vol. 5, pp. 161–168. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-161-168>. (In Russ.).
12. Elibiev, S. B. (2017) [Methodological foundations of the formation of regional growth points]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research]. Vol. 10–3, pp. 633–637. (In Russ.).
13. Boudeville, J. (1996) Problems of regional economic planning. *Edinburgh*. 192 p. (In Eng.).
14. Krugman, P. (1991) Increasing Returns and Economic Geography. *The Journal of Political Economy*. *The University of Chicago Press*, Vol. 99, No. 3, pp. 483–499. (In Eng.).
15. Stimson, R. J., Stough, R. R., Roberts, B. H. (2006) *Regional Economic Development, Analysis, and Planning Strategy*. Heidelberg, Springer Berlin, 452 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Анна Кимовна Кайдашова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3922-694X

e-mail: kaidashova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 14.01.2025; принята в печать: 21.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Anna Kimovna Kaidashova, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

ORCID iD: 0000-0003-3922-694X

e-mail: kaidashova@mail.ru

The paper was submitted: 14.01.2025.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

МЕТОДИКА ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В. В. Попов

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: popovvv1@yandex.ru

Аннотация. В исследовании изложен авторский подход к проведению экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности страны посредством рассмотрения основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности в качестве ключевой позиции данной оценки. Разработанная методика базируется на группировке показателей по вышеуказанным направлениям, нормировании данных и оценке динамики на основе графического метода (лепестковые диаграммы).

В настоящее время подавляющее большинство методик направлено на оценку собственно показателей экономической безопасности, установленных Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», вне увязки с направлениями государственной политики в данной области. Применяемый метод характеризуется новым подходом к систематизации полученных данных, что можно также считать научной новизной исследования. Целью научного исследования является разработка методики экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности Российской Федерации. В работе предложена систематизация основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности и характеризующих её показателей (таблица 1), а также методика проведения анализа (рисунок 1).

В процессе апробации разработанной методики для оценки практической значимости исследования установлено, что из 8 направлений государственной политики наиболее полно реализуются аспекты, связанные с развитием человеческого капитала страны, ростом реального сектора экономики, повышением внешнеэкономического потенциала хозяйствующих субъектов, а также пространственным и региональным развитием. Вопросы внедрения инновационных технологий для реализации соответствующего направления представляются перспективными, и в качестве косвенных показателей дополняют картину по вышеуказанным пунктам, однако как самостоятельное направление не имеют достаточного комплексного базиса и нуждаются в более тщательной проработке. Наиболее рискованным направлением можно считать развитие финансовой системы из-за ряда объективных причин, в большинстве своем связанных с нынешними экономическими условиями. В качестве возможного направления развития исследований в данной тематике видится отражение региональной специфики; его реализация будет возможна только при наличии соответствующей информационной базы данных.

Ключевые слова: экономическая статистика, экономический анализ, методика, экономическая безопасность.

Для цитирования: Попов В. В. Методика экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности государства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 52–63. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-52>.

METHODOLOGY OF ECONOMIC AND STATISTICAL ANALYSIS OF THE STATE OF ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

V. V. Popov

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: popovvv1@yandex.ru

Abstract. The study outlines the author's approach to conducting an economic and statistical analysis of the state of the country's economic security by considering, as a key position of this assessment, the main directions of state policy in the field of economic security. The developed methodology is based on the grouping of indicators in the above areas,

data normalization and dynamics assessment based on the graphical method (petal diagrams).

Currently, the vast majority of methods are aimed at assessing the economic security indicators themselves, established by Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030», outside of alignment with the directions of state policy in this area. The applied method is characterized by a new approach to the systematization of the data obtained, which can also be considered a scientific novelty of the study. The aim of the scientific research is to develop a methodology for economic and statistical analysis of the state of economic security of the Russian Federation. The paper proposes a systematization of the main the directions of state policy in the field of ensuring economic security and its characteristic indicators (Table 1), as well as the methodology of the analysis (Figure 1).

In the process of testing the developed methodology to assess the practical significance of the study, it was found that of the 8 areas of state policy, aspects related to the development of the country's human capital, the growth of the real sector of the economy, increasing the foreign trade potential of economic entities, as well as spatial and regional development are most fully implemented. The issues of introducing innovative technologies for the implementation of the relevant area seem promising, and as indirect indicators complement the picture on the above points, however, as an independent area they do not have a sufficient comprehensive basis and need more careful study. The development of the financial system can be considered the riskiest direction, however, there are a number of objective reasons for this, most of them related to the current economic conditions. The reflection of regional specifics is seen as a possible direction for the development of research in this area; its implementation will be possible only if there is an appropriate information database.

Key words: economic statistics, economic analysis, methodology, economic security.

Cite as: Popov, V. V. (2025) [Methodology of economic and statistical analysis of the state of economic security of the state]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 52–63. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-52>.

Введение

Вопросы оценки уровня экономической безопасности на данном этапе исторического развития достаточно активно рассматриваются в работах российских и зарубежных исследователей.

На сегодняшний день нормативное регулирование вопросов обеспечения и защиты экономической безопасности государства сводится к регламентированию в основополагающих нормативно-правовых актах^{1, 2, 3, 4, 5}.

Непосредственно направленным на оценку состояния экономической безопасности страны, с методической точки зрения, является Указ Президента РФ № 208, в котором приведен (п. 27) исчерпывающий перечень показателей состояния экономической безопасности страны, насчитывающий 40 пунктов.

Следует отметить, что законодатель предусматривает возможность оперативного внесения изменений

в данный перечень, однако в практическом аспекте установленные показатели полностью охватывают данные для мониторинга, осуществляемого Министерством экономического развития Российской Федерации и входящего в систему управления соответствующими рисками.

Каких-либо нормативно установленных пороговых значений вышеуказанных показателей не существует, и данная оценка осуществляется экспертным путем посредством сопоставления наблюдаемых значений с установленными нормативами.

С учетом вышеуказанного, целью научного исследования является разработка методики экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности Российской Федерации.

Информационной базой для проведения соответствующего анализа является ресурс Федеральной службы государственной статистики России (Рос-

¹ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.02.2025).

² Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 17.02.2025).

³ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 17.02.2025).

стат), раздел «Показатели для оценки состояния экономической безопасности России» (<https://rosstat.gov.ru/econSafety>).

Если предположить, что одним из залогов обеспечения надлежащей величины пороговых значений данных показателей может являться грамотная государственная политика во всех значимых сферах экономики и общества, то следует рассмотреть возможность характеристики показателей через призму эффективности направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

В соответствии с Указом Президента РФ 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», в пункте 15 предусмотрены основные направления государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, а в пункте 27 – порядковый номер показателя экономической безопасности Российской Федерации; данные отражены в таблице 1.

Материалы и методы

Сегодня сложилась такая ситуация, что научные исследования в области анализа состояния уровня экономической безопасности в основном сводятся к оценке динамики и структуры её показателей, без привязки к качественному содержанию исследуемых категорий; либо устанавливаются (на основе частной экспертной оценки) соответствующие пороговые значения показателей экономической безопасности, после сравнения с которыми формируется соответствующий вывод о ее состоянии.

Так, влияние федеральной бюджетной политики на национальную безопасность анализировалось в работе Ю. В. Быковской [2]. Анализ отдельных индикаторов и влияние санкционных шоков на них исследовалось в работе Плотникова, отмечалось их снижение ниже порогового значения в 2020 г. и 2022 г. [8].

В то же время ряд исследователей сходятся во мнении, что устанавливать и оценивать пороговые значения желательно с использованием метода декомпозиции [7]. Показатели оценки экономической безопасности государства во внешнеэкономической сфере разрабатывались С. В. Курихиным [5]. Сбалансированное развитие промышленности как основу национальной безопасности ставят во главу угла авторский коллектив под руководством В. В. Глинского [9], а также Л. К. Матвеева [6].

Проблемы обеспечения достоверности, сбора и концентрации статистических показателей в целях определения состояния национальной экономики рассматривались в работах И. И. Елисеевой [3] и В. Н. Афанасьева [1].

Тематика проведения экономических исследова-

ний в отношении экономической безопасности не остается без внимания и у зарубежных коллег. В частности, Yuhuan Sun, Ying Dong, Xueli Chen, Malin Song в своей работе [14] рассматривают вопросы, связанные с сочетанием экологической и экономической безопасности, рационализация которого становится залогом устойчивого развития страны (КНР), выраженного в сбалансированном развитии экономики, ресурсов, окружающей среды и общества.

Chao Wu в своей работе [10], посвященной поиску новых путей к построению концепции национальной безопасности, акцентирует внимание на том, что постоянный технологический прогресс общества актуализирует необходимость поиска новых возможностей перехода к неоклассическому пониманию самой концепции национальной, а также экономической безопасности страны.

Khalid Khan, Adnan Khurshid и Javier Cifuentes-Faura проводят параллель между геополитическими рисками и развитием экономической безопасности, для чего в своей работе [12] ставят целью применение современного эконометрического аппарата, в частности, модели с причинно-следственными связями по Грейнджеру.

Malin Song, Qianjiao Xie, Muhammad Shahbaz и Xin Yao [13] акцентируют свое внимание на оценке влияния количества и качества природных ресурсов страны на ее экономический рост и, соответственно, на обеспечение экономической безопасности. Shuhong Wang, Xintian Liu, Xueli Chen, Malin Song исследуют [15] отраслевой аспект экономической безопасности Китая, выраженный в оценке влияния факторов (на основе панельных данных) в области земельных ресурсов на экономический рост страны (в контексте её провинций).

Maria Chiara D'Errico [11], исследуя вопросы развития экономического роста и безопасности стран-участниц Организации экономического сотрудничества и развития, делает упор на выявлении зависимости между экономическим ростом каждой из 22 стран-участниц и сокращением выбросов парниковых газов.

Обобщая проводимые в настоящее время исследования, стоит заметить, что зачастую возникает весьма существенный риск получения некорректных результатов ввиду проявления субъективизма в отношении полученных оценок, обусловленного тем обстоятельством, насколько квалифицированно и достоверно исследователь может определить необходимый диапазон значений контролируемых показателей.

Выделенные законодателем направления государственной политики должны соответствовать определенному набору из перечня 40 показателей экономической безопасности страны.

Опираясь на вышеуказанные исследования и ряд других научных статей по схожей тематике (в частности, авторского коллектива под руководством Криворотова В. В. [4]), предлагается следующее соотношение количества показателей экономической безопасности страны (второй столбец) и направле-

ний государственной политики в данной области (таблица 1). Стоит отметить, что наименования показателей, отражающих состояние каждого направления, приведены в разделе «Результаты исследования» в соответствующих рисунках (№№ 2–9) в разрезе направлений.

Таблица 1. Систематизация основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности и характеризующих её показателей

Порядковый номер и наименование основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности согласно п.15 Указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 (в скобках – сокращенное обозначение для целей настоящего исследования)	Количество показателей экономической безопасности Российской Федерации (согласно п. 27 Указа Президента РФ № 208 от 13 мая 2017 г.)
1) развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики (государственное управление)	12 показателей
2) обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики (реальный сектор)	15 показателей
3) создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере (инновации)	9 показателей
4) устойчивое развитие национальной финансовой системы (финансы)	9 показателей
5) сбалансированное пространственное и региональное развитие Российской Федерации, укрепление единства ее экономического пространства (пространственное развитие)	6 показателей
6) повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортноориентированных секторов экономики (внешнеэкономическое сотрудничество)	10 показателей
7) обеспечение безопасности экономической деятельности (безопасность экономической деятельности)	4 показателя
8) развитие человеческого потенциала (человеческий потенциал)	12 показателей

Источник: разработано автором на основе Указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 17.02.2025)

На следующем этапе проводимого исследования требуется определить абсолютные отклонения сравниваемых показателей в текущем (исследуемом) периоде по сравнению с базисным, после чего следует приступить к процедуре нормирования данных.

В современной литературе существует сравнительно широкий перечень способов данной процедуры. В настоящем исследовании наиболее целесообразно провести корректировку полученных отклонений показателей экономической безопасности страны с учетом специфики каждого из них по следующей схеме. Предположим, что показатель «степень износа основных фондов» демонстрирует снижение в наблюдаемом году. Однако, поскольку сам показатель по своей экономической природе отрицательно влияет на экономическую безопасность, то корректировка про-

изводится по математическому правилу умножения чисел с разными знаками. В результате получаем, что снижение степени износа основных фондов оказывает благоприятное влияние на состояние экономической безопасности страны, поскольку ускорение их обновления является одной из важных задач развития национальной экономики.

На следующем этапе производится оценка полученных результатов, для чего целесообразно прибегнуть к применению инструментария графического анализа в виде построения лепестковых диаграмм по каждому из направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В качестве исходного значения базисного года примем «1», в то время как увеличение показателя (безотносительно его абсолютного выражения) с учетом

экономической сущности будет выражено как «+0,5» к базисному значению. Соответственно, снижение показателя будет выражено как «-0,5». В общем виде

методика проведения экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности Российской Федерации представлена на рисунке 1.

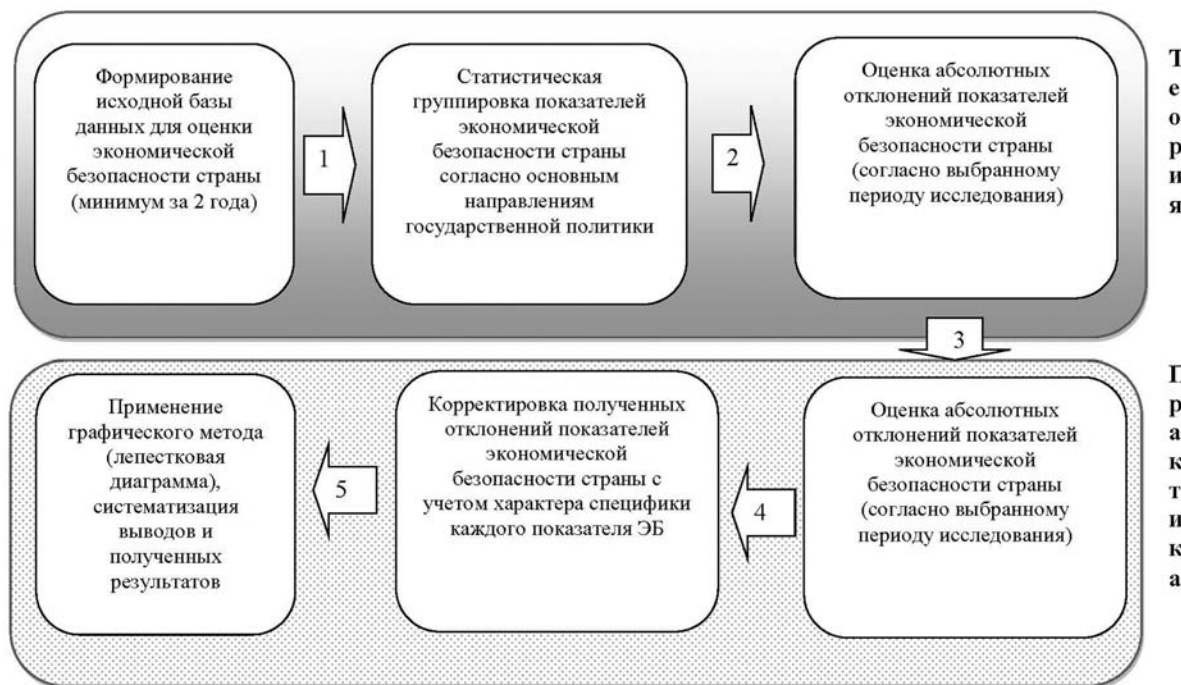

Рисунок 1. Методика экономико-статистического анализа состояния экономической безопасности государства
 Источник: разработано автором

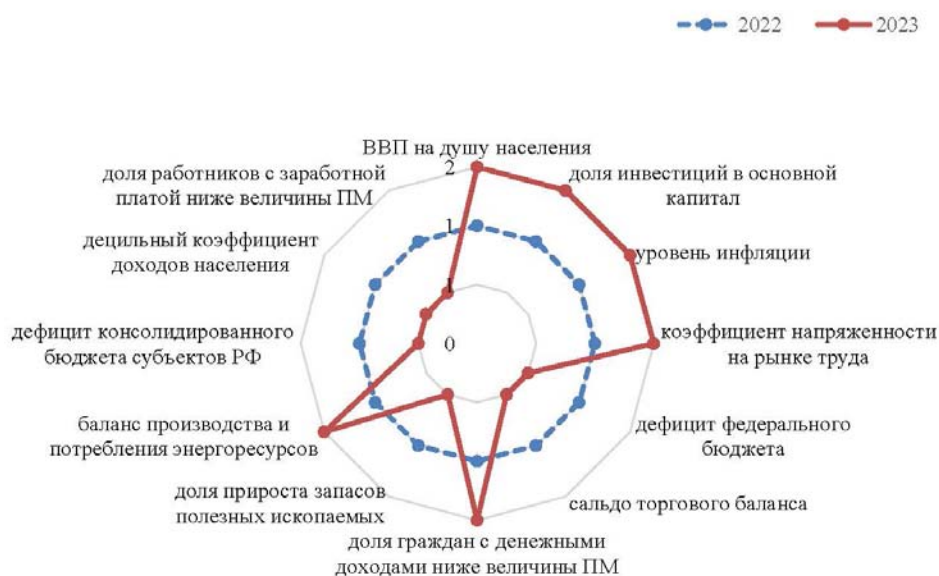

Рисунок 2. Реализация направления №1 государственной политики (государственное управление) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

Результаты исследования

Рассматривая вопросы апробации предлагаемой методики, в качестве особенностей ее реализации следует отметить неравномерность распределения показателей экономической безопасности страны согласно соответствующему направлению государственной политики. Стоит оговорить, что данное распределение также может варьироваться в зависимости как от задач проведения экономико-статистического анализа, так и от набора и доступа к показателям и предпочтений исследователя.

При исследовании степени достижения цели по направлению № 1 государственной политики в сфере

обеспечения экономической безопасности, получили следующие результаты, отраженные на рисунке 2.

Система государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики развивается неравномерно, поскольку лишь 50% показателей экономической безопасности, формирующих данное направление, имеют положительно оцениваемую динамику. Среди положительных моментов стоит выделить развитие благоприятного инвестиционного климата в сфере основного капитала организаций, снижения уровня инфляции, а также доли граждан с доходами ниже прожиточного минимума.

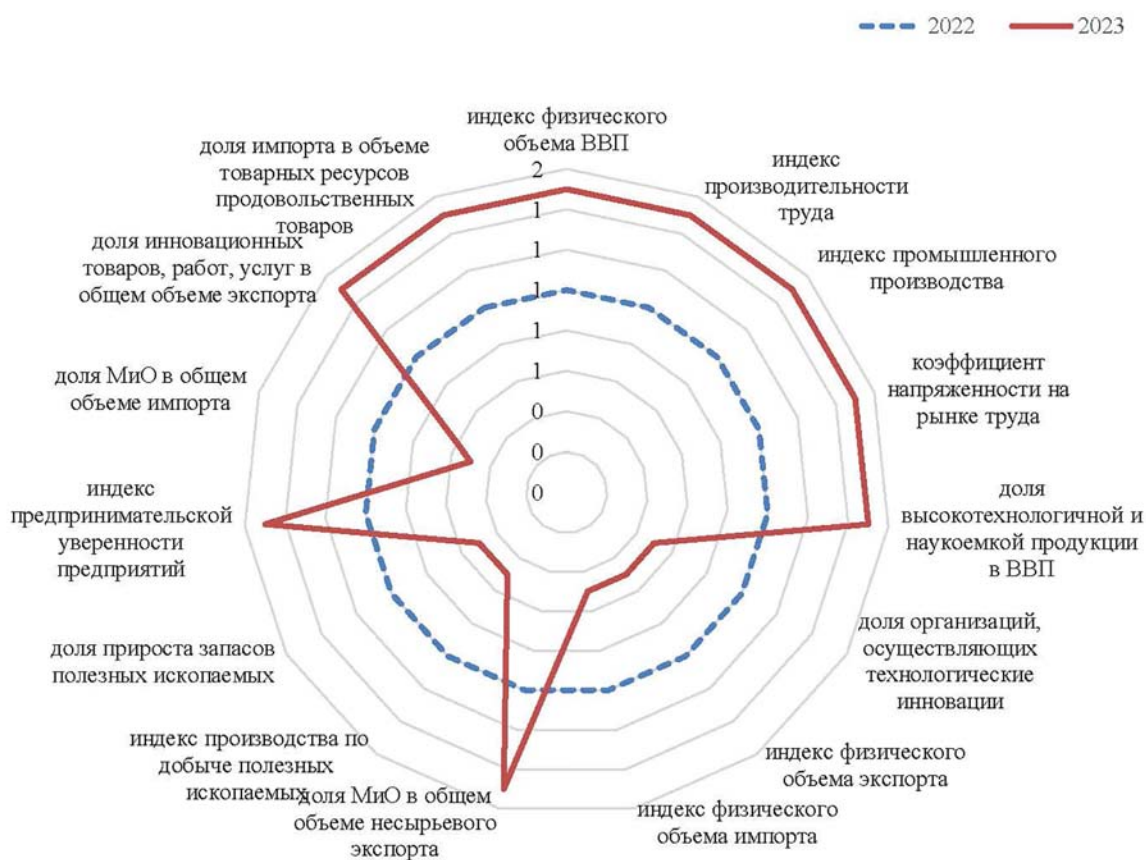

Рисунок 3. Реализация направления № 2 государственной политики (реальный сектор) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

Как следует из результатов проведенного анализа (рисунок 3), рост реального сектора экономики возможен за счет резервов в области повышения производительности труда, улучшения деятельности промышленных предприятий, в том числе и в отраслях

производства высокотехнологичной продукции. При этом следует отметить сокращение доли организаций, осуществляющих внедрение технологических инноваций, что свидетельствует о проведении политики укрупнения действующих на рынке предприятий.

Рисунок 4. Реализация направления № 3 государственной политики (инновации) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

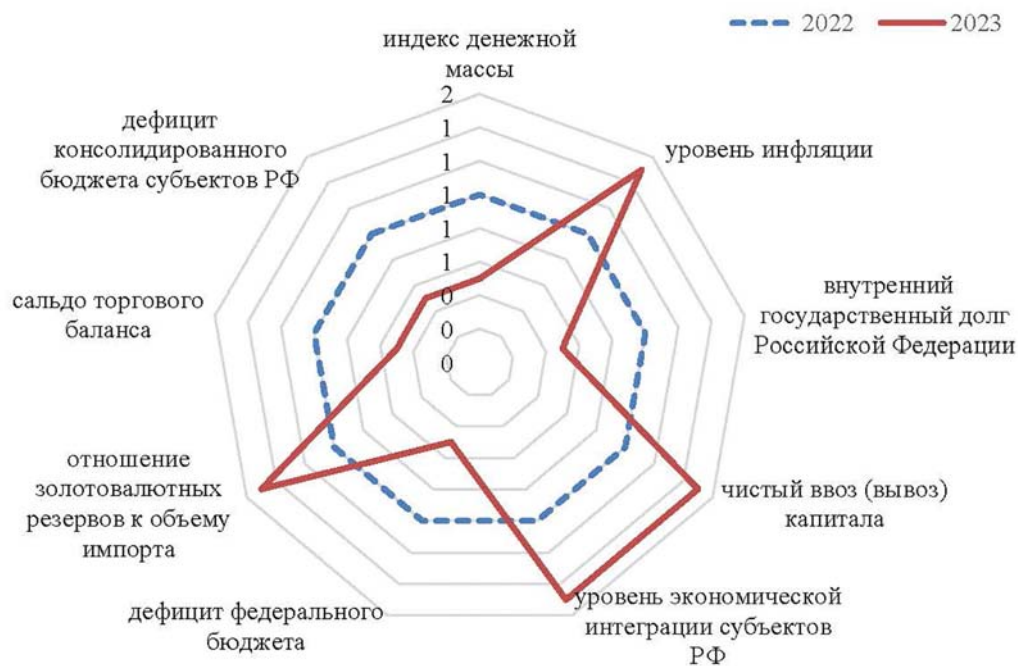

Рисунок 5. Реализация направления № 4 государственной политики (финансы) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

К слову, внедрение инновационных технологий в области технологического развития наглядно представлено на рисунке 4. Увеличение объемов инвестиций в данный сектор благоприятно сказывается на удельном весе наукоемкой продукции, производимой российскими предприятиями, как на рынке, так и в структуре ВВП страны. Однако требуют проработки вопросы в сфере обновления основных фондов, хотя данный показатель затрагивает как сектор наукоемкой, так и общей промышленности в стране.

Результаты оценки состояния финансовой системы страны, показанные на рисунке 5, отражают факт нестабильного состояния. Это обусловлено изменением внутреннего госдолга, сальдо торгового баланса, а также дефицитом консолидированного бюджета. В то же время наблюдается стабилизация в части накопления золотовалютных резервов и уровня инфляции, что повышает финансовую устойчивость населения к возможным потрясениям и шокам.

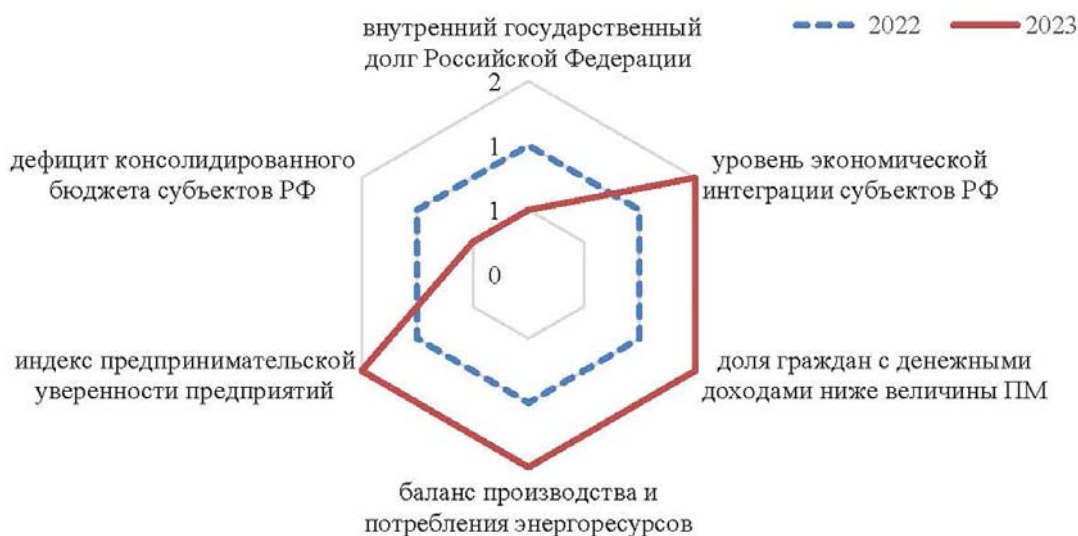

Рисунок 6. Реализация направления № 5 государственной политики (пространственное развитие) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

Несколько лучше обстоит ситуация в области пространственного и регионального развития (рисунок 6), обусловленная как укреплением финансового положения граждан страны, так и грамотным распределением производства и потребления на фоне повышения предпринимательской уверенности хозяйствующих субъектов.

Развитие внешнеэкономической деятельности в нынешних условиях является одной из наиболее чувствительных отраслей. Экономические санкции, внешнеполитическая нестабильность, а также периодические значительные колебания курса национальной валюты не располагают к всестороннему развитию. Об этом говорят, в частности, изменения показателей физического объема как экспорта, так и импорта, отраженные на рисунке 7. Однако изменения в структуре несырьевого экспорта могут в перспективе создать одно из условий ухода от мо-

дели сырьевой направленности в сторону наукоемкой продукции, что также подтверждает показатель «доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме экспорта».

Седьмое направление (рисунок 8) охватывает по большей части поддержку деятельности российских хозяйствующих субъектов. Все показатели имеют благоприятную тенденцию; особенно следует выделить индекс предпринимательской уверенности, а также уровень экономических преступлений, которые напрямую связаны с осуществлением хозяйственной деятельности экономическими субъектами.

Одним из важнейших составляющих экономической безопасности любого государства является развитие человеческого потенциала. В Российской Федерации сложилась следующая ситуация, представленная на рисунке 9.

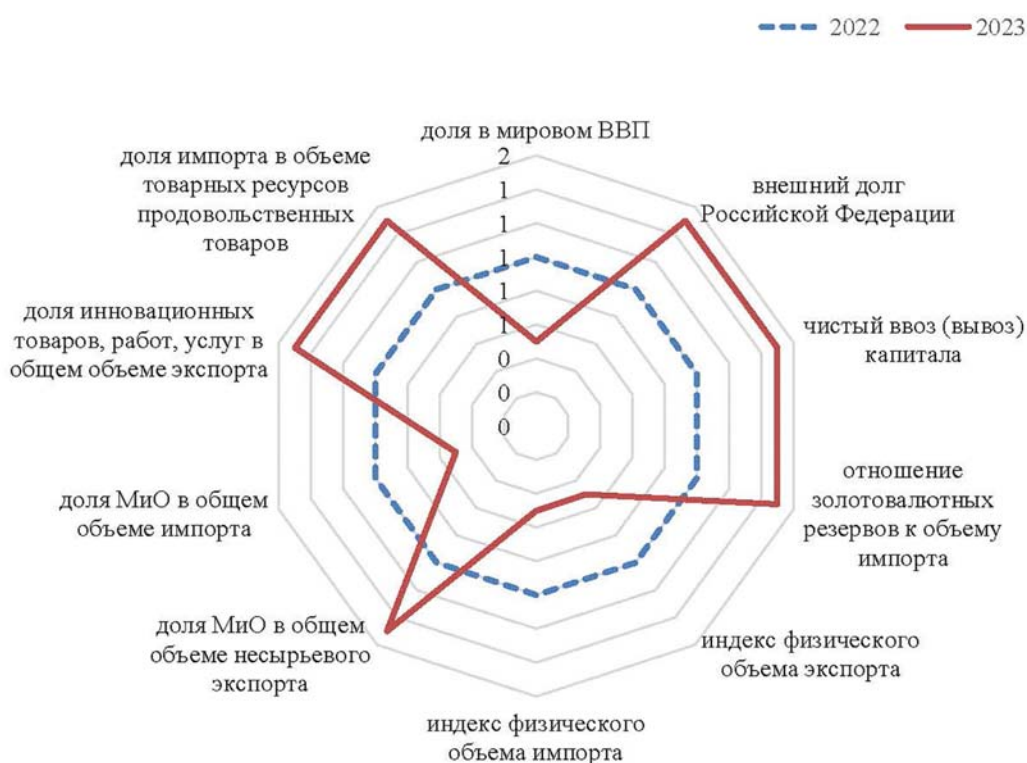

Рисунок 7. Реализация направления № 6 государственной политики (внешнеэкономическое сотрудничество) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

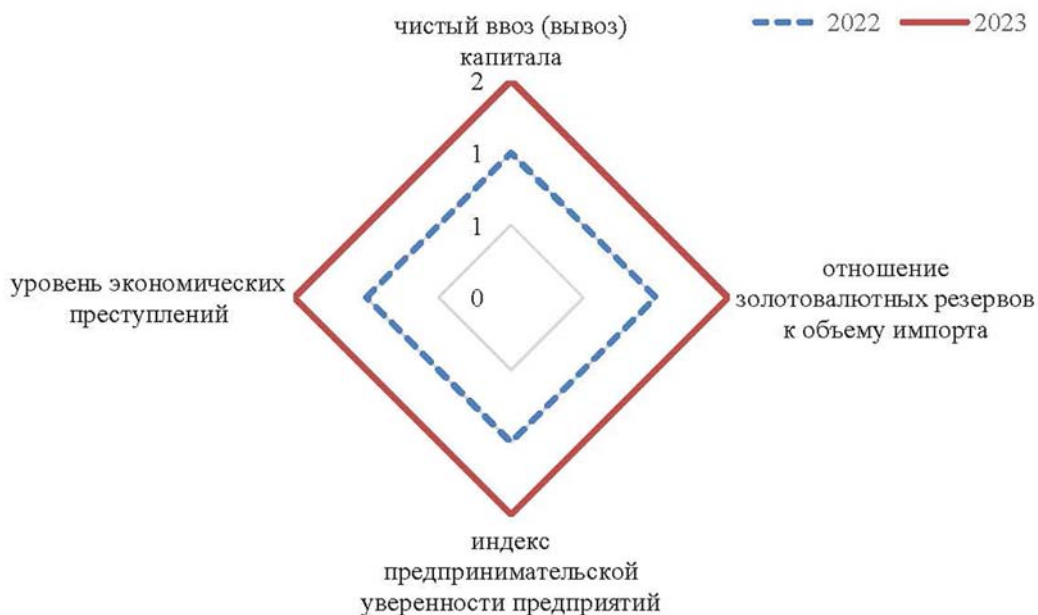

Рисунок 8. Реализация направления № 7 государственной политики (безопасность экономической деятельности) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

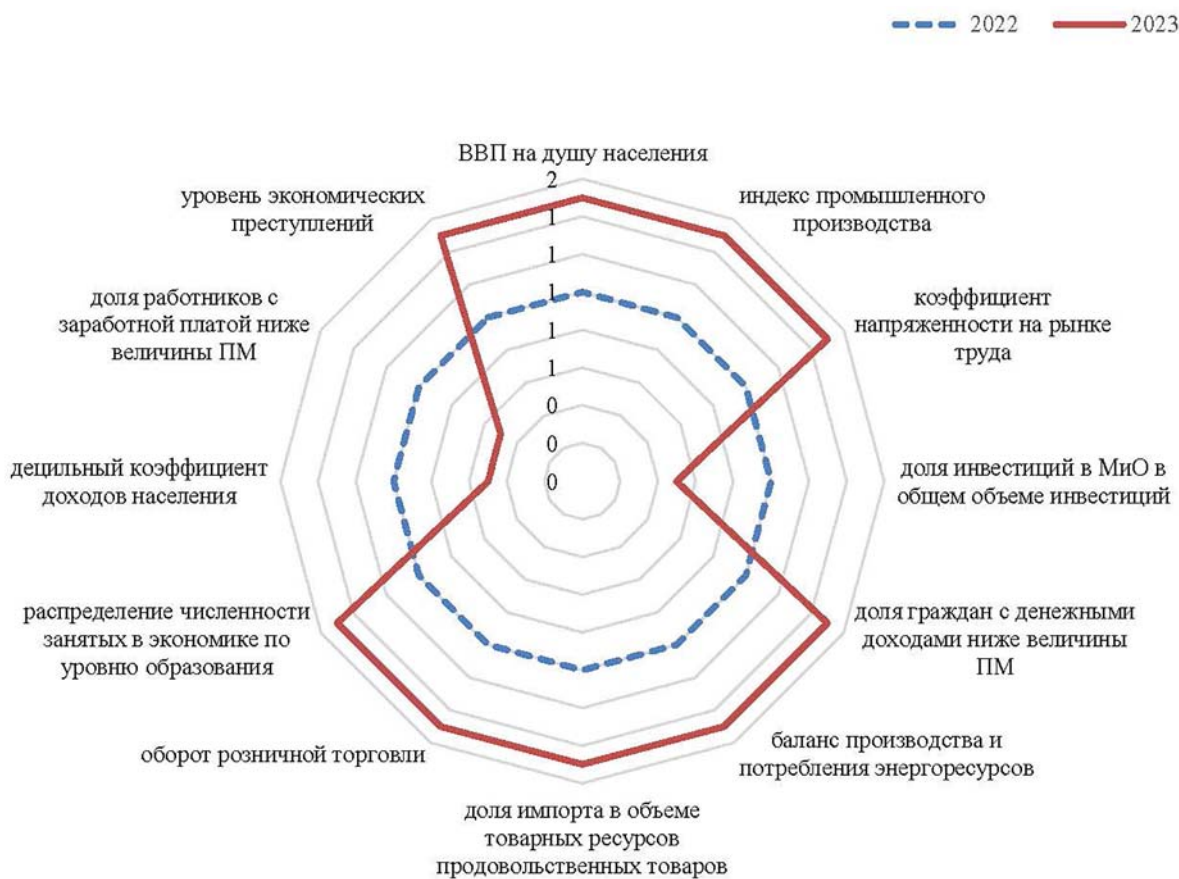

Рисунок 9. Реализация направления № 8 государственной политики (человеческий потенциал) в сфере обеспечения экономической безопасности

Источник: разработано автором на основе данных rosstat.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025)

Экономические условия деятельности граждан РФ остаются пока на недостаточно высоком уровне, что подтверждается показателями доли работников и граждан с доходами ниже прожиточного минимума, однако характеристика производственных возможностей (показатели ВВП на душу населения, индекс промышленного производства и пр.), а также снижение напряженности на рынке труда свидетельствует о возрастающей перспективе роста благосостояния населения.

Заключение

В статье предпринята попытка апробации авторского подхода к оценке состояния экономической безопасности страны через призму реализации основных направлений государственной политики в сфере её обеспечения. Разработанная методика базируется на группировке показателей по вышеуказанным направлениям, нормировании данных и оценке динамики на основе графического метода (построение лепестковых диаграмм).

Сам метод оценки не является новаторским, одна-

ко характеризуется новым подходом к систематизации полученных данных. В результате установлено, что из 8 направлений государственной политики в данной области наиболее полно достигаются те, которые связаны с развитием человеческого капитала страны, ростом реального сектора экономики, повышением внешнеторгового потенциала хозяйствующих субъектов, а также пространственным и региональным развитием. Вопросы внедрения инновационных технологий для реализации соответствующего направления представляются перспективными, дополнительно характеризующими существующее положение вещей, однако в качестве самостоятельного объекта исследования требуют проведения более детального экономико-статистического анализа. Отдельно стоит уделить внимание развитию финансовой системы; риски в данном направлении обусловлены складывающимися в настоящее время экономическими и внешнеполитическими условиями.

В результате можно сделать вывод, что экономические потрясения, вызванные как пандемией, так

и участием России в СВО, могут быть нивелированы за счет внутренних резервов страны, что обеспечит приемлемый уровень экономической безопасности в нынешних условиях. В качестве возможного на-

правления развития исследований по данной тематике видится отражение региональной специфики; его реализация будет возможна только при наличии соответствующей информационной базы данных.

Литература

1. Афанасьев В. Н. Достоверность статистических показателей в методологии измерения «цифровой экономики» // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2019. – № 5. – С. 31–38. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-5-31>. – EDN: VEJAGZ.
2. Быковская Ю. В. Оценка основных показателей федерального бюджета на 2023-2027 гг. В контексте эффективности проводимой государственной бюджетной политики // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2024. – Т. 1, № 12(153). – С. 179–202. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.12.01.018>. – EDN: DTCTXX.
3. Елисеева И. И. Совершенствование применения показателей ЦУР в российской статистике // *Вопросы статистики*. – 2024. – Т. 31, № 6. – С. 82–86. – EDN: GDKROW.
4. Криворотов В. В., Калина А. В., Белик И. С. Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. – 2019. – Т. 18, № 6. – С. 892–910. – <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.6.043>. – EDN: JRQDEP.
5. Курихин С. В. Развитие системы показателей оценки состояния экономической безопасности Российской Федерации во внешнеэкономической сфере // *Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле*. – 2020. – № 3(13). – С. 9–14. – EDN: XGQALU.
6. Матвеева Л. К. Экономическая безопасность – основа национального суверенитета России // *Вестник Университета мировых цивилизаций*. – 2024. – Т. 15, № 1(42). – С. 88–94. – <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-142-88-94>. – EDN: FNFVOC.
7. Об оценке пороговых значений в решении задачи классификации данных / В. В. Глинский [и др.] // *Вопросы статистики*. – 2014. – № 12. – С. 30–36. – EDN: TAXMLT.
8. Плотников А. В. Механизмы нарушения экономической безопасности: анализ с позиций порогового подхода // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. – 2024. – № 1(59). – С. 5–10. – EDN: DMXWNW.
9. Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности как условие повышения национальной безопасности России / В. В. Глинский [и др.] // *Вестник НГУЭУ*. – 2017. – № 3. – С. 221–234. – EDN: ZPCZOX.
10. Chao Wu (2024) Redefining concepts of nation and national security and establishing their models for the new era. *Journal of Safety and Sustainability*. – <https://doi.org/10.1016/j.jsasus.2024.12.002>. (In Eng.).
11. D’Errico M. C. (2024) Sustainable economic growth and energy security nexus: A stochastic frontier analysis across OECD countries. *Energy Economics*. Vol. 132. No. C. P. 107447. – <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107447>. (In Eng.).
12. Khan K., Khurshid A., Cifuentes-Faura J. (2023) Investigating the relationship between geopolitical risks and economic security: Empirical evidence from central and Eastern European countries. *Resources Policy*. Vol. 85. No. 1. P. 103872. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103872>. (In Eng.).
13. Song M., et al. (2023) Economic growth and security from the perspective of natural resource assets *Resources Policy*. Vol. 80. No. C. P. 103153. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103153>. (In Eng.).
14. Sun Y., et al. (2023) Dynamic evaluation of ecological and economic security: Analysis of China. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 387. No. 2. P. 135922. – <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.135922>. (In Eng.).
15. Wang S., et al. (2024) An evaluative study of economic security from the perspective of land resource assets. *Land Use Policy*. Vol. 139. No. C. P. 107062. – <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2024.107062>. (In Eng.).

References

1. Afanasyev, V. N. (2019) [Reliability of statistical indicators in the methodology of measuring the «digital economy»]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 31–38. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-5-31>. (In Russ.).
2. Bykovskaya, Yu. V. (2024) [Assessment of the main indicators of the federal budget for 2023-2027 in the context of the effectiveness of the current state budget policy]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economy and Management: Problems, Solutions]. Vol. 1, No. 12 (153), pp. 179–202. – <https://doi.org/10.36871/>

ek.up.p.r.2024.12.01.018. (In Russ.).

3. Eliseeva, I. I. (2024) [Improving the Application of SDG Indicators in Russian Statistics]. *Voprosy statistiki* [Questions of Statistics]. Vol. 31, No. 6, pp. 82–86. (In Russ.).

4. Krivorotov, V. V., Kalina, A. V., Belik, I. S. (2019) [Threshold Values of Indicative Indicators for Diagnostics of Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management]. Vol. 18, No. 6, pp. 892–910. – <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.6.043>. (In Russ.).

5. Kurikhin, S. V. (2020) [Development of a System of Indicators for Assessing the State of Economic Security of the Russian Federation in the Foreign Economic Sphere]. *Zelenyy koridor. Nauka i obrazovaniye v tamozhennom dele* [Green Corridor. Science and education in customs affairs]. Vol. 3 (13), pp. 9–14. (In Russ.).

6. Matveeva, L. K. (2024) [Economic security – the basis of Russia’s national sovereignty]. *Vestnik Universiteta mirovykh tsivilizatsiy* [Bulletin of the University of World Civilizations]. Vol. 15, No. 1 (42), pp. 88–94. – <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-142-88-94>. (In Russ.).

7. Glinsky, V. V. (2014) [On the assessment of threshold values in solving the problem of data classification]. *Voprosy statistiki* [Questions of statistics]. Vol. 12, pp. 30–36. (In Russ.).

8. Plotnikov, A. V. (2024) [Mechanisms of Violation of Economic Security: Analysis from the Position of the Threshold Approach]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology]. Vol. 1 (59), pp. 5–10. (In Russ.).

9. Glinsky, V. V., et al. (2017) [Development of the Food and Processing Industry as a Condition for Improving Russia’s National Security]. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEM]. Vol. 3, pp. 221–234. (In Russ.).

10. Chao, Wu (2024) Redefining concepts of nation and national security and establishing their models for the new era. *Journal of Safety and Sustainability*. – <https://doi.org/10.1016/j.jsasus.2024.12.002>. (In Eng.).

11. D’Errico, M. C. (2024) Sustainable economic growth and energy security nexus: A stochastic frontier analysis across OECD countries. *Energy Economics*. Vol. 132. No. C, pp. 107447. – <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107447>. (In Eng.).

12. Khan, K., Khurshid, A., Cifuentes-Faura, J. (2023) Investigating the relationship between geopolitical risks and economic security: Empirical evidence from central and Eastern European countries. *Resources Policy*. Vol. 85. No. 1, pp. 103872. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103872>. (In Eng.).

13. Song, M., et al. (2023) Economic growth and security from the perspective of natural resource assets *Resources Policy*. Vol. 80. No. C, pp. 103153. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103153>. (In Eng.).

14. Sun, Y., et al. (2023) Dynamic evaluation of ecological and economic security: Analysis of China. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 387. No. 2, pp. 135922. – <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.135922>. (In Eng.).

15. Wang, S., et al. (2024) An evaluative study of economic security from the perspective of land resource assets. *Land Use Policy*. Vol. 139. No. C, pp. 107062. – <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2024.107062>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Валерий Владимирович Попов, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

ORCID iD: 0000-0003-4101-0881, **Researcher ID:** Q-4574-2018, **Scopus Author ID:** 57194420125

e-mail: popovvv1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025; принята в печать: 28.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Valery Vladimirovich Popov, Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Customs, Orenburg State University, Orenburg, Russia

ORCID iD: 0000-0003-4101-0881, **Researcher ID:** Q-4574-2018, **Scopus Author ID:** 57194420125

e-mail: popovvv1@yandex.ru

The paper was submitted: 21.02.2025.

Accepted for publication: 28.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

Научная статья
УДК 656.13

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-64>

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ МЕСТ КОНЦЕНТРАЦИИ ДТП ПО ПРИЧИНЕ НАРУШЕНИЯ ПДД ВОДИТЕЛЯМИ С УЧЕТОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

И. Е. Ильина

Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия
e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

Е. Е. Витвицкий

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск, Россия
e-mail: vitvitsky_ee@mail.ru

К. А. Перекусихина

Государственное бюджетное учреждение Пензенской области «Безопасный регион», Пенза, Россия
e-mail: k.perekusihina@br.pnzreg.ru

В. И. Рассоха

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Аннотация. Причиной высокой аварийности на автомобильном транспорте в подавляющем большинстве случаев является нарушение правил дорожного движения водителями транспортных средств. При этом в контексте обеспечения безопасности дорожного движения не рассматривается человеческий фактор, заключающийся в намеренно совершенных нарушениях или непреднамеренных ошибках при управлении транспортным средством. Данные нарушения и ошибки связаны с индивидуальными качествами водителей независимо к характеристикам транспортных средств, которыми они управляют. Индивидуальные качества водителей определяют их надежность и характеризуются эмоциональной устойчивостью, распределением внимания, временем реакции, компетентностью, во многом зависящими от возраста, стажа и опыта управления тем или иным видом транспортных средств. Целью исследования является снижение аварийности на основе выявления потенциальных мест концентрации дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с учетом параметров человеческого фактора. Для достижения поставленной цели использован алгоритм, позволяющий выполнить выбор соответствующих мест улично-дорожной сети из общего набора данных с помощью проверки условий, учитывающих человеческий фактор. Использование коэффициентов предпочтения позволяет выделить значимые показатели, соответствующие цели на момент проведения исследования. Исходными данными являются показатели аварийности на улично-дорожной сети из официальных источников за длительный период времени. Разработанная методика обладает научной новизной. Результатом научного исследования является определение потенциальных мест концентрации ДТП, а также значимости конкретных видов ДТП с определенными показателями в общей их массе на выбранном участке улично-дорожной сети с точки зрения цели исследователя. Теоретическая значимость работы заключается в проверке работоспособности предложенного алгоритма определения потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения правил дорожного движения водителем с учётом параметров человеческого фактора, что представляет и практический интерес с точки зрения прогнозирования показателей аварийности и разработки научно-обоснованных мероприятий по повышению безопасности дорожного движения. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение других составляющих человеческого фак-

тора, оказывающих влияние на безопасность дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, водитель, человеческий фактор, место концентрации дорожно-транспортных происшествий.

Для цитирования: Определение потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителями с учетом человеческого фактора / И. Е. Ильина [и др.] // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 64–74. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-64>.

Original article

IDENTIFICATION OF POTENTIAL ACCIDENT CONCENTRATIONS DUE TO TRAFFIC VIOLATIONS BY DRIVERS, TAKING INTO ACCOUNT THE HUMAN FACTOR

I. E. Ilyina

Penza State Agrarian University, Penza, Russia
e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

E. E. Vitvitsky

Siberian State Automobile and Road University (SibADI), Omsk, Russia
e-mail: vitvitsky_ee@mail.ru

K. A. Perekusikhina

Penza Region State Budgetary Institution «Safe Region», Penza, Russia
e-mail: k.perekusikhina@br.pnzreg.ru

V. I. Rassokha

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Abstract. *The reason for the high accident rate in motor transport in the vast majority of cases is the violation of traffic rules by drivers of vehicles. At the same time, in the context of ensuring road safety, the human factor is not considered, which consists in intentionally committed violations or unintentional mistakes when driving a vehicle. These violations and errors are related to the individual qualities of drivers, regardless of the characteristics of the vehicles they drive. The individual qualities of drivers determine their reliability and are characterized by emotional stability, attention span, reaction time, and competence, which largely depend on age, seniority, and experience driving a particular type of vehicle. The aim of the study is to reduce accidents by identifying potential concentrations of road accidents, taking into account the parameters of the human factor. To achieve this goal, an algorithm was used that allows selecting the appropriate locations of the road network from a common data set by checking conditions that take into account the human factor. The use of preference coefficients allows us to identify significant indicators that correspond to the goals at the time of the study. The initial data are accident rates on the road network from official sources over a long period of time. The developed methodology has a scientific novelty. The result of the scientific research is to determine the potential places of concentration of accidents, as well as the significance of specific types of accidents with certain indicators in their total mass on the selected section of the road network from the point of view of the researcher's goal. The theoretical significance of the work lies in verifying the operability of the proposed algorithm for determining potential concentrations of accidents due to violations of traffic rules by the driver, taking into account the parameters of the human factor, which is also of practical interest from the point of view of predicting accident rates and developing scientifically based measures to improve road safety. Further research should be aimed at studying other components of the human factor that have an impact on road safety.*

Key words: road safety, driver, human factor, place of concentration of traffic accidents.

Cite as: Ilyina, I. E., Vitvitsky, E. E., Perekusikhina, K. A., Rassokha, V. I. (2025) [Identification of potential accident concentrations due to traffic violations by drivers, taking into account the human factor]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 64–74. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-64>.

Введение

В условиях продолжающейся автомобилизации общества и роста транспортной подвижности населения вопрос обеспечения безопасности дорожного движения (БДД) приобретает всё большую актуальность. В Российской Федерации создана необходимая правовая система, предусматривающая решение проблем БДД с целью снижения показателей аварийности и дорожно-транспортного травматизма^{1, 2, 3}.

Активное использование автомобильного транспорта как для личных нужд, так и для осуществления профессиональной перевозочной деятельности «свидетельствует об интенсивном использовании человеческого потенциала, что обуславливает возрастание роли человеческого фактора в обеспечении БДД, в том числе в сохранении жизни и здоровья пассажиров и в сохранности грузов» [15].

Необходимость исследования проблем человеческого фактора также определяется высокой аварийностью на автомобильном транспорте в РФ⁴.

В 2023 году было совершено 116614 дорожно-транспортных происшествий (ДТП) по причине нарушения правил дорожного движения (ПДД) водителями транспортных средств, в которых погибли 12330 (85% от общего количества погибших в ДТП) и были ранены 151966 (91,3% от общего количества раненых в ДТП) человек. Основными видами нарушений ПДД, ставшими причинами ДТП, являлись: несоответствие скорости конкретным условиям движения (24054 ДТП, 18,2% от их общего количества), нарушение правил проезда перекрестков (22359 ДТП, 16,9%), нарушение правил расположения транспортных средств на проезжей части (13959 ДТП, 10,5%), неправильный выбор дистанции (12639 ДТП, 9,5%), нарушение правил проезда пешеходных переходов (11203 ДТП, 8,5%), выезд на полосу встречного движения (11058 ДТП, 8,3%). На рисунке 1 представлены показатели аварийности из-за

нарушений ПДД водителями, причем красным цветом отмечены нарушения, по которым наблюдается увеличение значений показателей аварийности.

Предпринимаемые меры в рамках реализации федеральных целевых программ^{5, 6} и долгосрочных национальных и федеральных приоритетных проектов «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Инфраструктура для жизни»⁷ в части обеспечения БДД ориентированы на достижение целевых показателей, а именно снижение смертности в результате ДТП. Тем не менее, показатели аварийности по-прежнему остаются недопустимо высокими.

На основании сведений из официальных источников МВД ГИБДД РФ около 30% ДТП происходит из-за недостатков эксплуатационного состояния и обустройства улиц и дорог, около 5% ДТП – из-за технической неисправности транспортных средств, примерно 10% ДТП – по причине нарушения ПДД пешеходами и до 92% ДТП – по причине нарушения ПДД водителями транспортных средств. При этом следует учитывать, что возникновению ДТП могут способствовать одновременно несколько причин, например, неудовлетворительные дорожные условия и нарушение ПДД водителем. Данные показатели подтверждают, что человеческий фактор является основной причиной ДТП.

Обзор литературы

На сегодняшний день нет ясного и точного понимания понятия «человеческий фактор», но общеизвестно, что проблема выявления влияния человека на различные процессы заключается в недостаточных знаниях о причинно-следственных связях воздействия на человека комплекса природных, социальных, производственных, психофизиологических факторов и его поведения. Представленный А. Н. Томилиным «контент-анализ термина «человеческий фактор» позволяет увидеть широкий диапазон трактовок рассматриваемого термина,

¹ Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Гарант – URL: <https://base.garant.ru/10105643/> (дата обращения: 10.02.2025).

² Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/556323639> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 06.12.2024) «О Правилах дорожного движения» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004835> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». – 2024. – 154 с.

⁵ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. N 100 «О федеральной целевой программе "Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах» // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/189189/> (дата обращения: 10.02.2025).

⁶ Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 N 864 (ред. от 13.12.2017) О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/70467076/> (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.02.2025).

его присутствие во всех сферах деятельности человека, а также его тесную связь с основными социальными ка-

чествами людей и конкретными характеристиками человека как специалиста и профессионала» [15].

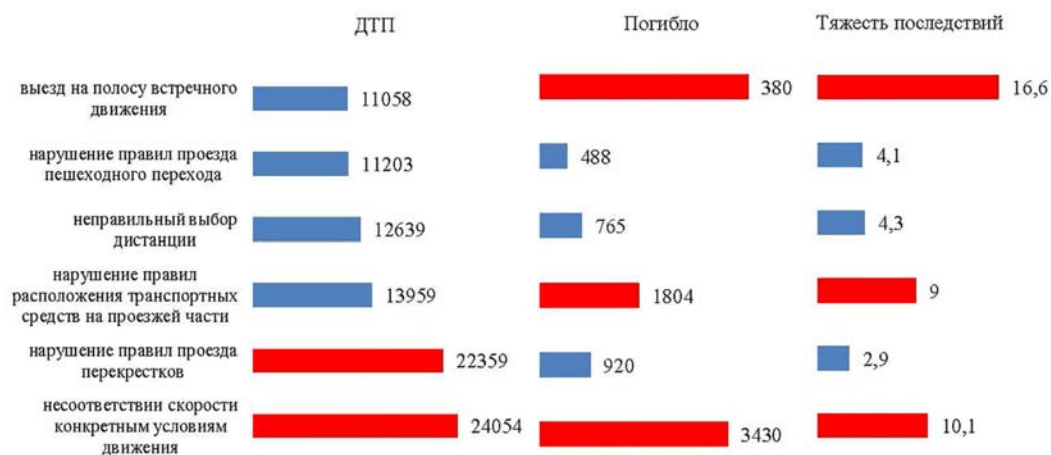

Рисунок 1. Показатели аварийности из-за нарушений ПДД водителями транспортных средств

Источник: составлено авторами на основе данных показателей состояния безопасности дорожного движения. – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 15.01.2024)

Маринов М. Л. и Каминский В. Ю. разделяют направления в формулировке термина «человеческий фактор» на «процесс и свойство – обозначение функционирования человека в системе различных отношений и совокупность его различных характеристик, возможностей, ограничений» [10; 11].

Авторы [6] в своих исследованиях изучали движение маршрутных транспортных средств в районе остановочных пунктов, проводили анкетирование водителей и определили 7 факторов, способствующих нарушению ПДД водителями маршрутных транспортных средств.

Исследования Доткуловой А. С.⁸, Васильева В. И.⁹, Пегина П. А.¹⁰ посвящены изучению характеристик водителя, отвечающих за его надёжность и обуславливающих психофизиологическое состояние в условиях воздействия климатических и дорожных факторов.

На современном этапе развития общества происходит все большее увеличение психологических нагрузок на человека в сфере его профессиональной деятельности. Практически во всех работах по психологии

на автотранспорте основные исследования направлены на изучение поведения водителей, так как именно они испытывают большую психологическую нагрузку. Курганов В. М.¹¹ основной акцент сделал на дифференциацию психологических качеств водителей в зависимости от их специализации и уровня надёжности.

Трофименко Ю. В. отмечает, что «... новые транспортные технологии требуют изменения привычных стереотипов транспортного поведения, навыков управления транспортными средствами, исходя из условий обеспечения безопасности...» [14; 16].

Чванов В. В. при формировании состояния БДД в зависимости от уровня автомобилизации выделяет «изменения стереотипов поведения пользователей дорог как одного из приоритетных для снижения риска ДТП» [3; 17].

Зарубежные ученые John R. Treat, N. S. Tumbas, McDonald, T. Stephen; David Shinar, R. D. Hume, R. E. Mayer, R. L. Stansifer, N. J. Castellan после длительного периода наблюдений еще в 1979 году назвали человеческий фактор в качестве причин 92,6% ДТП [22].

⁸ Доткулова А. С. Повышение безопасности дорожного движения на основе оценки поведения водителя: автореферат дис... канд. техн. наук. – М., 2022. – 24 с.

⁹ Васильев В. И. Обеспечение безопасности автотранспортных средств на режимах торможения: автореферат дис... д-ра техн. наук. – Тюмень, 2006. – 40 с.

¹⁰ Пегин П. А. Повышение эффективности и безопасности эксплуатации автомобильного транспорта на основе увеличения пропускной способности автомагистралей: автореферат дис... д-ра техн. наук. – Орел, 2011. – 39 с.

¹¹ Курганов В. М. Психология управления. Автотранспортная психология: учеб. пособие / под ред. А. Ф. Шикуну. – М.: Приор-издат. – 2004. – 139 с.

В результате обобщения результатов исследований вышеназванных ученых, а также В. А. Грушникова [1], П. П. Володькина [18], И. Е. Ильиной [4; 5], Д. В. Капского [7], С. С. Евтюкова [2], А. С. Корсакова [8], Е. В. Куракиной [9], Р. В. Николаевой [12], В. В. Сильянова, В. Т. Капитанова [13], И. П. Энглеззи [19], M. Faus, F. Alonso, A. Egidio и M. Rezarour [20], J. Reason [21], чьи труды посвящены изучению роли человеческого фактора в возникновении ДТП и особенностей

поведения водителей, а также проблемам управления мобильностью населения, установлены основные параметры человеческого фактора – возраст и стаж управления конкретным видом транспортного средства.

Поэтому актуальным является определение потенциальных мест концентрации ДТП на улично-дорожной сети города на основе учета параметров человеческого фактора водителя с целью снижения показателей аварийности.

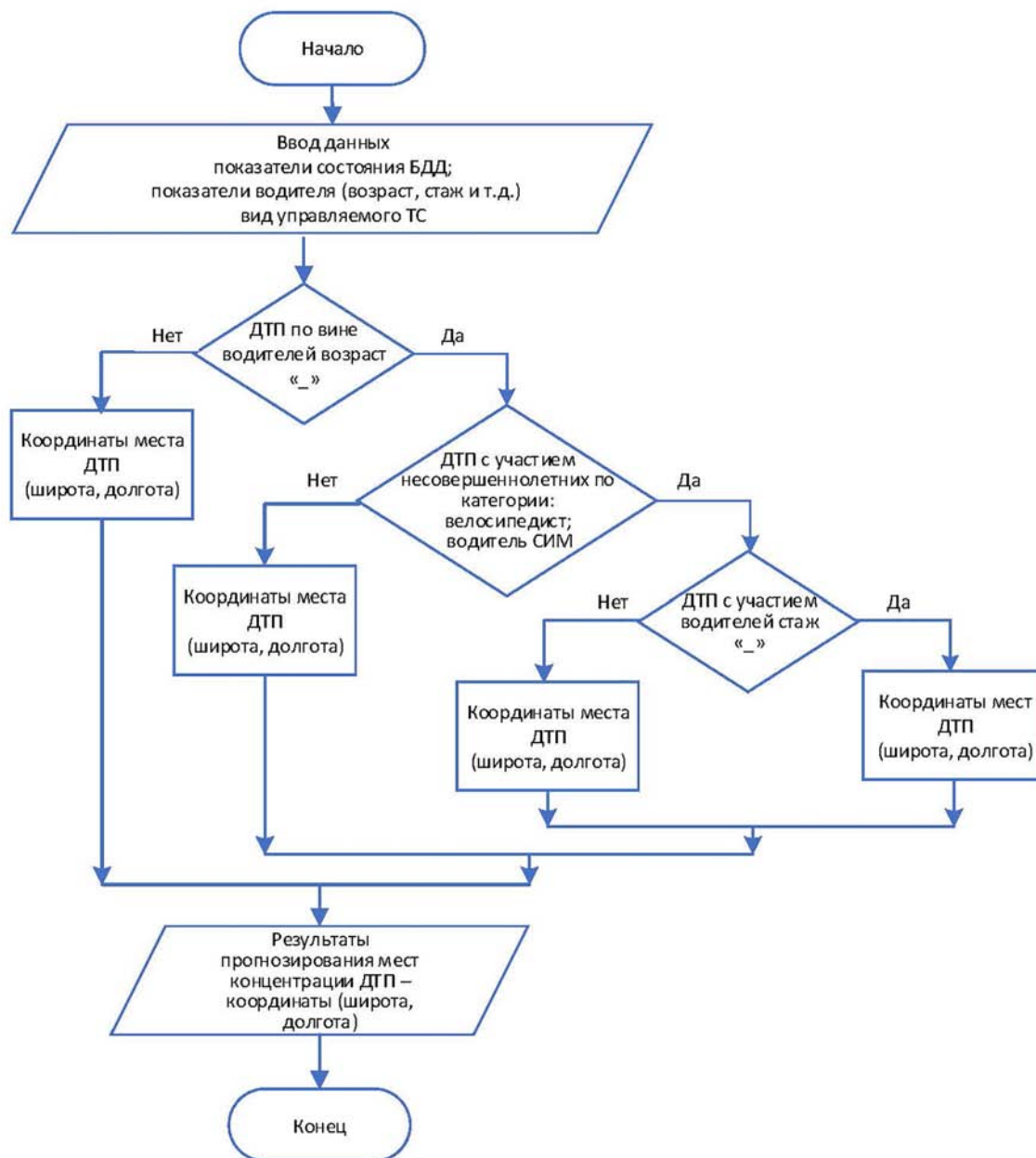

Рисунок 2. Алгоритм определения потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителем с учётом параметров человеческого фактора

Источник: разработано авторами

Методика определения потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителем с учётом параметров человеческого фактора

В ходе предыдущих исследований установлено что «использование нейронных сетей для прогнозирования ДТП позволит выявить потенциальные места концентрации ДТП по данным, сформированным по заданным условиям (объекты массового тяготения населения; возраст участников дорожного движения, социальный статус и т. д.), а также выявить тенденции изменения значений показателей ДТП на заданной территории в течение заданного интервала времени» [5].

В настоящем исследовании на первом этапе для определения потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителями с учётом параметров человеческого фактора предложено использовать алгоритм (рисунок 2), который выполняет выбор соответствующих мест из общего набора данных с помощью проверки условий, например:

- ДТП по вине водителей возрастом «_»;
- ДТП с участием несовершеннолетних по категориям велосипедист, водитель СИМ (средств индивидуальной мобильности);
- ДТП с участием водителей стаж «_».

Обработка данных происходит методами агрегации и фильтрации данных.

Алгоритм отбора ДТП предусматривает циклическую работу пользователя в диалоговом режиме с выводом в форме списка меню действий пользователя.

На втором этапе для анализа безопасности дорожного движения на конкретном участке улично-дорожной сети на основании алгоритма следует использовать различные варианты значений весовых коэффициентов, характеризующих показатели аварийности – количество погибших (k_1), количество раненых (k_2), количество ДТП (k_3) (таблица 1). Например:

- вариант 1 – если требуется сравнить участки улично-дорожной сети (УДС) или виды ДТП по количеству погибших в ДТП водителей СИМ;
- вариант 2 – если требуется сравнить участки УДС или виды ДТП по количеству раненых водителей возрастом до 18 лет;
- вариант 3 – если требуется сравнить участки УДС или виды ДТП без учёта погибших и раненых;
- вариант 4 – если требуется сравнить участки УДС или виды ДТП по количеству погибших и раненых по целевой группе водителей; при этом пользователь может задать равные предпочтения частных показателей при $k_1=k_2=0,5$ или разные, например, $k_1=0,7$; $k_2=0,3$;
- вариант 5 – если требуется сравнить участки УДС или виды ДТП с учётом трёх единичных показателей (количество погибших и раненых в целом по вине водителей); при этом пользователь должен задать предпочтения для частных показателей, например, $k_1=0,1$; $k_2=0,2$; $k_3=0,7$ (таблицы 1, 2).

Данные варианты частных показателей не являются исчерпывающими и могут быть дополнены пользователем на основании поставленных задач.

Таблица 1. Варианты назначения весовых коэффициентов для ДТП по вине водителей (пример)

№ варианта	Частные показатели	k_1	k_2	k_3
1	Количество погибших водителей СИМ	1	0	0
2	Количество раненых водителей возрастом до 18 лет	0	1	0
3	Количество ДТП без погибших и раненых	0	0	1
4	Количество погибших и раненых по целевой группе водителей	>0	>0	0
5	Количество ДТП, количество погибших и раненых по вине водителей	>0	>0	>0

Источник: разработано авторами

Таблица 2. Форма данных о ДТП (пример)

Номер ДТП	координаты		Показатели			
			Абсолютные (единичные, частные) показатели ДТП			Относительные (комплексные) показатели ДТП
	широта	долгота	кол-во погибших	кол-во раненых	кол-во ДТП без пострадавших	обобщённый ($k_1=0,7$; $k_2=0,2$; $k_3=0,1$)
1	51.76996	55.25436	4	75	0	0,9
2	51.77103	55.27874	4	66	2	0,8
3	51.76975	55.30174	3	62	4	0,1

Источник: разработано авторами

Результаты исследования

В процессе определения потенциальных мест концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителем с учётом параметров человеческого фактора используются коэффициенты предпочтения, которые задаются на этапе анализа частных показателей в зависимости от цели анализа.

С помощью сортировки возможно выделить значимые показатели по совокупности показателей аварийности с учётом их степени важности с точки зрения цели исследователя, где нормированные показатели позволяют сравнить различные виды данных по участкам улично-дорожной сети (таблица 3).

Таблица 3. Пример определения уровня БДД на участке УДС при разных значениях коэффициентов предпочтения

Коэффициент предпочтения		№ участка				Нормированные показатели по участкам УДС			
		1	2	3	4	1	2	3	4
Вариант № 5									
Погибло	$k_1 = 0,1$	5	1	0	0	0,1	0,02	0	0
Ранено	$k_2 = 0,2$	3	0	2	1	0,2	0	0,13	0,06
ДТП	$k_3 = 0,7$	6	4	10	5	0,23	0	0,7	0,11
Итоговый Z_i						0,53	0,02	0,83	0,17
Вариант №1									
Погибло	$k_1 = 1$	5	1	0	0	1	0,2	0	0
Ранено	$k_2 = 0$	3	0	2	1	0	0	0	0
ДТП	$k_3 = 0$	6	4	10	5	0	0	0	0
Итоговый Z_i						1	0,2	0	0

Источник: разработано авторами

Например, оценка состояния БДД четырех участков УДС по варианту № 5 с заданными коэффициентами предпочтения ($k_1=0,1, k_2=0,2, k_3=0,7$) показывает первоочередность дальнейшего исследования состояния БДД участка № 3.

При оценке состояния БДД тех же участков УДС по заданному коэффициенту предпочтения $k_1=1$ необходимо в первую очередь разрабатывать организационно-технические мероприятия по участку УДС № 1.

Определенные таким методом потенциальные места концентрации ДТП по причине нарушения ПДД водителем с учётом параметров человеческого фактора позволят в конечном итоге провести ранжирование участков улично-дорожной сети и определить очередность мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения.

Заключение

Исходя из результатов литературного обзора определены параметры человеческого фактора, в наибольшей мере характеризующие надежность водителя как

качество для безопасного управления транспортным средством.

Научная новизна заключается в разработанном методе определения потенциальных мест ДТП, отличающимся от существующих учётом параметров человеческого фактора и позволяющим установить значимость конкретного вида ДТП с определенными показателями из общего их количества.

Впервые предложено использовать коэффициенты предпочтения для анализа состояния БДД конкретных участков улично-дорожной сети. Комплексный показатель, вычисленный при разных значениях коэффициентов частных показателей, позволяет определить значимость конкретного участка улично-дорожной сети по показателям аварийности по вине водителей.

Направлением дальнейших научных исследований является изучение других составляющих человеческого фактора, таких как социальный статус и гендерный признак, оказывающих влияние на надежность водителей и безопасность дорожного движения.

Литература

1. Грушников В. А. Человеческий фактор дорожно-транспортных происшествий // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2016. – № 5. – С. 77–83. – EDN: VZCKLZ.
2. Евтюков С. С., Голов Е. В., Коломеец А. А. Роль человеческого фактора при возникновении дорожно-транспортного происшествия // Транспортное дело России. – 2019. – № 2. – С. 196–199. – EDN: ADHRMR.
3. Иванов В. В. Влияние социально-экономических факторов и развития дорожной сети на безопасность движения // Наука и техника в дорожной отрасли. – 2005. – № 3 (34). – С. 34–38. – EDN: PYCYSV.
4. Ильина И. Е. Выявление и оценка влияния человеческого фактора в возникновении дорожно-транспортного происшествия // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2020. – № 9. – С. 59–61. – <https://doi.org/10.36535/0236191420200912>. – EDN: XSKXRC.
5. Ильина И. Е., Витвицкий Е. Е. Определение потенциальных мест ДТП с целью прогнозирования аварийности с учётом человеческого фактора // Мир транспорта и технологических машин. – 2023. – № 3-2 (82). – С. 74–80. – [https://doi.org/10.33979/2073-7432-2023-3-2\(82\)-74-80](https://doi.org/10.33979/2073-7432-2023-3-2(82)-74-80). – EDN: YIRYGC.
6. Исхаков М. М., Рассоха В. И. «Человеческий фактор» в организации работы маршрутных транспортных средств на остановочных пунктах // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 1 (80). – С. 144–149. – EDN: IJVGCV.
7. Капский Д. В. Учёт «человеческого фактора» в модели определения потенциальной опасности при прогнозировании аварийности по методу «конфликтных зон» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2012. – № 2 (25). – С. 123–126. – EDN: OZNAAN.
8. Корсаков А. С., Леонтьев В. В., Луныка А. Н. Человеческий фактор как основа безопасности дорожного движения // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2021. – № 2(2). – С. 5–8. – EDN: WNHCNB.
9. Куракина Е. В., Складорова А. А. Повышение уровня безопасности дорожного движения в системе «участник дорожного движения – транспортное средство – дорога – внешняя среда» // Вестник СибАДИ. – 2020. – Т. 17, № 4 (74). – С. 488–499. – <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2020-17-4-488-499>. – EDN: KCYSWW.
10. Маринов М. Л., Каминский В. Ю. Человеческий фактор – ошибки в процессе работы или целостное поведение? // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2017. – Т. 5, № 6 (32). – С. 213–219. – EDN: ZOFIHF.
11. Маринов М. Л., Каминский В. Ю. Человеческий фактор и безопасность транспортных систем // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2017. – Т. 5, № 6 (32). – С. 206–212. – EDN: ZOFIHF.
12. Николаева Р. В. Влияние человеческого фактора на безопасность дорожного движения // Техника и технология транспорта. – 2018. – № 2 (7). – С. 10. – EDN: XRALTF.
13. Прогноз числа погибших в ДТП на основе социально-экономических показателей / В. Т. Капитанов [и др.] // Наука и техника в дорожной отрасли. – 2017. – № 4 (82). – С. 4–7. – EDN: YUCMIB.
14. Рекомендации по управлению мобильностью / Ассоциация транспортных инженеров; под научной редакцией д.т.н. профессора Ю. В. Трофименко. – СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». – 2020. – 120 с.
15. Томилин А. Н. Человеческий фактор: понятие, сущность содержания, проблемы // Эксплуатация морского транспорта. – 2015. – № 3(76). – С. 95–102. – EDN: UYBIPL.
16. Трофименко Ю. В., Шашина Е. В. Влияние человеческого фактора на обеспечение безопасности дорожного движения // Безопасность жизнедеятельности. – 2016. – № 1(181). – С. 24–27. – EDN: VIUSCP.
17. Чванов В. В. Методы оценки и повышения безопасности дорожного движения с учётом условий работы водителя : монография. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 416 с. – EDN: QNXCRD.
18. Шохирев Е. В., Володькин П. П., Лазарев В. А. Причины дорожно-транспортной аварийности. Пути повышения безопасности дорожного движения и методы предупреждения нарушений правил дорожного движения // Автомобильный транспорт Дальнего Востока. – 2023. – № 1. – С. 243–247. – EDN: IVDFMP.
19. Энглези И. П. Определение вероятности возникновения ДТП на участках сети дорог с учётом человеческого фактора // Наука и техника в дорожной отрасли. – 2017. – № 4 (82). – С. 9–11. – EDN: YUCMIT.
20. Faus M., et al. (2023) Editorial: Human factors in transport and road safety. *Front. Psychol.* Vol. 22. No. 14 p. 1175488. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1175488>. (In Eng.).
21. Reason J. (2000) Human error: models and management: *BMJ* No. 320 (7237), pp. 768–770. – <https://doi.org/10.1136/bmj.320.7237.768>. (In Eng.).

22. Treat J. R., et al. (1979) Tri-level study of the causes of traffic accidents: final report. Executive summary. *Institute for Research in Public Safety*, 78 p. (In Eng.).

References

1. Grushnikov, V. A. (2016) [The human factor of road accidents]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. Nauchnyj informacionnyj sbornik* [Transport: science, technology, management. Scientific Information Collection]. Vol. 5, pp. 77–83. (In Russ.).
2. Evtuykov, S. S., Golov, E. V., Kolomeets, A. A. (2019) [The role of the human factor in the occurrence of a road accident]. *Transportnoe delo Rossii* [Transport business of Russia]. Vol. 2, pp. 196–199. (In Russ.).
3. Ivanov, V. V. (2005) [Influence of socio-economic factors and road network development on traffic safety]. *Nauka i tekhnika v dorozhnoy otrasli* [Science and technology in the road industry]. Vol. 3(34), pp. 34–38. (In Russ.).
4. Ilina, I. E. (2020) [Identification and assessment of the influence of the human factor in the occurrence of a traffic accident]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. Nauchnyj informacionnyj sbornik* [Transport: science, technology, management. Scientific Information Collection]. Vol. 9, pp. 59–61. – <https://doi.org/10.36535/0236191420200912>. (In Russ.).
5. Ilina, I. E. Vitvitsky, E. E. (2023) [Identification of potential accident sites in order to predict accidents taking into account the human factor]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 3-2 (82), pp. 74–80. – [https://doi.org/10.33979/2073-7432-2023-3-2\(82\)-74-80](https://doi.org/10.33979/2073-7432-2023-3-2(82)-74-80). (In Russ.).
6. Iskhakov, M. M. Rassokha, V. I. (2008) [«Human factor» in the organization of the work of route vehicles at stopping points]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 1 (80), pp. 144–149. (In Russ.).
7. Kapskiy, D. V. (2012) [Taking into account the «human factor» in the model for determining the potential danger when predicting accidents using the «conflict zones» method]. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University]. Vol. 2 (25), pp. 123–126. (In Russ.).
8. Korsakov, A. S., Leontyev, V. V., Lunyaka, A. N. (2021) [The human factor as the basis for road safety]. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii* [Bulletin of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops]. Vol. 2 (2), pp. 5–8. (In Russ.).
9. Kurakina, E. V., Sklyarova, A. A. (2020) [Improving the level of road safety in the system «road participant – vehicle – road – external environment»]. *Vestnik SibADI* [Bulletin of SibADI]. Vol. 17. № 4(74), pp. 488–499. – <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2020-17-4-488-499>. (In Russ.).
10. Marinov, M. L., Kaminsky, V. Yu. (2017) [The human factor – errors in the work process or holistic behavior?]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika* [Current areas of scientific research in the 21st century: theory and practice]. Vol. 5, No. 6 (32), pp. 213–219. (In Russ.).
11. Marinov, M. L., Kaminsky, V. Yu. (2017) [The human factor and the safety of transport systems]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika* [Current areas of scientific research in the 21st century: theory and practice]. Vol. 5, No. 6 (32), pp. 206–212. (In Russ.).
12. Nikolaeva, R. V. (2018) [Influence of the human factor on road safety]. *Tekhnika i tekhnologiya transporta Nauchnyj Internet-zhurnal* [Transport engineering and technology Scientific Internet journal]. Vol. 2 (7), pp. 10. (In Russ.).
13. Kapitanov, V. T., et al. (2017) [Forecast of the number of fatalities in road accidents based on socio-economic indicators]. *Nauka i tekhnika v dorozhnoy otrasli* [Science and technology in the road industry]. Vol. 4 (82), pp. 4–7. (In Russ.).
14. Trofimenko, Yu. V. (2020) [Recommendations on mobility management] *Assotsiatsiya transportnykh inzhenerov*; edited by Doctor of Technical Sciences,. – SPb.: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «KOSTA» [St. Petersburg: Publishing and printing company «COSTA»]. 120 p. (In Russ.).
15. Tomilin, A. N. (2015) [Human factor: concept, essence of content, problems]. *Ekspluatatsiya morskogo transporta* [Operation of sea transport]. Vol. 3(76), pp. 95–102. (In Russ.).
16. Trofimenko, Yu. V., Shashina, E. V. (2016) [Influence of the human factor on ensuring road safety]. *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti* [Life safety]. Vol. 1 (181), pp. 24–27. (In Russ.).
17. Chvanov, V. V. (2010) *Metody otsenki i povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya s uchotom usloviy raboty voditelya* [Methods of assessing and improving road safety, taking into account the working conditions of the driver]. M.: INFRA-M, 416 p.
18. Shohirev, E. V., Volodkin, P. P., Lazarev, V. A. (2023) [Causes of traffic accidents. Ways to improve road safety

and methods of preventing violations of traffic rules]. *Avtomobil'nyj transport Dal'nego Vostoka* [Automobile transport of the Far East]. Vol. 1, pp. 243–247. (In Russ.).

19. Englezi, I. P. (2017) [Determining the probability of an accident on sections of the road network taking into account the human factor]. *Nauka i tekhnika v dorozhnoj otrasli* [Science and technology in the road industry]. Vol. 4(82), pp. 9–11. (In Russ.).

20. Faus, M., et al. (2023) Editorial: Human factors in transport and road safety. *Front. Psychol.* Vol. 22. No. 14, p. 1175488. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1175488>. (In Eng.).

21. Reason, J. (2000) Human error: models and management: *BMJ* No. 320 (7237), pp. 768–770. – <https://doi.org/10.1136/bmj.320.7237.768>. (In Eng.).

22. Treat, J. R. et al. (1979) Tri-level study of the causes of traffic accidents: final report. Executive summary. *Institute for Research in Public Safety*, 78 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Ирина Евгеньевна Ильина, доктор технических наук, доцент, доцент кафедры «Технический сервис машин», Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия

ORCID iD: 0000-0003-0261-7824

e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

Евгений Евгеньевич Витвицкий, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры «Организация перевозок и безопасность движения», Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск, Россия

ORCID iD: 0000-0002-0155-8941

e-mail: vitvitsky_ee@mail.ru

Кристина Александровна Перекусихина, аналитик 2 категории отдела организации дорожного движения, Государственное бюджетное учреждение Пензенской области «Безопасный регион», Пенза, Россия

ORCID iD: 0009-0007-8452-3130

e-mail: k.perekusihina@br.pnzreg.ru

Владимир Иванович Рассоха, доктор технических наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

ORCID iD: 0000-0002-2499-6530

e-mail: cabin2012@yandex.ru

Вклад соавторов:

Ильина И. Е. – анализ результатов литературного обзора, разработка методики проведения исследования, сбор и систематизация исходных данных, обработка полученных результатов.

Витвицкий Е. Е. – координация работ при проведении анализа литературных источников, обоснование концепции исследования; планирование аналитической части исследования; обобщение результатов исследования, формулировка выводов, редактирование и переработка рукописи.

Перекусихина К. А. – обзор литературных источников, анализ и обсуждение результатов.

Рассоха В. И. – анализ проблемы, формулирование цели и задач исследования, названия статьи, разработка концептуального подхода и теоретической части исследования, интерпретация результатов; формулировка выводов.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2025; принята в печать: 21.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Irina Evgenyevna Ilyina, Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Technical Service of Machines, Penza State Agrarian University, Penza, Russia

ORCID iD: 0000-0003-0261-7824

e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

Evgeny Evgenievich Vitvitsky, Doctor of Engineering Sciences, Professor, Professor of the Department of Organization of Transportation and Traffic Safety, Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), Omsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0155-8941

e-mail: vitvitsky_ee@mail.ru

Kristina Aleksandrovna Perekusikhina, 2nd category analyst of the Department of Road Traffic Organization, State Budgetary Institution of the Penza Region «Safe Region», Penza, Russia

ORCID ID: 0009-0007-8452-3130

e-mail: k.perekusihina@br.pnzreg.ru

Vladimir Ivanovich Rassokha, Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor, Dean of the Transport Faculty, Orenburg State University, Orenburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2499-6530

e-mail: cabin2012@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ильина И. Е. – analysis of the literature review results, development of the research methodology, collection and systematization of the initial data, processing of the obtained results.

Витвицкий Е. Е. – coordination of work during the analysis of literary sources, substantiation of the research concept; planning the analytical part of the study; generalization of the research results, formulation of conclusions, editing and revision of the manuscript.

Перекусихина К. А. – review of literary sources, analysis and discussion of the results.

Рассоха В. И. – analysis of the problem, formulation of the goal and objectives of the study, title of the article, development of the conceptual approach and theoretical part of the study, interpretation of the results; formulation of conclusions.

The paper was submitted: 16.02.2025.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 101.9

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-75>

ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. БОРИСОВА

Т. В. Борисова¹, В. О. Шелекета², А. А. Шестаков³

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

¹e-mail: BorisovaTVa@yandex.ru

²e-mail: vladshelo@mail.ru

³e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению творческого наследия известного отечественного специалиста в области философии и методологии науки Вадима Николаевича Борисова – становлению и структуризации его научной программы и экспликации её идейно-теоретических источников. Особое внимание авторы уделяют формированию научной школы учёного, связанной с последовательной тематизацией теоретического конструкта «рефлексия». Авторы исходят из того, что приоритетным трендом в современной философии науки является осмысление культурно-исторической природы познания и анализ его сложно структурированного контекста. Эти доминантные направления получили реализацию в большом количестве исследований, посвященных научной коммуникации, властным взаимодействиям в научном сообществе, эффективности науки как особого социального института и т.п. Последовательная тематизация вопросов указанного типа связана с трудами Б. Латура, Р. Мертона, Ст. Фуллера, М. Фуко и многих других авторов. В контексте вышеизложенного представляется актуальным рассмотреть социальную организацию познавательного процесса, что может быть выражено (1) в комплексном изучении механизмов функционирования различных типов научных сообществ (центральное/региональное), (2) анализе процессов становления, развития и деградации научных школ, (3) тематизации вопросов, связанных с количественным и качественным закреплением преимуществ в науке (научном производстве), (4) установлении своеобразия научного капитала и связи последнего с капиталом символическим. Само изучение обозначенных выше проблемных комплексов – дело достаточно новое в отечественной философской литературе. Новизну предлагаемого способа рассмотрения избранной проблемы авторы видят в следующем: (1) в литературе, по преимуществу, внимание обращается на научные школы, оформившиеся на базе действующих философских факультетов (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Екатеринбург); (2) в результате чего вне анализа остаются нередкие случаи «миграции» самих научных школ, что связано с переездами их лидеров; (3) практически не рассматриваются противоречивые процессы укоренения на новом месте самих научных лидеров и их последователей в иной культурной и интеллектуальной среде. Для детального обсуждения обозначенных выше задач привлекается научная судьба Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Вадима Николаевича Борисова – известного методолога науки, одного из видных выпускников Московского университета того исторического периода, когда в нем учились Б. А. Грушин, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий.

Методологическим основанием исследования послужили эвристические идеи П. Бурдьё (научное поле как властный институт, концепты «научное производство» и «научный капитал», авторитет как особый тип капитала в науке, когнитивные и институциональные стратегии в науке), Р. Мертона (этнос науки, механизм передачи норм и ценностей в научном сообществе, репутация в науке, накопление преимуществ в науке), М. Фуко (концепт «эпистемы», соотношение власти и знания). В своём исследовании авторы выделяют три этапа в развитии методологической доктрины В. Н. Борисова: становление (город Калинин), целостное оформление (Новосибирск) и институциональное укоренение на новом месте (г. Куйбышев/Самара). В заключении авторы раскрывают своеобразие институциональной стратегии В. Н. Борисова, стержнем которой являлся

количественный (открытие новых кафедр, организация методологических семинаров и научных конференций) и качественный рост (развитие аспирантуры, создание диссертационных советов) региональных научных сообществ.

Ключевые слова: В. Н. Борисов, научное сообщество, этос науки, научная школа, научная традиция, преемственность в науке, научный капитал.

Для цитирования: Борисова Т. В., Шелекета В. О., Шестаков А. А. Феномен региональной философской школы: опыт осмысления деятельности В. Н. Борисова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 75–87. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-75>.

Original article

PHENOMENON OF A REGIONAL PHILOSOPHICAL SCHOOL: EXPERIENCE IN UNDERSTANDING THE ACTIVITIES OF V. N. BORISOV

T. V. Borisova¹, V. O. Sheleketa², A. A. Shestakov³

Samara State Technical University, Samara, Russia

¹e-mail: BorisovaTVa@yandex.ru

²e-mail: vladshelo@mail.ru

³e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the creative heritage of the famous domestic specialist in the field of philosophy and methodology of science Vadim Nikolayevich Borisov – the formation and structuring of his scientific program and the explication of its ideological and theoretical sources. The authors pay special attention to the formation of the scientific school of the scientist, associated with the consistent thematization of the theoretical construct «reflection». The authors proceed from the fact that the priority trend in the modern philosophy of science is to comprehend the cultural and historical nature of cognition and analyze its complex structured context. These dominant directions have been implemented in a large number of studies on scientific communication, power interactions in the scientific community, the effectiveness of science as a special social institution, etc. Consistent thematization of issues of this type is associated with the works of B. Latur, R. Merton, St. Fuller, M. Foucault and many other authors. In this context it seems relevant to consider the social organization of the cognitive process, which can be expressed (1) in a comprehensive study of the mechanisms of functioning of various types of scientific communities (central/regional), (2) analysis of the processes of formation, development and degradation of scientific schools, (3) thematization of issues related to the quantitative and qualitative consolidation of advantages in science (scientific production), (4) establishing the originality of scientific capital and the relationship of the latter with symbolic capital. The study of the above problem complexes is quite new in Russian philosophical literature. The authors see the novelty of the proposed way of considering the issue in the following: (1) in the scientific literature, mainly, attention is paid to scientific schools that have taken shape on the basis of existing philosophical faculties (Moscow, St. Petersburg, Rostov-on-Don, Yekaterinburg), (2) as a result of which very frequent cases of «migration» of scientific schools themselves remain outside the analysis, which is associated with the relocation of their leaders; (3) virtually no consideration is given to the contradictory processes of rooting in the new place of the scientific leaders themselves and their followers in the new cultural and intellectual environment. For a detailed discussion of the above tasks, the scientific fate of the Honored Scientist of the Russian Federation, Professor Vadim Nikolaevich Borisov, a famous methodologist of science, one of the graduates of Moscow University of the historical period when studied at it: B. A. Grushin, A. A. Zinoviev, E. V. Ilyenkov, M. K. Mamardashvili, G. P. Shchedrovitsky. The methodological basis of the study was the heuristic ideas of P. Bourdieu (scientific field as a power institution, concepts of scientific production and scientific capital, authority as a special type of capital in science, cognitive and institutional strategies in science), R. Merton (ethos of science, mechanism for transferring norms and values in the scientific community, reputation in science, accumulation of advantages in science), M. Foucault (concept of an episteme, the ratio of power and knowledge) In their study, the authors distinguish three stages in the development of the methodological doctrine of V. N. Borisov: formation (Kalinin city), registration (Novosibirsk) and institutional rooting in a new place (Kuibyshev/Samara). In conclusion, the authors reveal the originality of V. N. Borisov, the main content of which was quantitative (opening new departments, holding methodological seminars and scientific conferences) and qualitative growth (development

of graduate school, creation of dissertation councils) of regional scientific communities.

Key words: V. N. Borisov, scientific community, ethos of science, scientific school, scientific tradition, continuity in science, scientific capital.

Cite as: Borisova, T. V., Sheleketa, V. O., Shestakov, A. A. (2025) [Phenomenon of a regional philosophical school: experience in understanding the activities of V. N. Borisov]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 75–87. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-75>.

Введение

Панорама отечественной философской мысли советского и постсоветского периодов представлена большим многообразием школ и направлений. Известно также, какую роль в организации исследовательского процесса играют научные школы, выступая эффективной формой совместной деятельности учёных. В литературе неоднократно подчёркивалось, что значение деятельности научных школ в развитии философии трудно переоценить. Начиная уже с Античности, эти исследовательские сообщества разрабатывали стратегию познания, в них создавались условия для академической мобильности: последняя способствовала организации и комбинирования знания [См. подр.: 13, с. 358–359]. Имеются основания утверждать, что научные школы сохраняют и транслируют «банк идей» во времени, закладывая тем самым традиции научного этоса, – «...эмоционально окрашенного социального кода <...> который поддерживается чувствами тех, к кому он имеет отношение...» [15, с. 758].

Вместе с тем, научные школы оставляют значительный след в истории науки при выполнении двух основных условий. Главным фактором в их жизни является, конечно, её основатель – харизматический лидер, являющийся генератором идей, задающим вектор исследовательских программ [См.: 19]. Другим не менее важным условием является наличие учеников, последние подтверждают авторитет лидера, его доминирующий статус в интеллектуальном пространстве. Именно ученики, последователи лидера школы транслируют имеющийся «банк идей» во времени, сохраняя и развивая стандарты межличностной коммуникации, заданные учителем. В приведенной выше предельно общей констатации, тем не менее, можно обнаружить и серьёзные лакуны, связанные с ограниченной тематизацией деятельности региональных философских школ. Существует достаточно небольшой список авторов, в трудах которых этот анализ присутствует (Драч [8], Емельянов/Русаков [9], Мартишина [14], Беляев/Максимов [2]). В литературе господствует расхожее представление о том, что событийный ряд интеллектуальной жизни страны – философские съезды, симпозиумы, многочисленные научные конференции, круглые столы и т. д. – всё это связано, по преимуществу, с админи-

стративными центрами России – Москвой и Санкт-Петербургом. Информация об этих событиях распространяется традиционным для управленческих отношений способом – по вертикали – сверху вниз. Согласно этой властной вертикали, интеллектуальные центры России формируют базовые идейные установки для местных философских сообществ. Непредвзятый анализ региональных практик свидетельствует, что в региональной научной практике как в зеркале отражаются интеллектуальные тренды столиц.

Вместе с тем, отличительной чертой региональных интеллектуальных практик является доминирование механизмов самоотождествления какой-либо нетривиальной философской персоналии с конкретным сообществом. Другими словами, становление философских школ в провинции в большей степени связано с «человеческим фактором» в лице конкретного учёного – интеллектуала, способного увлечь ходом собственных рассуждений, отличающегося толерантностью к иным идейным позициям, а также умеющего эффективно учитывать действие как вертикальных, так и горизонтальных интеллектуальных трендов. Появление такого лидера выступает идейно-теоретическим и организационным основанием формирования региональных философских школ. Включение отдельных школ в общий социокультурный контекст страны делает отечественную философскую традицию не только многообразной по своему содержанию, но и открытой для всего мирового философского сообщества. В силу этих обстоятельств интерес к региональным философским школам в современных условиях является вполне оправданным.

Анализ указанной проблематики убедительно свидетельствует, что (1) рассмотрение философских школ ограничивается, по преимуществу, крупными вузовскими или академическими центрами, где плодотворно работают философские факультеты, (2) вне изучения остается вопрос об изменениях интеллектуального стиля школы, вызванных географической миграцией её лидеров, и, наконец, (3) традиционно не рассматривается взаимодействие «первого десанта» складывающейся научной школы с автохтонным интеллектуальным сообществом. Такого рода задачи и предстоит обсудить в данной работе.

Социо-культурный и идеологический контекст становления исследовательской программы

В. Н. Борисова

Вадим Николаевич Борисов родился 19 апреля 1927 года в городе Бузулуке ныне Оренбургской области. Его отец Николай Степанович был заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Бузулукского райкома ВКП(б). Тогда как мама Марфа Николаевна работала учителем истории в городской школе №6, а позже в течение многих лет была её директором. Вместе с ними проживала родная сестра матери Антонина Николаевна, которая была учителем математики. Именно в такой творческой атмосфере закладывались основания интеллектуальной культуры В. Н. Борисова: любовь к математике сформировала логику научного мышления, а интерес к истории расширил горизонты понимания закономерностей общественного развития. Окончив в 1945 году школу, Вадим Борисов поехал в Москву поступать в консерваторию. Успешно пройдя предварительное прослушивание, он, тем не менее, приходит к выводу, что теноровые оперные партии его не прельщают. Именно поэтому юноша переориентируется на философский факультет Московского университета. Стоит отметить, что на этом факультете в послевоенные годы обучалась славная когорта отечественных философов – Ф. Х. Кессиди, Э. В. Ильенков, А. А. Зиновьев, Б. А. Грушин, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий и многие другие. В целом, несмотря на ощутимый идеологический прессинг, в учебном заведении доминировал запрос на свободное от догматизма истолкование философской и общественно-политической проблематики.

Между тем в 1949 г. В. Н. Борисов заканчивает обучение в университете и приступает к работе на кафедре философии Калининского педагогического института. Под руководством заведующего кафедрой профессора Алексея Васильевича Савинова, известного специалиста по логике, выпускник МГУ начинает заниматься логикой. Молодой учёный сразу же включается в кафедральную тематику – изучение взаимосвязи теории познания и логики с физиологическими процессами высшей нервной деятельности человека. В. Н. Борисов, обсуждая эту проблематику в статье 1957 года, пишет: «Задача состоит в том, чтобы раскрыть познавательную деятельность человека во всех её моментах как отражение внешнего объективного мира в человеческом мозгу через его физиологическую деятельность <...> решение этой задачи заключается в установлении соотношения между тремя рядами явлений <...> внешним объективным миром, физиологической деятельностью головного мозга человека и его познавательной деятельностью» [3, с. 206].

Без отрыва от педагогической деятельности в 1953 году В. Н. Борисов защищает кандидатскую диссертацию «О логической форме понятия», в которой обосновывается решение проблемы диалектической противоречивости мышления как процесса отражения действительности. В работе раскрываются особенности логической структуры различных видов понятий и устанавливаются отношения между элементами их содержания. Интересен такой факт, что сам заведующий кафедрой выступил официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации своего ученика. С этого периода началась их многолетняя дружба. Вадим Николаевич высоко ценил своего наставника как педагога и организатора оригинальной логической школы. Последняя являлась своеобразным творческим пространством для коллектива единомышленников, где доминантными нормами взаимоотношений было уважение друг к другу, профессиональная и личная поддержка, ориентация на творчество.

Окрыленный идеями междисциплинарности философии, логики, психологии, физиологии в изучении мыслительных процессов, В. Н. Борисов представляет в Институт Философии АН СССР научное исследование на тему «О познании как отражении в свете учения И. М. Сеченова и И. П. Павлова о рефлекторной деятельности головного мозга» (543 с.). В этой работе раскрывалась взаимосвязь мыслительных процессов с рефлекторной деятельностью мозговых структур. Однако представленная рукопись была отклонена С. А. Петрушевским, заведовавшим в тот период сектором философских вопросов естествознания этого академического учреждения. И дело здесь даже не в том, как справедливо замечает С. Н. Корсаков, что автор «...поторопился представить докторскую диссертацию спустя три года после защиты кандидатской диссертации»: диссертация В. Н. Борисова была отклонена на основании обвинения, что автор пытается обосновать *внефизиологический* контекст деятельности мозговой структуры человека. Петрушевский С. А. посчитал это утверждение идеалистическим, а это философское направление в тот исторический период совершенно не вписывалось в господствующий идеологический контекст [12, с. 27].

Реальная исследовательская практика того времени показала, что пятидесятые годы прошлого века в СССР были не самой лучшей порой для проведения неангажированных философских исследований. Жёсткий идеологический контроль над мыслящими умами продолжал усиливаться, о чём наглядно свидетельствовала ситуация с несостоявшейся защитой докторской диссертации Борисова. Единственной областью в какой-то мере свободной от идеологического давления оставались логика и методология научного

познания. Именно эту проблемную область учёный избирает в качестве сферы своих научных интересов.

Первый опыт практической реализации исследовательской программы: Новосибирск

Для реализации собственных научных замыслов учёный переезжает в 1962 году в Новосибирск и приступает к работе на кафедре философии недавно открытого Новосибирского университета. При этом продолжается активное сотрудничество со своим наставником А. В. Савиновым: они встречаются на конференциях, готовят совместные публикации в научных сборниках, обмениваются визитами. Не секрет, что Новосибирский Академгородок в тот период был своеобразным оазисом свободомыслия. Основания академической свободы были заложены его основоположником академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым – ярким представителем Московской философско-математической школы. Дух свободомыслия здесь проявлялся буквально во всём: в формировании новых мировоззренческих и образовательных стандартов, в жарких спорах между коллективами профильных научных институтов и университетским философским сообществом, в насыщенной культурной жизни жителей Академгородка. Семена дерзновенных мыслей, направленных на поиск новых философских решений, упали на благодатную почву. Весь накопленный В. Н. Борисовым опыт требовал творческого и организационного выхода. В 1964 году учёный возглавил кафедру философии Новосибирского университета и Западно-Сибирский совет Минвуза РСФСР по координации научных исследований в области общественных и гуманитарных наук.

Работа коллектива кафедры под его руководством успешно объединила известную ленинскую установку на союз философии и естествознания с практикой «правильного» обучения и воспитания подрастающего поколения – что являлось официальным идеологическим запросом того исторического периода. Важным результатом научной деятельности руководимой Борисовым кафедры стало издание солидного сборника трудов [См.: 18]. Как справедливо отмечает новосибирский исследователь Е. А. Тюгашев в статье «Борисов и становление философского сообщества Новосибирского Академгородка», именно деятельность этого учёного определяла лицо университетской философии в Новосибирске того времени [17, с. 44-52]. И действительно, этот период жизни для учёного был чрезвычайно плодотворным. Отметим, что в то время в Академгородке активно работал методологический семинар доцента кафедры философии Михаила Александровича Розова. На нём обсуждались тексты классического естествознания

с целью решения актуальных научно-производственных задач, а также животрепещущие проблемы общественной жизни. Активно заявили о себе сторонники идей Георгия Петровича Щедровицкого, творческие мероприятия которого заложили традицию методологических семинаров. В такой творческой атмосфере постепенно оформляется собственная методологическая концепция Борисова. Организационная составляющая его деятельности в тот период была направлена на создание и постоянное пополнение «банка» новых философских идей. Тогда как институциональной формой оформления этих идей должны были выступать отдельные философские семинары, пространственный статус которых закреплялся за отдельными вузами города.

Осознавая важность всемерной экзистенциальной поддержки собственных методологических установок, В. Н. Борисов исподволь формирует основной корпус собственной научной школы, тот коллектив, что впоследствии будет определять «лицо» философского сообщества Новосибирского Академгородка. За период работы в Новосибирске под руководством учёного были подготовлены следующие диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: С. С. Розовой «Научная классификация и её виды» – 1966 г.; И. Г. Рубиновым «Факты и понятия в системе естественнонаучного знания» – 1968 г.; Н. Г. Мишуриц «Гносеологический анализ художественного мышления» – 1969 г.; В. П. Фофановым «Экономическая форма общественного сознания (по работам К. Маркса)» – 1972 г.; М. Ф. Волковой «Проблема индивидуального объекта в научном познании» – 1973 г.; Л. В. Хазовой «Понятие в системе теоретического знания» – 1977 г. Заметим, что тематика указанных выше научных исследований носила теоретико-методологический характер и была связана с генеральным направлением исследовательской программы – анализом логики и методологии научного познания. В 1967 году у учёного вышла в свет фундаментальная монография «Уровни логического процесса и основные направления их исследования», концептуальные установки которой немногим позже были реализованы в его докторской диссертации. В книге развивается базовая диалектико-материалистическая установка, в рамках которой «...мышление является не пассивным отражением действительности, а активной познавательной деятельностью субъекта <...> Трудность в понимании мышления – по мнению В. Н. Борисова – состоит в том, что когда мышление рассматривается как отражение предметов и явлений объективного мира, оно не выступает как деятельность субъекта с этими предметами и явлениями, когда же мышление рассматривается как активная,

целенаправленная деятельность, то его отражательный характер как бы исчезает» [5, с. 10–11]. С этой трудностью, подчеркнём, не смогли справиться ни классический философский идеализм, ни современный конструктивизм, игнорирующий в своей теории социальной истины отражательный характер познавательной деятельности [См. подр.: 10, с. 128–129].

В рамках принятой методологической стратегии учёный истолковывает мышление как деятельность с идеальными объектами, или моделями. Именно поэтому он ставит задачу «... раскрыть логический смысл определения мышления, т.е. выяснить, что представляет собой мышление как логический процесс. В решении этого вопроса будем продолжать исходить из признания единства общей структуры познавательной и практической деятельности» [5, с. 31]. В указанной работе автор устанавливает взаимосвязь логических операций и форм мышления, что позволяет сделать предметом анализа соотношение логических структур мышления, направляющих движение знания от абстрактного к конкретному [Там же, с. 143–171]. В процессе движения мысли от абстрактного к конкретному обобщаются взаимосвязи всех определений объекта, устанавливается их конкретная субординация. При этом, как замечает философ, происходят «... изменения не только в содержании знаний, но и их логических структурах» [Там же, с. 58]. Учёный утверждает, что логическое мышление в целом представляет собой сложноорганизованный диалектический процесс, динамика которого коррелируется с системой категорий. Именно в них как обобщённых мыслительных формах осуществляется переход от одних определений мысли к другим. Обсуждая эвристический потенциал категорий в ходе научного исследования, автор уточняет соотношение онтологических и гносеологических аспектов в их содержании. По его мысли, все группы категорий отражают различные аспекты реальности, но это отражение носит специфический характер: «В одном случае делается упор на выяснение того, что отражается, в другом – как отражается» [Там же, с. 186].

Это замечание следует признать важным, поскольку ответ на вопрос, как происходит отражение, имеет определяющее значение в методологии научного познания. Имеет смысл сделать акцент на том, что чёткая демаркация онтологических и гносеологических оснований в содержании категорий стала исходной точкой, позволившей более чётко обосновать критерии истины в постнеклассической эпистемологии. Дальнейшее развитие техногенной цивилизации ещё раз подтвердило известную философскую формулировку, согласно которой предмет отнюдь «не дан», а «задан». Последовательная методологическая ак-

туализация данной установки привела к тому, что научное познание стало постепенно «рассеиваться» в познании техническом. Поскольку, как известно, «... техническое познание не имеет собственного объекта исследования, т.к. в отличие от природного объекта технический объект задаётся технологическим конструированием» [6, с. 45]. Если же говорить в целом, то идеи, изложенные в монографии учёного, внесли весомый вклад в развитие современной логики и методологии научного познания.

Главным итогом Новосибирского периода деятельности учёного стало формирование на кафедре крепкого научного коллектива единомышленников. Именно в этот период здесь начали оформляться две исследовательские парадигмы – естественнонаучных исследований и социально-экономических. В русле последней под руководством В. Н. Борисова была подготовлена диссертация В. П. Фофановым, в которой был проведён, впервые, кстати, в исследовательской литературе, анализ экономического сознания. Помимо кандидатских диссертаций шесть преподавателей кафедры Борисова в последующем успешно защитили докторские диссертации. Это И. С. Алексеев (1976), В. А. Конев (1979), М. А. Розов (1990), С. С. Розова (1986), И. Р. Рывкина (1979), В. П. Фофанов (1981). Оставив заведование кафедрой на попечение своего ученика В. П. Фофанова, В. Н. Борисов переезжает во вновь открытый Куйбышевский государственный университет. Здесь он возглавляет кафедру философии и научного коммунизма и становится первым в этом волжском городе профессором и доктором наук в области социально-гуманитарных дисциплин.

Полный цикл функционирования исследовательской программы: опыт г. Куйбышева / Самары

Университет в этом городе был учрежден Постановлением Совета Министров СССР от 14 декабря 1966 года. Стоит упомянуть и о том, что открытие в промышленном городе Поволжья собственного «классического» университета стало знаковым событием, поскольку город традиционно признавался индустриальным центром, в интеллектуальном пространстве которого господствовало техническое знание. Так исторически сложилось, что гуманитарно-философские традиции здесь были на втором плане. Новому профессору пришлось выстраивать свою деятельность практически с «чистого листа». Однако и в этом регионе постепенно стал проявляться фирменный почерк Борисовского институционализма. Учёный, в первую очередь, был ориентирован на последовательное структурирование философского пространства Куйбышевской области. В соответствии

с этой установкой начало увеличиваться количество специализированных философских и социально-гуманитарных кафедр в вузах; они, как правило, были ориентированы на разработку своих собственных научных тем. В Куйбышеве под руководством Борисова организуется философский семинар для преподавателей города и области. И что особо важно, впервые в истории этого региона открывается аспирантура по философским наукам, а в апреле 1985 года начинает свою работу первый в Поволжье докторский диссертационный совет по философским наукам.

Вузы стратегически важного для страны промышленного региона наконец-то получили возможность готовить собственные кадры высшей квалификации по философии. С этого момента статус не так давно открытого Куйбышевского госуниверситета существенно возрос, с ним стали считаться. Е. Я. Бурлина в этой связи справедливо констатирует, что «профессор В. Н. Борисов становится безусловным авторитетом не только для коллег – гуманитариев, но и для всех поколений ректоров, как в Новосибирске, так и в Саратовском и Куйбышевском университетах» [См.: 7]. Во вновь открытом диссертационном совете Д.063.94.04, организатором которого стал В. Н. Борисов, прошли экспертизу докторские диссертации не только преподавателей Куйбышевской/Самарской области, но и учёных из других регионов страны. Речь идёт о работах И. Н. Буровой из Москвы, С. Ф. Мартыновича из Саратова, М. Д. Щелкунова из Казани и т. д.

Институциональная стратегия В. Н. Борисова была ориентирована на развитие научных традиций Калининской и Новосибирской научных школ, а также налаживании связей с другими университетскими центрами страны – Москвой, Саратовом, Тбилиси. На берега Волги на кафедру философии Куйбышевского госуниверситета высаживается целый научный «десант» из Новосибирска в составе В. Н. Духанина и философской четы Коневых – Владимира Александровича и Людмилы Александровны. Помимо этого на кафедре приступают к работе молодые специалисты, получившие образование в Московском, Ленинградском и Уральском университетах, – В. П. Косолапов, А. П. Овчинников, В. Д. Обоймова, Е. Я. Бурлина, А. Б. Макаров, Л. И. Левина. Кафедра под руководством В. Н. Борисова заслуженно завоёвывает репутацию научного лидера в философском образовании.

В 1980 году объединенная кафедра философии Куйбышевского госуниверситета была разделена на кафедру философии гуманитарных факультетов (зав. каф., д.ф.н., проф. В. А. Конев) и кафедру философии естественных факультетов, руководство которой осуществлял В. Н. Борисов. В 1987 году ему было при-

своено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», а в 1996 году он избирается действительным членом Академии гуманитарных наук. Всего под научным руководством учёного было подготовлено 5 докторских и 25 кандидатских диссертаций по философским наукам. Главное, что на возглавляемой им кафедре была создана оригинальная научная школа по философии и методологии науки. Её базовой темой становится осмысление эпистемологического статуса рефлексии в научном познании. Борисовым была разработана концепция функционального своеобразия рефлексивных процедур на различных уровнях человеческой деятельности. Согласно этой концепции, всякая деятельность представляет собой процесс, осуществляемый «...одновременно на двух взаимодействующих уровнях – предметном и надпредметном» [См.: 4, с. 8]. Если на первом происходит становление знаний о познаваемом предмете, то на уровне рефлексивном (надпредметном) анализируются взгляды, мнения, концепции, вырабатываемые на предметном уровне познания. Можно сказать, что на рефлексивном (надпредметном) уровне исследователь контролирует собственную деятельность по созданию программ достижения цели, анализирует и оценивает результаты мыслительной деятельности. «Другими словами учёный на первом уровне (предметном) получает знание о познаваемом предмете, а на следующем уровне, рефлексивном (надпредметном) учёный осознанно оценивает собственную программу исследования, включая цели и результаты» [23, р. 117–118]. Сам Борисов определял специфику собственной гносеологической стратегии как «нелинейное описание характера процесса мышления» [См.: 17, с. 48].

Что же тут нового – попробуем пояснить. Традиционно в истории философии рефлексия трактовалась как обратная функция, взгляд, если можно так выразиться, назад, как определённое критическое отношение к уже совершённой мыслительной деятельности. При этом, однако, не обсуждалось место и роль рефлексии в процессе планирования и подготовки деятельности. Борисов впервые осуществляет чёткую экспликацию рефлексивных процедур в качестве оценки уже завершённой деятельности и процесса её проектирования. Подчеркнём, что выделение протопредметного уровня рефлексии в научном познании является несомненной заслугой учёного, поскольку до него этот тип рефлексии не изучался. Теперь же появилась возможность установить её роль в планировании и управлении процессом научного исследования. В ходе решения любой научной или практической задачи исследователь задается вопросом: зачем я это делаю, адекватными ли пользуюсь средствами? Философская рефлексия ориентирована

на мониторинг принимаемых решений, продумывание последовательности собственных рассуждений, выявление в них слабых или ошибочных мест. Другими словами, философская рефлексия позволяет прояснить логику анализа, его общие законы и использовать методологию.

Результаты философских изысканий В. Н. Борисова и его учеников получили солидную апробацию. В мае 1983 года возглавляемая им кафедра выступила инициатором проведения Всесоюзного научного семинара по проблемам философской рефлексии, зафиксировав тем самым новое исследовательское поле в гносеологической проблематике. Конференция была проведена совместными усилиями учёных Поволжья и сектора теории познания Института философии Академии Наук СССР. На конференцию приехали известные специалисты, среди них – В. А. Лекторский, Д. П. Горский, А. П. Огурцов, Б. Г. Юдин, И. С. Алексеев, В. С. Швырёв, Н. С. Автономова, С. С. Розова, В. А. Бажанов, А. И. Уёмов, А. М. Лобок, В. П. Филатов, Я. Ф. Аскин. Это научное мероприятие, по мнению учёных Института философии АН СССР, явилось поворотным моментом в разработке актуальных проблем логики и методологии научного познания. Можно привести интересную деталь: участники мероприятия вспоминают такой факт, что уже к началу конференции был подготовлен сборник выступлений, однако, ознакомившись с ним в первый день семинара, многие коллеги, планировавшие выступить, просили отложить собственные сообщения с целью ознакомления с изложенными в сборнике точками зрения. Этот пример является наглядным свидетельством того, как осуществлялся процесс координации имеющихся точек зрения учёных. Результатом же явилась выработка общей точки зрения по данной научной проблематике. В целом на конференции чётко обозначились основные кейсы, касающиеся изучения философской рефлексии, раскрыто её методологическое значение в организации научного знания [См.: 16].

После столь плодотворно проведенного научного мероприятия интеллектуальная атмосфера города и региона стала наполняться новыми творческими смыслами и организационными задачами. Определяющим институциональным импульсом развития становится, если можно так выразиться, преемственность по горизонтали. В этом стратегическом переформатировании научного поля принимают участие не только признанные мэтры философии, но и молодые учёные – аспиранты В. Н. Борисова. По проблематике философской рефлексии в этот период активно проходят защиты кандидатских и докторских диссертаций. В частности, в 1985 году диссертации на соискание учёной степени кандидата наук

защищают Н. Ю. Воронина («Стиль научного мышления и рефлексия в науке») и Н. В. Суркова («Проблемы рефлексии в историческом исследовании»). В 1994 году успешно прошла защита диссертации Е. И. Аверкиной «Рефлексия в освоении художественной культуры» и А. Т. Свергузова «Рефлексия в структуре механизмов научного познания». В 1999 году уже после ухода из жизни Вадима Николаевича его докторант Е. М. Ковшов успешно защитил докторскую диссертацию «Социальная рефлексия: структура, формы и функции». В этой работе автор анализирует особенности функционирования социальной рефлексии как в нормативных системах, так и в обыденном, идеологическом и т.п. типах сознания, классифицируя основные формы, типы и виды социальной рефлексии, демонстрируя их структурную взаимосвязь [См.: 11].

Стоит подчеркнуть, что В. Н. Борисов не ограничивался вопросами методологии науки, он активно продолжал исследования по социальной философии, начало которым было положено ещё в Новосибирске. В контексте современного социально-философского дискурса классические для философии онтология и гносеология, согласно мысли В. Н. Борисова, истолковываются не в духе традиционных дисциплин, а в качестве неререфлективных практик духовной деятельности. Так, учёный утверждал, что философия выступает в качестве особого типа мировоззрения, обосновывающего жизненные цели и идеалы человека и отражающего его социальные интересы. С позиций деятельностного подхода В. Н. Борисов переосмысливает вопрос об отношении сознания к бытию. Он исходит из того, что проблема отношения сознания к бытию коренится в структуре самой деятельности человека, в соотношении её целенаправленности и объективных, не зависящих от человека социальных условий её осуществления. В контексте вышесказанного, отношение сознания к бытию принципиально исторично и истолковывается, к примеру, в античной философии «в плане соотношения естественной необходимости и целенаправленности; в Средние века в плане отношения природы к Богу, а в эпоху Нового времени как проблема свободы и необходимости».

Развивая идеи В. Н. Борисова, его ученик А. А. Шестаков в своих работах обращается к анализу мировоззренческих оснований познания. Основываясь на идее В. Н. Борисова, что «...генетически мышление формирует мысли в трудовой деятельности» [5, с.193], учёный изучает место мировоззрения в структуре познавательного отношения. С этой целью он критически рассматривает предшествующие результаты западной философской традиции по этой про-

блематике и устанавливает общую методологическую ограниченность в её концептуальных установках. Последняя, согласно мнению ученика Борисова, коренится в абсолютизации гносеологического аспекта и игнорировании онтологической составляющей мировоззренческих оснований научного познания. Он, в частности, отмечает: «Теория познания, изгнав из сферы своего научного интереса практически действующего человека и значащие для него объективации (феномен социальной предметности), приходит к неисторической интерпретации познания <...> Гносеология, утратив связь с витальной оплодотворяющей силой общественного развития <...> теряет под собой и научную почву <...> полностью утрачивая свой мировоззренческий смысл и предназначение» [См.: 21, с. 5]. Для последовательного изучения социо-культурного контекста познания необходимо, согласно мысли Шестакова «...подвергнуть анализу существенные пласты культурно-исторической реальности, целые уровни в организации человеческого опыта» [См.: Там же, с.71]. Эта исследовательская задача была реализована в диссертационном исследовании «Многообразие человеческого опыта и основания познания» (1991). Уже позже названные идеи получили дальнейшее плодотворное развитие в целом ряде его книг и статей.

Необходимо подчеркнуть, что практические интенции институциональной позиции В. Н. Борисова не ограничивались лишь только продвижением молодых учёных по карьерной лестнице. Такого рода акции, как правило, заканчивались оформлением очередной «институции» в виде вновь открытой кафедры или лаборатории. Главной задачей (особенно в завершающий Куйбышевский/Самарский период) институциональной стратегии В. Н. Борисова являлась активная и хорошо аргументированная стратегия защиты самого философского знания и, соответственно, преподавателей этой дисциплины. А защищаться было от чего – речь в данном случае идёт о токсичных идеологических установках периода развала СССР и политических манипуляциях в процессе становления новой демократической России. В 90-е годы XX века, когда либеральная общественность, ополчившись против философии марксизма, требовала исключить все гуманитарные дисциплины из образовательного процесса, Борисов на открытом собрании профессорско-преподавательского состава Самарского университета сумел убедить коллег в необходимости сохранить преподавание этой дисциплины с целью обеспечения высоких научных и мировоззренческих горизонтов у студентов. Являясь кандидатом в мастера спорта по шахматам, Вадим Николаевич умело «блокировал» все конъюк-

турные идеологические установки, сохраняя при этом собственную позицию. Так, благодаря именно его усилиям не оборвалась научная карьера профессора В. А. Конева в достаточно обыденной ситуации, когда на него необоснованно повесили клеймо «антисоветчика». В. Н. Борисов также поддержал в трудную минуту другого самарского обществоведа Е. Д. Молевича, когда его уволили из политехнического института за «семейный скандал». В последствии все эти люди успешно возглавляли кафедры по философским и социально-гуманитарным дисциплинам. В. Н. Борисов не позволил сломать жизнь молодому политологу А. П. Овчинникову, которого обвинили в «неправильном преподавании». Количество примеров можно без труда увеличить.

Заключение

В заключении подчеркнём, что В. Н. Борисов был истинным интеллигентом, знавшим и любившим историю, литературу, в совершенстве владевшим немецким языком, что позволяло ему читать немецких классиков в оригинале, а также хорошо знавшим древнегреческий язык [См. подр.: 20]. 11 октября 2019 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С. П. Королева была открыта лекционная аудитория имени профессора Борисова. В Самаре на базе Самарского государственного технического университета проводятся «Борисовские чтения», которые пользуются большим успехом [См.: 1; 22]. Его профессиональное дело успешно продолжают его ученики. Эффективность институциональной стратегии того или иного научного сообщества говорит об уровне его развития. Заметим также, что эта стратегия реализуется по мобильным информационным каналам снизу вверх, а не законодательно декретируется «верхами». Эта констатация многое говорит об институциональном статусе региональных философских школ и их лидеров. Обобщая изложенное выше, отметим, что исследовательская программа В. Н. Борисова в своём развитии прошла три этапа. На первом Калининском этапе сформировались его философские взгляды и, соответственно, наметились контуры научной школы. На втором определяющем этапе Новосибирского Академгородка сформировался основной корпус его единомышленников и учеников и предметно оформились научные традиции школы. И на завершающем этапе – Куйбышев / Самара институциональная стратегия лидера школы существенно трансформировала региональное интеллектуальное пространство за счёт открытия новых кафедр по философским и социально-гуманитарным дисциплинам и формирование диссертационного Совета.

Литература

1. Анисимова С. Ю., Борисова Т. В. «Борисовские чтения» III Всероссийская конференция с международным участием «Постнеклассическая наука и новые общественные вызовы» // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. Исторические науки. – 2023. – Т. 5, № 4 (20). – С. 169–172. – EDN: FJQZTM.
2. Беляев И. А., Максимов А. М. Философская школа Д. В. Пивоварова: современное состояние и потенциал развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 4. – С. 86–97. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-4-86>. – EDN: ZOSLDG.
3. Борисов В. Н. Некоторые вопросы марксистско-ленинской теории отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности // Учёные записки Калининского государственного педагогического института. – Т. XXIII. – Калинин: КГПИ, 1957. – 305 с.
4. Борисов В. Н. О специфике методологического анализа научного познания // Методологические проблемы развития науки и культуры. – Куйбышев: Изд-во Куйб. ун-та., 1976. – С. 7–15.
5. Борисов В. Н. Уровни логического процесса и основные направления их исследования. – Новосибирск: Наука Сибирское отделение, 1967. – 211 с.
6. Борисова Т. В., Ключникова О. С. Гламур под знаком техногенной цивилизации: монография. – Самара: Инсома-пресс, 2016. – 154 с. – EDN: YJJAPC.
7. Бурлина Е. Я. «Институциональная философия» профессора В. Н. Борисова // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2019. – № 2 (2). – С. 13–24. – EDN: DTAUMX.
8. Драч Г. В. Ростовская философская школа: научные идеи и основания // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3(187). – С. 38–43. – EDN: UMEFGH.
9. Емельянов Б. В., Русаков В. М. Уральская философская школа: 1965-2005 гг.: монография. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2005. – 122 с. – EDN: TNGNFM.
10. Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы: монография. – М.: Альфа-М, 2013. – 557 с. – EDN: XWWCDR.
11. Ковшов Е. М. Социальная рефлексия (структура, формы, функции.). – Самара: Изд-во: ООО НВФ «Сенсоры. Модули. Системы», 1998. – 111 с.
12. Корсаков С. Н. О первом варианте докторской диссертации В. Н. Борисова (архивная публикация) // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2021. – № 3(8). – С. 26–36. – EDN: MZHPIR.
13. Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
14. Мартишина Н. И. К истории сибирской философской школы // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 1, № 3(25). – С. 72–81. – EDN: ULJPYF.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 873 с.
16. Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. Проблемный совет по материалистической диалектике МВССО РСФСР. Поволжское отделение философского общества СССР. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1983. – 160 с.
17. Тюгашев Е. А. В. Н. Борисов и становление философского сообщества Новосибирского академгородка // Проблемы методологии: сборник научных статей, посвящённых памяти профессора В. Н. Борисова. – Самара: Самарский университет, 1998. – С. 44–53. – EDN: SZXIPZ.
18. Философские проблемы сознания и познания: Научные труды. Философская серия. Выпуск 1. / Под редакцией Антонова Н. П., Борисова В. Н., Садыкова Ф. Б. – Новосибирск: Наука, 1965. – 336 с.
19. Философские традиции российских регионов: прошлое, настоящее, будущее (материалы круглого стола) / Е. Н. Яркова [и др.] // Философская мысль. – 2022. – № 7. – С. 1–20. – <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.7.38233>. – EDN: MTDHTU.
20. Шестаков А. А. Вадим Николаевич Борисов // Вопросы философии. – 1998. – № 6. – С. 156. – EDN: MGKWGL.
21. Шестаков А. А. Мировоззренческие основания познания. Критика идеалистических концепций: монография. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1988. – 126 с. – EDN: TCOKTZ.
22. Шестаков А. А. Наука и философия в перспективе развития (обзор научной конференции «Междисциплинарные исследования: сущность и перспективы развития» (Борисовские чтения)) // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2020. – № 1(3). – С. 6–13. – EDN: FUHWXN.
23. Borisova T. V., Tagirova N. F., Anisimova S. Yu. Philosophy of provincial cities. Philosophical ideas of

Borisov V. N. // International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» Part 1, April 26, 2024. Beijing, PRC. – P. 117–121. – <https://doi.org/10.34660/INF.2024.79.31.185>. – EDN: PRZNRK.

References

1. Anisimova, S. Yu., Borisova, T. V. (2023) [«Borisov Readings» III All-Russian Conference with International Participation «Post-Non-Classical Science and New Social Challenges»]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk. Istoricheskiye nauki* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. Vol. 5, No. 4 (20), pp. 169–172. (In Russ.).
2. Belyaev, I. A., Maksimov, A. M. (2024) [Philosophical School of D. V. Pivovarov: Current State and Development Potential]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 86–97. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-4-86>. (In Russ.).
3. Borisov, V. N. (1957) [Some issues of the Marxist-Leninist theory of reflection and I. P. Pavlov's doctrine of higher nervous activity]. *Uchonyye zapiski Kalininskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Kalinin State Pedagogical Institute]. Vol. XXIII. Kalinin: KSPI, 305 p. (In Russ.).
4. Borisov, V. N. (1976) [On the specifics of the methodological analysis of scientific knowledge]. *Metodologicheskiye problemy razvitiya nauki i kul'tury* [Methodological problems of the development of science and culture]. Kuibyshev: Publishing house of Kuibyshev. University, pp. 7–15. (In Russ.).
5. Borisov, V. N. (1967) *Urovni logicheskogo protsessa i osnovnyye napravleniya ikh issledovaniya* [Levels of logical process and the main directions of their research]. Novosibirsk: Science Siberian Branch, 211 p.
6. Borisova, T. V., Klyuchnikova, O. S. (2016) *Glamur pod znakom tekhnogennoy tsvivilizatsii* [Glamour under the sign of technogenic civilization]. Samara: Insoma-press, 154 p.
7. Burlina, E. Ya. (2019) [«Institutional Philosophy» of Professor V. N. Borisov]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy]. Vol. 2 (2), pp. 13–24. (In Russ.).
8. Drach, G. V. (2015) [Rostov Philosophical School: Scientific Ideas and Foundations]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. Vol. 3 (187), pp. 38–43. (In Russ.).
9. Emelianov, B. V., Rusakov, V. M. (2005) *Ural'skaya filosofskaya shkola: 1965–2005 gg.* [Ural Philosophical School: 1965–2005]. Ekaterinburg: Ural State University named after A. M. Gorky, 122 p.
10. Kasavin, I. T. (2013) *Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nyye i prikladnyye problemy* [Social Epistemology. Fundamental and Applied Problems]. Moscow: Alfa-M, 557 p.
11. Kovshov, E. M. (1998) *Sotsial'naya refleksiya (struktura, formy, funktsii.)* [Social Reflection (Structure, Forms, Functions.)]. Samara: Publishing House: OOO NVF Sensors.Moduli.Systems, 111 p.
12. Korsakov, S. N. (2021) [On the First Version of V. N. Borisov's Doctoral Dissertation (Archive Publication)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy]. Vol. 3(8), pp. 26–36. (In Russ.).
13. Latour, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchonymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers Within Society]. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 414 p.
14. Martishina, N. I. (2015) [On the History of the Siberian Philosophical School]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 1, No. 3(25), pp. 72–81. (In Russ.).
15. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST; Keeper, 873 p.
16. Problems of Reflection in Scientific Knowledge. Interuniversity Collection. Problem Council on Materialistic Dialectics of the MHSSO RSFSR. (1983) Volga Region Branch of the Philosophical Society of the USSR. Kuibyshev: Publishing house of Kuibyshev State University, 160 p.
17. Tyugashev, E. A. (1998) [V. N. Borisov and the formation of the philosophical community of the Novosibirsk academic town]. *Problemy metodologii: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati professora V. N. Borisova* [Problems of methodology: a collection of scientific articles dedicated to the memory of Professor V. N. Borisov]. Samara: Samara University, pp. 44–53. (In Russ.).
18. Antonov, N. P., Borisov, V. N., Sadykov, F. B. (1965) *Filosofskiyе problemy soznaniya i poznaniya: Nauchnyye trudy. Filosofskaya seriya. Vypusk 1.* [Philosophical problems of consciousness and cognition: Scientific works. Philosophical series. Issue 1.]. Novosibirsk: Science, 336 p.

19. Yarkova, E. N., et al. (2022) [Philosophical Traditions of Russian Regions: Past, Present, Future (Proceedings of the Round Table)]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. Vol. 7, pp. 1–20. – <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.7.38233>. (In Russ.).

20. Shestakov, A. A. (1998) [Vadim Nikolaevich Borisov]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 6, pp. 156. (In Russ.).

21. Shestakov, A. A. (1988) *Mirovozzrencheskiye osnovaniya poznaniya. Kritika idealisticheskikh kontseptsiy* [Ideological Foundations of Knowledge. Critique of Idealistic Concepts]. Saratov: Publishing House of Saratov University, 126 p.

22. Shestakov, A. A. (2020) [Science and Philosophy in the Development Perspective (review of the scientific conference «Interdisciplinary Research: Essence and Development Prospects» (Borisov Readings))]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy]. Vol. 1 (3), pp. 6–13. (In Russ.).

23. Borisova, T. V., Tagirova, N. F., Anisimova, S. Yu. (2024) Philosophy of provincial cities. Philosophical ideas of Borisov V.N. *International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration»*. Part 1, April 26, 2024. Beijing, PRC. pp. 117–121. – <https://doi.org/10.34660/INF.2024.79.31.185>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Татьяна Вадимовна Борисова, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0009-0007-0200-2949

e-mail: BorisovaTVa@yandex.ru

Владислав Олегович Шелекета, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4515-4420

e-mail: vladshelo@mail.ru

Александр Алексеевич Шестаков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и социально-гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0001-8744-041X

e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Вклад соавторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2025; принята в печать: 21.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Tatyana Vadimovna Borisova, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0009-0007-0200-2949

e-mail: BorisovaTVa@yandex.ru

Vladislav Olegovich Sheleketa, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0002-4515-4420

e-mail: vladshelo@mail.ru

Alexander Alekseyevich Shestakov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0001-8744-041X

e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Contribution of the authors:

Authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 03.02.2025.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

О БЫТИИ¹

С. Д. Лобанов

Пермский государственный институт культуры; Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия
e-mail: sdl-grey54@yandex.ru

Аннотация. По словам С. Л. Франка, вопрос о бытии имеет головоломный характер. Такая оценка справедлива не только для времени С. Л. Франка, но и для древней, и современной философии. Дело в том, что вопрос о бытии относится, с одной стороны, к великим европейским мифам, с другой – к основному вопросу философии. В статье предлагается рассмотреть бытие с трех точек зрения: 1) леммы бытия, т. е. его предметности, определяемой через отношение бытия к своему субстрату (субъекту), а также свойство индивидуальности бытия (неотделимости от вещей); 2) дилеммы бытия, т. е. его непредметности, связанной с вопросом, является ли бытие необходимым или случайным свойством вещей, а также отношение к отрицанию; 3) единства предметности и непредметности бытия, местом (хорой) бытия. Для решения вопроса о бытии принимается различие, введенное Г. Фреге: понятие (смысл, предикат, соозначение) и предмет (значение, денотат, истина/ложь). Ставится вопрос: является ли бытие понятием (предикатом) и предметом? Ответ на этот вопрос предлагается в терминах онтологических обязательств, включая модальности физической и моральной возможностей, а также договора, или некоторой нормы. Определение бытия через отношение к ничто может считаться источником пустоты бытия, с одной стороны, а с другой – источником творчества, способности языка философии создавать насыщенные смыслом описания действительности. В качестве примера-пробы поэзофилософии в статье используется схема исследования бытия: бытие есть бытие есть бытие. Вопрос о бытии непосредственно связан с историей метафизики, предметом которой служат бытие и другие высшие понятия (Благо, Единое, Истина и т. д.). Отрицание метафизики и, следовательно, понятия бытия, по замечанию Ницше, стало источником европейского нигилизма. Обращается внимание на вопрос Витгенштейна из его работы «О достоверности», а именно: «На что я могу положиться?». Это очень емкий вопрос, подобный вопросам Канта «Что я могу? На что я смею?» т. д. В статье делается вывод: бытие есть источник убеждений, доверия, достоверности и уверенности человека. Другими словами, бытие есть то, без чего все (остальное) суть ничто.

Ключевые слова: предметность бытия, непредметность бытия, лемма бытия, дилемма бытия, трилемма бытия, онтологические обязательства, нейтральная онтология, бытие есть бытие есть бытие.

Для цитирования: Лобанов С. Д. О бытии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 88–99. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-88>.

Original article

ABOUT BEING

S. D. Lobanov

Perm State Institute of Culture; Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences; Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia
e-mail: sdl-grey54@yandex.ru

Abstract. According to S. L. Frank, the question of being has a puzzling character. This assessment is valid not only for the time of S. L. Frank, but also for ancient and modern philosophy. The fact is that the question of being refers, on the one hand, to the great European myths, on the other – to the main question of philosophy. The article proposes to consider being from three points of view: 1) the lemmas of being, i.e. its objectivity, determined through the relation of

¹ Статья подготовлена на основе «синтетической парадигмы в философии» Д. В. Пивоварова.

being to its substrate (subject), as well as the properties of the individuality of being (inseparability from things); 2) the dilemmas of being, i.e. its non-objectivity, related to the question of whether being is a necessary or accidental property of things, as well as its relation to negation; 3) the unity of objectivity and non-objectivity of being, the place (chorus) of being. To solve the question of being, the distinction introduced by G. Frege is accepted: the concept (meaning, predicate, co-meaning) and the object (meaning, denotation, truth/ lie). The question is posed: is being a concept (predicate) and an object? The answer to this question is offered in terms of ontological obligations, including the modalities of physical and moral capabilities, as well as a contract, or some norm. The definition of being through the relation to nothing can be considered a source of the emptiness of being, on the one hand, and on the other – a source of creativity, the ability of the language of philosophy to create meaningful descriptions of reality. As an example of a sample of poeosophy, the article uses the scheme of the study of being: being is being is being. The question of being is directly related to the history of metaphysics, the subject of which is being and other higher concepts (Good, Unity, Truth, etc.). The denial of metaphysics and, consequently, the concept of being, according to Nietzsche, became the source of European nihilism. Attention is drawn to Wittgenstein's question from his work «On reliability», namely: «What can I rely on?». This is a very succinct question, similar to Kant's «What can I do? What dare I do?» etc. The article concludes that being is a source of beliefs, trust, reliability and confidence of a person. In other words, being is that without which everything (the rest) is nothing.

Key words: objectivity of being, non-objectivity of being, lemma of being, dilemma of being, trilemma of being, ontological obligations, neutral ontology, being is being is being.

Cite as: Lobanov, S. D. (2025) [About Being]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 88–99. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-88>.

Введение

Бытие подобно стене-преграде на пути нахождения его смысла и отсутствию такого пути: движение в никуда, в бесконечность, неопределенность и беспредметность. В первом случае, это – отсутствие определенного смысла, во-втором – бессмысленность вообще: это Ахиллес, не догнавший черепаху – свое определение – и с удивлением возвращающийся назад для того чтобы с новой силой повторить свой путь (или же Сизиф, снова и снова пытающийся закатить камень на гору). Это и Ахиллес, вслед за черепахой исчезающий в облаке «пыли Кантора», или же Сизиф, стирающий камень в прах и не достигающий своей цели; однако нет камня, нет и Сизифа.

Для ориентации в вопросе о бытии можно выделить два основных подхода, преимущество которых заключается в образной форме. Первый относит вопрос о бытии к «великим европейским мифам – мифу о бытии» [24, с. 147]. Здесь бытие понимается в качестве субстанции мира и противопоставляется процессу в виде развилки: действие/существование². Этот подход составляет традицию: уже в древней философии бытие сопоставляется со становлением, позднее с процессом и действием.

Второй, «вопрос всех вопросов: есть ли «бытие» пустое слово, а значение его – туман, или же духовная судьба Европы?» [31, с. 119, 124]. Последнее выражено Хайдеггером в виде вопроса, положительный ответ на вторую часть которого содержится в его работах. Итак, миф о бытии противопоставляется основному

(ведомому) вопросу мышления, т. е. вопросу о бытии, ставшему судьбой философии и, следовательно, культуры в целом.

Однако философия не сводится к вопросу о бытии, в философии не было и нет единства в вопросе о ее предмете. Причины этого разнообразия в существовании различных, иногда несовместимых, точек зрения в вопросе «что такое философия?», дифференциации научного познания, отделении от философии – «матери наук» – научных дисциплин, наличия разделов философии – онтологии, теории познания, аксиологии и т. д. Не просто так Шеллинг назвал Канта «философом против воли», который свою «Критику чистого разума», по-видимому, хотел дополнить исследованием «Переход от метафизики к физике» [14], над которым работал в 1801 году [34, с. 30, 31]. В этом же направлении утверждает Э. Шредингер: «Метафизика превращается в процессе развития в физику» [35, с. 71]. Виндельбанд сравнил философию с королем Лиром, который роздал свое имущество (предмет, темы, вопросы и т. д.) своим детям (наукам) и оказался никому не нужным нищим [3, с. 34]. Уместны вопросы: кому достался вопрос о бытии? Зброшен ли он за ненадобностью? Если не появилась наука о бытии, то не является этот факт еще одним подтверждением, что «бытие» – это пустое понятие? или что бытие все-таки осталось за философией в качестве условия ее существования – её предметом? Что сказывает «бытие» о мире, чего не говорят другие понятия?

² В статье «бытие» и «существование» специально не различаются, а только по контексту.

Необходимость ответа на вопрос, что такое бытие? заключена в принятии или непринятии бытия в качестве предмета и основного вопроса философии, более того, в вопросе о предметности самого бытия. В основном, ответы на вопрос о бытии заключаются в том, что бытие – бессодержательное понятие, которому ничего не соответствует в реальности. В самом деле, каким образом возможно отношение к «бытию»? каким образом можно показать: «вот – бытие»? Здесь, ожидаемо, последует замечание, что это тот случай, когда требуется показать в остенсивном определении «треугольник вообще», «дерево вообще», «кот вообще» и т. д., которые неопределенны по предмету, как и «бытие вообще». Возможно, последует уточнение, что бытие – специфическое понятие, допускающее странную предметность. Эта странность заключается в том, что бытие определяется через ничто: путь к бытию зависит от последовательности отрицаний – абстракций, последнее из которых и есть бытие. *Бытие есть отрицание отрицания (ничто).*

Другая ситуация отражает соотношение объема понятия и его содержания: при стремлении объема понятия к бесконечности его содержание стремится к ничтожности, или так: «сумма бытия» (бытие вообще) оборачивается отрицанием, абстрагированием от бытия.

При условии, что бытие преодолевает ничто, например, в понимании бытия в качестве абстракции от «есть», и утверждает некую реальность – определенное бытие, то это позитивная онтология. Такое ничто и создает философию – прежде всего ее предмет. Например, это вопрос о «непрактичности» философии. Обычно под «философией» понимаются разговоры «о том о сём и ни о чём». Однако перед лицом «ничто» философия становится весьма практичной.

Важно учитывать различные значения «онтологии». Это и традиционная «первая философия», т. е. учение о бытии. Это и учение о предметах, имеющих специальный характер: технические, формальные, цифровые, нано- и т. д. онтологии [2, с. 105]. Современные онтологии – это учения о предметах.

Положение о предметности бытия составляет лемму бытия. Эта лемма связана с определенным бытием, где допустимо использовать определения через прямое указание «вот – (это) бытие» или описание в терминах: «бытие – это понятие, определяемое отношением к ничто (мышлению)» и т. д.

Присущая бытию неопределенность ведет к образу непредметности бытия. Эти два аспекта проблемы бытия – предметность и непредметность – образуют дилемму бытия, которая, если допустить единство предметности и непредметности бытия, бытия и ничто, ведет к трилемме (единству) бытия.

Лемма бытия. Предметное (определенное) бытие

Проблема бытия предполагает отношение бытия к тому, бытием чего является, т. е. своему носителю (субстрату, субъекту), и, наоборот, отношение нечто к своему бытию в виде причинно-следственного отношения, скрытой реальности и явной, видимого мира и невидимого, силы и действия и т. д.

Отношение принадлежности означает относительность бытия, бытие через другое. Фома Аквинский, по оценке Ж. Маритена, «самый экзистенциальный из философов», сформулировал то, что можно назвать *леммой бытия*: «Бытие называется бытием постольку, поскольку оно есть бытие чего-то» [27, с. 68].

Такое отношение означает способность установить онтологическое различие между бытием и тем, бытием чего оно является. Например, это различие «бытие/реальность». В этом случае бытие характеризуется трансцендентностью, а реальность – вещественной конкретностью.

Бытие само по себе, благодаря себе, без субстрата есть абсолютное бытие. Возможно ли такое бытие? Если возможно, то каким образом?

Бытие индивидуально в значении неотделимого от вещей существования, в отличие от бытия самого по себе, также индивидуального – отдельного от вещей существования. Первое отвечает на вопрос, *что это такое*, второе – *как это возможно?*

Индивидуальность бытия есть условие его предметности, означает, что существование едино со своим предметом, бытие одного предмета отделено от бытия других предметов. Более того, бытие предмета не только отличается от бытия другого предмета («ипостась»), а изменяется в каждом моменте времени и пространства этого предмета («тропос»).

Однако бытие – это не индивидуальное само по себе, или индивидуальная субстанция, наподобие «монаде» Лейбница. Определенное бытие связано с зависимостями, т. е. сферой общего и единичного бытия – сосуществования (коэксистенции). Бытие зависит (определяется) от понимания того, что такое простое (индивидуальное). Простое – это начало, из которого *составлено и происходит все остальное*.

Такое начало означает общее свойство вещей «быть», которое далее раскрывается в модальном анализе видов бытия («бытие-в», «бытие-при», «бытие-к» и т. д.) и материи. Фома Аквинский назвал это распределение *принципом индивидуации*. В этом значении «бытие» не прибавляет содержания к понятию вещи, но различает (отделяет) одни вещи от других вещей, и есть определенное бытие.

Поскольку некоторое бытие неотделимо от вещей, постольку вопрос о бытии подразумевает выяснение того, *то же* самое ли (*одно и то же*) бытие

имеется в виду при его распределении, т. е. определении, в вещах, телах, явлениях, событиях, процессах и т. д.? Очевидно, что существование человека само по себе, если таковое существует, отличается от *индивидуального* существования человека. Представление о человеке (вообще) – это не то же самое, что понятие о *существующем человеке*. Можно продолжить ряд дальше: бытие *вот этого* Бога, к которому обращается верующий, и существование которого переживается в свидетельствах. Это и «бог» философов, предполагающий рациональное доказательство его существования.

Когда говорится об *одном* и том же бытии (что означает тождество мышления и бытия) или о разном? Это ведет к *аналогии* бытия и мышления, предполагающей опосредующее – инструменты обозначения и т. д.

Общим для этих отношений (тождества и подобия, непосредственности и опосредствования, субъекта и предиката) служит *структура*, образуемая связью вещи, ее свойств и отношений. Вполне ожидаемо, что, в согласии с конъюнктурой, в 2001 г. М. Элдредом и Р. Капуррой вводится понятие *цифровой онтологии* [2, с. 105], основанной на развитии бинарных отношений и структур.

Итак, проблема бытия заключается в следующем вопросе: остается ли в распределении (диспозиции) бытия само бытие – то же, самое бытие?

Известное положение Канта: «*бытие* не есть реальный предикат... оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само себе» [13, с. 521], необходимо дополнить: *бытие не есть и предмет*. Дело в том, что понятие бытия предполагает свой предмет существующим: «Отношения всех предикатов к их субъектам никогда не означают чего-либо существующего, ибо в таком случае субъект должен был бы уже предположенным в качестве существующего» [12, с. 404]. Кант отождествляет бытие и полагание: «Существование не есть некоторый особый предикат вещи, а есть ее абсолютное полагание со всеми её предикатами» [14, с. 596], Проще говоря, приписывание бытия (существования) предмету бессмысленно, т.к. предмет уже существует, дан a priori. Такова особенность бытия.

Кант повторяет аргумент против понятия бытия: понятие бытия ничего не прибавляет к понятию вещи: по Аристотелю, «человек» и «существующий человек» суть одно и то же; [1, с. 120], это выражение единства существования и предмета (человека); по Юму, тождества идеи бытия и идеи вещи.

В этой связи бытие имеет значение *предсуществования* (*preexistence*): *бытие как бы предшествует самому себе – бытию, т. е. от неопределенного бытия*

(просто есть) *происходит определенное бытие* (есть нечто). Здесь можно допустить образ спирали: от неопределенного бытия к определенному, далее – как бы возвращение к неопределенному и т. д.

Необходимо заметить, что для Канта *вопрос о бытии как предикате* является открытым. В «Размышлениях о метафизике» Кант отметил: «Я спрашиваю себя, наконец: если бытие не является предикатом вещей, то как вообще я могу пользоваться выражением: бытие (Dasein)» [20, с. 173].

В самом деле, что имеется в виду, когда говорится: «бытие»?

Кант обозначает проблему бытия: если бытие не предикат, то бытие не понятие, имеющее свой предмет: понятию бытия как таковому ничего не соответствует в действительности, «бытие» не имеет смысла.

Дело приобретает радикально иной характер у Кьеркегора в понятии *существующего человека, или экзистирующего, мыслителя*: «Задача субъективного мыслителя состоит в том, чтобы *понять себя самого в существовании*» [15, с. 380]. Бытие эстетика (Дон Жуан) это не бытие этика (Сократ) или верующего человека (Авраам). Здесь «человек» и «существующий человек» не суть одно и то же. Бытие – не логический предикат, а положение (ситуация) человека.

Сартр доводит эту линию до предела: «Человек есть бытие, посредством которого ничто приходит в мир... *Ничто* есть сама человеческая реальность как радикальное отрицание, посредством которого открывается мир» [23, с. 61, 209]. Для Сартра и Н. А. Бердяева отрицание (ничто) – это источник свободы и творчества человека. Супрематизм (К. Малевич) утверждает беспредметное в качестве «освобожденного ничто», которое можно поставить в один ряд, например, с «освобождением воли» Шопенгауэра и «освобождением труда» российских марксистов; и т. д.

Для понимания бытия необходимо учитывать *различение между понятием и предметом*, введенное Фреге. Понятие (смысл, «мысль», выражение, соозначение) предикативно, это значение предиката, характеризуется подведением под понятие. Предмет (денотат, обозначение) это значение субъекта, прежде всего в виде значений «истинности» и «ложности», напротив, не имеет значения предиката, но подчиняется грамматической правильности. Фреге, ученик Brentano, использует понятие *представления*, внутреннего, субъективного образа, а также трихотомию *истина\ложь\смысл*. Фреге замечает, что «существование и единственность когда-либо могут быть признаками понятий. Они лишь не являются признаками *тех* понятий, которым их можно приписать, *следуя языку*» [28, с. 80]. По Фреге, в вопросе о бытии необходимо избегать языковых ловушек, например многозначно-

сти терминов, гипостазирования (наделением самостоятельным бытием) и т. д.

Получается, что бытие может быть понятием (предикатом), если соотнажает признаки бытия. Петр I был императором, полководцем, плотником и т. д. – деятелем. Бытие может быть предметом, если термин «бытие» обозначает определенные (специфические) признаки существования, например, исторических личностей, в отличие от мифологических. Согласно опросам специалистов и обывателей, Петр I – историческая личность, один из самых выдающихся людей в истории России, кто «прорубил окно в Европу».

Логицизм Фреге предложил строгий анализ понятия «существование» и этим внес свою лепту в «оставленность бытия» (Хайдеггер). Однако последнее в значительной мере вызвано исторической эпохой позитивизма и антиметафизическими тенденциями, когда предметная сфера сознания сведена к повседневности и эмпирическому мировосприятию: отбрасывание понятия «субстанции» (первоначала) привело к отрицанию (ограничению) понятия причины, а употребление слова «бытие» ограничено «высоким», поэтическим стилем. Например, концепцию бытия Хайдеггера вполне резонно относят к «поэзо-философии», использующей творческие способности языка к созданию миров: ««онтология» означает усилие явить бытие в слове» [31, с. 123].

Слово, наряду с созерцанием и действием, является источником предметности бытия. Слово собирает в себе два вида предмета: вещь и тело. Вещь в самом общем виде *есть то, что есть*, отсюда два понятия – истина (от «естина») и реальность (от «вещность»). Язык обладает способностью делать существующим то, чего нет и утверждать то, что имеет смысл, используя грамматический предикат «существовать». Тело – то, что связано с движением и устройством: небесное тело, человеческое и т. д. Более того, и язык – это тело, точнее, если использовать термин стоиков, «лектон», обозначающий границу тела (знака) с бестелесным – смыслом (значением).

Здесь находится основополагающий вопрос об отношении смысла и бытия. В каком смысле существует то-то и то-то? В чем заключается смысл бытия? Такие вопросы предполагают, что вопросы о бытии относятся к тому, что есть каким-либо способом: случайно, виртуально, необходимо, с вероятностью, идеально и т. д. В каком смысле можно говорить о единороге, улыбке Чеширского кота, историческом деятеле, литературном персонаже и т. д.?

Слово – это действие бытия и с бытием: «мы привыкли не всматриваться в состояния и факты, если для них недостает слов, потому что там трудно точно мыслить; поэтому обыкновенно заключают, что там,

где прекращается область слова, прекращается также и область бытия» [19, с. 45].

Вопрос о бытии самым тесным образом связан с проблемой понимания – схватывания смысла, отсюда термин «кон-цепт» («con-cept»). Понимать – значит начинать заново в языке. «*Бытие, которое может быть понято, есть язык*» [6, с. 548].

Понимание есть специальное условие предметности бытия – от простейшего переживания (симпатии) до истолкования – все служит оформлению бытия. Здесь язык не сводится к вербальному – фонетике или письму, это еще язык тела, красок, музыки и т. д. Проблема языка заключается в его переводе на другой язык, отнесении к вещи и субъекту и т. д., и главное – в план значения: что это значит? Перевод, в свою очередь, с неизбежностью содержит в себе неопределенность. Это подводит к вопросу о непредметности языка и, следовательно, бытия.

Дилемма бытия. Непредметное (неопределенное) бытие

Одну из сторон проблемы бытия в виде дилеммы выразил Аристотель: «все или существует, или не существует» [1, с. 79]. Все или ничего. Здесь бытие связано с вопросом: является ли бытие необходимым или случайным свойством? Становится ли свойство существования предикатом бытия?

Признание бытия необходимым свойством (предикатом) вещей и понятий, с одной стороны, образует «онтологический аргумент», а его отрицание, с другой, – дилемму бытия. Онтологический аргумент восходит к доказательству бытия Бога: понятие Бога как совершенного существа включает в себя свойство (предикат) его бытия. По этому вопросу есть две точки зрения: «за» и «против» онтологического аргумента, т. е. бытия в качестве свойства. Иногда приписывание объектам бытия того или иного вида называется «тезисом о бытии-предикации» [10, с. 108–112].

В общем, онтологический аргумент связан с признанием того, что бытие само по себе имеет значение, например, понятия «право на существование» («основание бытия») (*raison d'être*), требования быть достойным существования.

Современным вариантом онтологического аргумента служит *онтологическое обязательство*: бытие вещей признается, если вещи являются предметом мышления (представлением), т. е. *необходимыми* сущностями. «Необходимое» – значит, *то, что не может не быть*. Существуют ли универсалии, т. е. две сущности, у которых одно свойство или только индивидуальная сущность с этим (одним) свойством? Ответы дают реализм и номинализм.

Необходимые сущности составляют предикат существования и служат условием для ответа на знаменитый вопрос Лейбница «Почему существует нечто, а не ничто?». Вопрос «заостряется», когда спрашивается о случайных сущностях, которые могут не существовать, тогда вопрос Лейбница видоизменяется таким образом: «Почему существует нечто случайное, а не ничего случайного»? [9, с. 99]. Здесь возникают вопросы, связанные с понятием случайного: мир может не существовать в течение неопределенного времени, мир может прекратить свое существование в неопределенный момент времени. В общем, понятие случайного (*то, что может быть или не быть*) несет в себе коннотации отрицания (ничто), например, вины и ответственности за собственное существование, которые вменяются человеку вместе с оценкой *бытия как преступления* [17, с. 372].

Отбрасывание онтологического аргумента (онтологического обязательства) ведет к признанию случайности жизни: «Если мы отвергнем онтологический аргумент, мы должны прийти к заключению, что существование мира случайно, то есть оно не является логически необходимым» [21, с. 220].

Допущение случайности существования влечет за собой вопрос: почему существуют ценности? Почему возникает потребность в отрицании сущего, того, что есть и перехода к должному? к тому, чего нет?

Онтологии, которые не предполагают обязательств, называются *нейтральными*.

Гегель отнес «сущность» к рефлексивной категории, содержащей в себе свое происхождение, а именно: из «быть», «существовать». Сущность предполагает существование, которое определяется свойствами, присущими вещи. Проблема в том, при каких условиях сущность и свойства становятся предикатом существования вещи? Очевидно, при условии, что сущность (вещь) содержит свойство существования в себе, и есть основания того, что свойство становится необходимым для определения сущности, т. е. предикатом, утверждением о вещи. Свойства становятся предикатом, когда входят в определение сущности вещи. Примером может служить парадоксальное признание Майнонгом «существования несуществующих объектов» (Атлантиды и т. д.). Майнонг, ученик Brentano, рассматривал статус интенциональных объектов на основе принципа неограниченной свободы предположений (полаганий) объектов и различения бытия (Sein) и так-бытия (бытия-через-свойства, Sosein) при независимости так-бытия от бытия [10, с. 95]. Здесь свойство существования определяется тем, какой объект подразумевается. Например, свойство «быть существующим» входит в представление «золотой горы», наряду с «быть горой» и «быть золотой».

Таким образом, здесь находится проблема определенности свойства существования, или дилемма предметности и не предметности бытия.

Непредметность бытия связана с тем, что бытие полагается в качестве начала вещей, т. е. само еще не определено (описано, обоснованно), просто «есть». Это своего рода *онтологический атомизм* (наряду с физическим и логическим). Это сфера *допредикативного*, до определенного описания, непосредственности как таковой. Другой источник не предметности, бытие превосходит эмпирическую реальность – «вещность», и образует *сферу трансцендентности*. Это – *другое начало* или *начало другой, высшей предметности, способность начинать сначала*. Бытие – это не отрицание изменчивости, незыблемый покой, а постоянный переход к новому длящемуся «есть», т. е. времени. Если следовать Аристотелю, время «всегда начинается» [1, с. 155].

Фундаментальной проблемой в онтологиях является вопрос о критериях существования. При исходном положении, что познание – это измерение, следует, существовать – значит быть измеряемым; в конструктивизме – быть построенным; критерий может указывать также на предметы, существующие во времени или вне времени.

К этому необходимо добавить принцип неопределенности в квантовой механике, «тезис Дюгема-Куайна» о недоопределенности теоретического вида познания экспериментальным, теореме Геделя о неполноте формализованных систем и т. д.

Таким образом, критерии существования определяют его виды и виды его предметности и не предметности.

Здесь уместно привести пример Б. Рассела, который проводил различие между бытием и существованием. По Расселу, *в зависимости от темперамента*, люди предпочитают тот или иной мир:

1) *существование – существующие (existing)* и длящиеся во времени вещи: мысли, чувства и физические объекты. «Мир существования изменчив, неопределен, без точных границ, без всякого плана и организации, но он содержит все чувства и мысли... все, что изменяет ценности жизни и мира»;

2) *бытие – мир универсалий, существующих идеально (subsist) или обладающих бытием (have being)*. «Мир бытия – неизменный, строгий, точный, увлекательный для математика, логика, творца метафизических систем и для всех, кто любит совершенство больше жизни» [22, с. 228–229].

Иногда термин «subsistence», введенный А. Майнонгом и Б. Расселом для обозначения абстрактных вневременных сущностей (объектов), переводится и относится к «подсуществованию» [10, с. 43; 25,

с. 29]. По-видимому, этот перевод требует пояснений. Например, его можно сравнить с переводом термина *subsistens* в работах Фомы Аквинского: «формы, которые в большей степени близки к первому началу, суть формы, существующие (*subsistentes*) как таковые без материи» [26, с. 242] «...Но если мы помыслим некоторую вещь, каковая есть только бытие, так что само бытие [в ней] есть нечто самостоятельно существующее (*subsistens*)» [26, с. 244]. В этом переводе отражается самостоятельность бытия, его высокий, не подчиненный статус.

Трилемма бытия. Единство предметного и непредметного бытия

Бытие связано с местом своего присутствия: существовать и иметь место – одно и то же. Этот вопрос рассматривает Платон в диалоге «Тимей», где «хора» есть пространство бытия, одно из трех начал, наряду с мыслимым (тождественным) первообразом и его зримым подражанием, дающее место рождающемуся космосу. В толковании Деррида, хора – это онтологическое различие между бытием и сущим [11, с. 155], противопоставляемая Платоном зияющей бездне хаоса. Хайдеггер не сводит «хоризму» (*χωρίζομαι*) к простому онтологическому различению бытия и сущего, а к их одновременности – событию и истине [33, с. 33]. В немецкой мистике это место в нас. Такое толкование утверждения Ангелуса Силезиуса «место есть слово» дает Деррида: «У этого места нет ничего ни объективного, ни субъективного. За ним не кроется никакой географии, геометрии или геофизики. Это не то, в чем находятся субъект или объект. Оно – в нас» [11, с. 99].

Вопрос о бытии достоин не только мистического решения, если требуются объяснения. Рациональное решение дает Лейбниц: «Идеи бытия, возможного, тождественного, настолько прирождены нам, что они входят во все наши мысли и рассуждения, и я считаю, что они присущи нашему духу <...> мы, так сказать, врождены самим себе, и так как нам присуще бытие, то оно врождено нам, и познание бытия содержится в нашем познании самих себя» [16, с. 103]. Под «идеями» в новоевропейской философии понимается «непосредственный внутренний объект... есть выражение природы и качеств вещей» [16, с. 109].

Общее этих подходов заключается в пространстве непосредственного действия бытия. Бытие действует через существование людей и мира, например, бытие-в-мире.

В Стамбуле есть монастырь Хора с фресками Христа и Богородицы с одинаковой надписью «хора». Богородица названа «Вместилищем Невместимого», и есть посредник между божественным и человече-

ским, третий род [17, с. 223]. Здесь «хора» означает синтез, собрание горнего и дольнего.

Если место (пространство) бытия в нас, тогда обостряется проблема достоверности связи с внешним миром, решением которой служит признание места бытия вне нас, или в отношении нас и внешнего мира.

Последовательное проведение представления о месте бытия иногда приводит к размежеванию бытия и человека, или, по замечанию У. Эко: «Мы всегда в ДРУГОМ МЕСТЕ» [36, с. 15]. Здесь выражается позиция «против» понимания бытия как присутствия (в пространстве, изначальном месте), представленная в онтологиях структурализма и Хайдеггера, «за» концепцию *бытия как отсутствия*. Последнюю можно назвать *онтологическим алиби*.

По Хайдеггеру, «место» бытия в его феномене времени, суть которого в раскрытии. Отсюда следует, что «*Онтология возможна только как феноменология*» [30, с. 35]. Явления (местности) бытия образуют систему вот-бытия: присутствие, подручность, событие, забота, совесть и т. д.

Можно предположить, что местом бытия является *вопрошание*, которое Хайдеггер удачно назвал «*благочестием мысли*» [32, с. 238]. Вопрошание есть форма мышления, отношение к неизвестному предмету; поэтому к вопросу не относимы характеристики истинности и лжи. Однако смысл вопроса должен быть определен настолько, насколько возможен (ождается) ответ на него. Условием истинного ответа на вопрос является уместная и правильная постановка вопроса. Мысль (смысл) в вопрошании оставляет свой предмет в «чистом», «неприкасаемом», «истинном» и «почитаемом» виде.

Гете выразил идею иерархии в онтологии эпохи романтизма: «Понятие бытия и совершенства одно и то же» [8, с. 46]. Разумеется, в этом случае, возникает проблема противостояния низкого (подлого) и идеала, высокого (подлинного) существования. Другой пример – онтология Николая Гартмана: «Само бытие нельзя ни определить, ни объяснить. Но можно отличить виды бытия и анализировать их модусы. <...> Строение реального мира имеет форму наслаения. <...> Главных слоев четыре: физически-материальный, органический-живой, душевный, исторически-духовный. Каждый из этих слоев имеет свои собственные законы и принципы. Более высокий слой бытия целиком строится на более низком, но определяется им лишь частично.» [7, с. 322].

Фуко расширяет использование значения слова «*hōra*» в анализе принципа заботы о себе: «рубев, период в жизни отдельного человека, когда пришло время заботы о себе...когда молодой человек должен

вступить в жизнь и показать на что он способен, начать действовать» [29, с. 103].

Итак, трилемма бытия заключается в единстве определенного бытия (бытие действует в полагании вещей и создает свою предметность), неопределенного бытия (бытие не действует, не полагает вещи, поэтому не может быть предметным) и синтезе этих видов бытия.

Утверждение «бытие действует» связывает бытие с идеей становления, что ведет к вопросу о цели бытия. Очевидно, что *бесцельное существование* имеет отрицательные коннотации, например, *жалкое существование*.

Вопрос о становлении ведет к понятию *живого* бытия: достоинство и достояние бытия заключается в жизни. Жизнь с неизбежностью открывает тайну существования (бытия), того, перед чем следует молчать.

Проблема *вещь/свойство/отношение* в самой постановке показывает, что допускается ситуация, когда «вещь» не зависит (отделена) от свойств, не сводится к свойствам. Это «вещь без свойств» (наподобие «человека без свойств» Р. Музиля), прежде всего без предиката бытия, т.к. бытие уже есть. Каким образом образуется «вещь без свойств»? Во-первых, здесь действует априорный подход. Такая вещь выражает необходимость до случайностей сферы опыта. Во-вторых, действует эмпирический подход: «вещь без свойств» создается суммарным эффектом, *прибавляет к понятию вещи содержание, которое отсутствует в свойствах*. Такой субстрат (субъект) называют «чистым». Бытие как бы свернуто в нем, точнее: *предикат бытия содержится в субъекте*. Это область, которую Кант отнес к «трансцендентальному», или возможному, субъекту. Здесь предметность и не предметность бытия соединяются в единое бытие, бытие само по себе, и открывается другая фундаментальная проблема – проблема свободы.

Заключение

Связь вопроса о бытии с духовной судьбой Европы, на которую обратил внимание Хайдеггер, имеет своим следствием явление европейского нигилизма, рассмотренное им на основе анализа «Воли к власти» Ницше. Диагноз Ницше: *«Радикальный нигилизм – это убежденность в абсолютной несостоятельности существования, если речь идет о высших ценностях»* [18, с. 37]: «...последняя форма нигилизма, включающая *неверие в метафизический мир* – запрещающая себе веру в истинный мир» [18, с. 41].

Парадоксальность ситуации заключается в том, что нигилизм возникает на основе позитивного, т.е. наукоориентированного движения и здравого смысла, отбрасывающих сверхъестественное (религия) и сверх-

чувственное (метафизика), и, следовательно, понятие бытия, одно из фундаментальных в религии и метафизике. Отрицание «метафизического мира», включающего в себя «бытие», стало причиной самого явления нигилизма; «Если Бога нет, то все дозволено».

Бытие со времен Парменида и в современную эпоху, было и есть символ сохранения, *защиты* человеческого начала: *бытие – это то, без чего все суть ничто*.

Витгенштейн задался вопросом, своего рода синтезом вопросов Канта («что могу, что должен, что смею, что такое человек?»): «На что я могу положиться?» [4, с. 384]. Конечно, напрасно надеяться услышать в ответ «бытие». Для Витгенштейна вопросы о существовании не возникают в качестве фундаментальных, поскольку им предшествует непосредственное действие, порождающее уверенность. И все же вопрос о бытии остается в связи с «предметами», выходящими за рамки непосредственного воздействия, например для Витгенштейна, это существование языковой игры: *«Существует языковая игра»* [4, с. 398]. Языковая игра относится Витгенштейном к сфере первичного: «Понимай языковую игру как то, что *первично!*» [5, с. 253]. Другими словами, по Витгенштейну, убеждения человека опираются на языковую игру – переплетение языка и действий. Для понимания этой ситуации необходимо обращаться к вопросам о существовании, что и делал Витгенштейн, который в упрощенной форме рассматривал онтологический аргумент.

Бытие – это опора для выработки убеждений, уверенности, доверия к миру и людям.

Очевидно, что положительный ответ на вопрос, является ли бытие понятием и предметом, предлагается в терминах *онтологического обязательства* в явной и неявной форме, включая физическую и моральную возможности и нормы договора.

Например, для современного верующего Бог есть, атеиста – бога нет, агностика ответ в воздержании от суждения; простое невежество скажет: «не знаю и знать не хочу».

Бытие должно быть предметом, если признать существование высших предметов современности, например константа развития человека.

Этому развитию служили миф, личная религия, философия, искусство и наука. Эти предметы стали открытой книгой жизни, написанной на языке структур (информации) разного масштаба, и чтение которой – кодирование и декодирование, – становится повседневным делом, что вызывает такое же удивление, которое в свое время испытывал Кант перед звездным небом и моральным законом.

Во Введении отмечался переход от метафизики

к физике. Есть и обратный процесс: физический, измеримый «планковский мир» насыщен метафизическим, неизмеримым содержанием.

Бытие *должно быть понятием*, поскольку образует сферу смысла перехода к новым возможностям того, что есть.

Бытие – это то, без чего все (остальное) не имеет смысла.

В этой связи можно перефразировать известное

утверждение Сартра так: «Человек есть то, посредством чего бытие приходит в мир».

Гертруда Стайн интерпретировала шекспировское «роза есть роза» так: «роза есть роза есть роза есть роза». Эту интерпретацию можно распространить и на *вопрос о бытии как бытии*: это триединое бытие – определено (предметно), неопределенно (непредметно), едино в своих предметных и непредметных видах: *бытие есть бытие есть бытие*.

Литература

1. Аристотель *Метафизика* // Аристотель Соч. В 4-х. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63–368.
2. Васюков В. Л., Шульга Е. Н. Герменевтика естественных наук // *Вопросы философии*. – 2022. – № 8. – С. 97–106. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-97-106>. – EDN: WGKEZE.
3. Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // В. Виндельбанд *Избранное: Дух и история* / пер. с нем. М. И. Левиной. – М.: Юрист, 1995. – С. 22–58.
4. Витгенштейн Л. О достоверности // Л. Витгенштейн *Философские работы*. Ч. 1. – М.; Гнозис, 1994. – С. 321–405.
5. Витгенштейн Л. *Философские исследования* // Л. Витгенштейн *Философские работы*. Ч. 1 – М.: Гнозис, 1994. – С. 79–319.
6. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Гартман Н. *Старая и новая онтология* / Перевод Д. Мироновой // *Историко-философский ежегодник* 1988. – М.: Наука, 1988. – С. 320–324.
8. Гете И.-В. *Избранные философские произведения*. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
9. Грюмбаум А. Ниццета теистической космологии // *Вопросы философии*. – 2004. – № 9. – С. 149–162. – EDN: OPVKKT.
10. Жаккетт Д. *Алексиус Майнонг, Пастырь Не-Бытия* / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». – 2023. – 560 с.
11. Деррида Ж. *Эссе об имени* / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 192 с.
12. Кант И. Единственно-возможное основание для доказательства бытия бога // И. Кант *Сочинения в 6-ти томах*. Т.1. – М.: Мысль, 1963. – С. 392–508.
13. Кант И. *Критика чистого разума* // И. Кант. *Сочинения в 6-ти томах*. Т. 3. / Общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
14. Кант И. Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал к физике // И. Кант *Сочинения в 6-ти*. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 589–651.
15. Кьеркегор С. *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»* / Пер. с датского языка Н. Исаевой и С. Исаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. – 680 с.
16. Лейбниц Г. В. *Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии* // Г. В. Лейбниц *Сочинения в 4-х т.* Т.2. – М. Мысль, 1983. – С. 47–545.
17. Мануссакис Д. П. *Бог после метафизики. Богословская эстетика*. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. – 416 с.
18. Ницше Ф. *Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста)* / Пер. с нем. – М.: Культурная революция, 2016. – 824 с.
19. Ницше Ф. *Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках*. – Свердловск: Воля, 1991. – 303 с.
20. Ойзерман Т. И. К вопросу о кантовском понимании предмета метафизики // *Историко-философский ежегодник* 1996. – М.: Наука, 1997. – С. 161–175.
21. Рассел Б. *Введение в математическую философию. Избранные работы* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – С. 220.
22. Рассел Б. *Проблемы философии* // У. Джеймс *Введение в философию*; Б. Рассел *Проблемы философии*. – М.: Республика, 2000. – С. 153–279.
23. Сартр Ж. П. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко – М.: Республика. 2000. – 639 с.

24. Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. – М.: ООО «Садра», 2019. – 160 с.
25. Стролл А. Аналитическая философия: двадцатый век / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. – 384 с.
26. Фома Аквинский О сущем и сущности / Перевод В. Е. Кураповой // Историко-философский ежегодник'1988. – М.: Наука, 1988. – С. 230–252.
27. Фома Аквинский Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1–43. Киев: Эльга; Ника-Центр; М.: Элькор-Мк, 2002. – 560 с.
28. Фреге Г. Основоположения арифметики : Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск: Издательство «Водолей», 2000. – 128 с.
29. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франц в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
30. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AD MARGINEM, 1997. – 451 с.
31. Хайдеггер М. Введение в метафизику/ пер. с нем. Н. О. Гучинской. – СПб.: НОУ «Высшая религиозная философская школа», 1998. – 302 с.
32. Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика. 1993. – С. 221–238.
33. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 640 с.
34. Шеллинг Ф. В. И. Иммануил Кант // Шеллинг. Соч. в 2 т.: Т.2. – М.: Мысль, 1989. – С. 27–33.
35. Шредингер Э. Мое мировоззрение // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 66–94.
36. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. А. Г. Погоняйло и В. Г. Резник. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

References

1. Aristotle (1976) [Metaphysics]. *Aristotel' Soch. V 4-kh.* [Aristotle Works in 4. Vol.]. Vol. 1, М.: Thought, pp. 63–368. (In Russ.).
2. Vasyukov, V. L., Shulga, E. N. (2022) [Hermeneutics of Natural Sciences]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 8, pp. 97–106. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-97-106>. (In Russ.).
3. Windelband, V. (1995) [What is Philosophy? (On the Concept and History of Philosophy)]. *V. Vindel'band Izbrannoye: Dukh i istoriya* [V. Windelband Selected: Spirit and History]. М. Jurist, pp. 22–58. (In Russ., transl. from German).
4. Wittgenstein, L. (1994) [On Certainty]. *L. Vitgenshteyn Filosofskiye raboty* [L. Wittgenstein Philosophical Works]. Part 1. Moscow; Gnosis, pp. 321–405. (In Russ.).
5. Wittgenstein, L. (1994) [Philosophical Investigations]. *L. Vitgenshteyn Filosofskiye raboty* [L. Wittgenstein Philosophical Work. Part 1. Moscow: Gnosis, pp. 79–319. (In Russ.).
6. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress, 704 p.
7. Hartmann, N. (1988) [Old and New Ontology]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik'1988* [Historical and Philosophical Yearbook'1988]. Moscow: Science, pp. 320–324. (In Russ.).
8. Goethe, J.-W. (1964) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow: Science, 520 p.
9. Grumbaum, A. (2004) [The poverty of theistic cosmology]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. Vol. 9, pp. 149–162. (In Russ.).
10. Jacqueline, D. (2023) *Aleksius Maynong, Pastyr' Ne-Bytiya* [Alexius Meinong, the Shepherd of Non-Being]. Moscow: Canon + ROOI «Rehabilitation», 560 p. (In Russ., transl. from Eng.).
11. Derrida, J. (1998) *Esse ob imeni* [Essay on the name]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 192 p. (In Russ., transl. from French).
12. Kant, I. (1963) [The Only Possible Basis for Proving the Existence of God]. *I. Kant Sochineniya v 6-ti tomakh* [I. Kant Works in 6 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Thought, pp. 392–508. (In Russ.).
13. Kant, I. (1964) [Critique of Pure Reason]. *I. Kant Sochineniya v 6-ti tomakh* [I. Kant. Works in 6 Volumes]. Vol. 3. General ed. V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. Moscow: Thouhgt, 799 p. (In Russ.).
14. Kant, I. (1966) [On the Transition from Metaphysical Principles to Physics Based on A Priori Principles]. *I. Kant Sochineniya v 6-ti tomakh* [I. Kant Works in 6 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Thought, pp. 589–651. (In Russ.).

15. Kierkegaard, S. (2005) *Zaklyuchitel'noye nenauchnoye poslesloviye k «Filosofskim krokham»* [Concluding unscientific afterword to the «Philosophical Fragments»]. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 680 p. (In Russ., transl. from Danish).
16. Leibniz, G. V. (1983) [New Experiments on Human Understanding by the Author of the System of Pre-established Harmony]. *G. V. Leybnits Sochineniya v 4-kh t.* [G. V. Leibniz Works in 4 volumes]. Vol. 2, M. Thought, pp. 47–545. (In Russ.).
17. Manoussakis, D. P. (2014) *Bog posle metafiziki. Bogoslovskaya estetika* [God after Metaphysics. Theological Aesthetics]. K.: SPIRIT I ΛITEPA, 416 p.
18. Nietzsche, F. (2016) *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey (chernoviki i nabroski iz naslediya Fridrikha Nitsshe 1883–1888 godov)* [The Will to Power. An Attempt at Reevaluation of All Values (drafts and outlines from the legacy of Friedrich Nietzsche in 1883–1888)]. edited by Elizabeth Förster-Nietzsche and Peter Gast. Moscow: Cultural Revolution, 824 p. (In Russ., transl. from German).
19. Nietzsche, F. (1991) *Utrennyaya zarya. Mysli o moral'nykh predrassudkakh* [Morning Dawn. Thoughts on Moral Prejudices]. Sverdlovsk: Freedom, 303 p.
20. Oizerman, T. I. (1996) [On the Question of Kant's Understanding of the Subject of Metaphysics]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik '1996* [Historical and Philosophical Yearbook '1996]. Moscow: Science, pp. 161–175. (In Russ.).
21. Russell, B. (2022) *Vvedeniye v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Selected Works Moscow: Kanon+ ROOI «Rehabilitation», pp. 220.
22. Russell, B. (2000) [Problems of Philosophy]. *Dzheyms Vvedeniye v filosofiyu; B. Russel Problemy filosofii* [W. James Introduction to Philosophy; B. Russell Problems of Philosophy]. Moscow: Republic, pp. 153–279. (In Russ.).
23. Sartre, J. P. (2000) *Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow: Republic, 639 p. (In Russ., transl. from French).
24. Smirnov, A. V., Solondaev, V. K. (2019) *Protsessual'naya logika* [Procedural Logic]. Moscow: OOO «Sadra», 160 p.
25. Stroll, A. (2020) *Analiticheskaya filosofiya: dvadtsatyy vek* [Analytical Philosophy: The Twentieth Century] M.: Kanon+ ROOI «Rehabilitation», 384 p. (In Russ., transl. from Eng.).
26. Thomas Aquinas (1988) [On Being and Essence]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik '1988* [Historical and Philosophical Yearbook '1988]. M.: Science, pp. 230–252. (In Russ., transl. from Eng.).
27. Thomas Aquinas (2002) *Summa teologii* [Summa Theologica]. Part 1. Questions 1–43. Kyiv: Elga; Nika-Center; M.: Elkor-MK, 560 p.
28. Frege, G. (2000) *Osnovopolozheniya arifmetiki: Logiko-matematicheskoye issledovaniye o ponyatii chisla* [Foundations of Arithmetic: Logical and Mathematical Study of the Concept of Number]. Tomsk: Vodolay Publishing House, 128 p.
29. Foucault, M. (2007) *Germeneytika sub'yekta: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frants v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. SPb.: Science, 677 p.
30. Heidegger, M. (1997) *Bytiye i vremya* [Being and Time]. M.: AD MARGINEM, 451 p.
31. Heidegger, M. (1998) *Vvedeniye v metafiziku* [Introduction to Metaphysics]. SPb.: NOU «Higher Religious Philosophical School», 302 p. (In Russ., transl. from German).
32. Heidegger, M. (1993) [The Question of Technology]. *M. Khaydegger Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya* [M. Heidegger Time and Being: Articles and Speeches]. M.: Republic, pp. 221–238. (In Russ.).
33. Heidegger, M. (2020) *K filosofii (O sobytii)* [Toward Philosophy (On the Event)]. M.: Gaidar Institute Publishing House, 640 p. (In Russ., transl. from German).
34. Schelling, F. V. I. [Immanuel Kant]. *Shelling. Soch. v 2 t.* [Schelling. Works in 2 volumes]. Vol. 2. M.: Thought, pp. 27–33. (In Russ.).
35. Schrödinger, E. (1994) [My Worldview]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 9, pp. 66–94. (In Russ.).
36. Eco, U. (1998) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction to Semiology]. St. Petersburg: Petropolis, 432 p. (In Russ., transl. from Eng.).

Информация об авторе:

Сергей Дмитриевич Лобанов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры; профессор кафедры иностранных языков и философии, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук;

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия

ORCID iD: 0000-0001-5249-1620

e-mail: sdl-grey54@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 19.11.2024; принята в печать: 21.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sergey Dmitrievich Lobanov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture; Professor of the Department of Foreign Languages and Philosophy, Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia

ORCID iD: 0000-0001-5249-1620

e-mail: sdl-grey54@yandex.ru

The paper was submitted: 19.11.2024.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The author had read and approved the final manuscript.

КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: ОТ УТРАТЫ ОБЪЕКТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «КОНСТРУИРУЕМОГО ФЕНОМЕНА»

А. Н. Минченко

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
e-mail: ma-n@bk.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена современным мультикультурализмом, в условиях которого накопление разнообразных различий и противоречий нередко приводит к образованию культурных разрывов, являющих собой в совокупности конфликтогенный феномен. Ресурс актуальности связан ещё и с тем, что при конструктивном преодолении противоречий культурный разрыв способен породить созидательные преобразования

Целью исследования является философское осмысление феномена культурного разрыва, способов его проявления в бытии человека информационной эпохи. Для достижения цели проведен основанный на системном и сравнительном подходах философский анализ проявлений существенных признаков данного феномена в условиях доинформационной и информационной эпох, выявляющий тенденции формирования культурных разрывов. Их наличие было обнаружено, прежде всего, в нарастании интенсивности самих деструктивных процессов вследствие технологических, социальных и политических изменений, приводящих к утрате целостности культуры и нарастанию степени ее гетерогенности. В качестве оснований, обуславливающих такую динамику, выделены рост числа субъектов культуры и обособленных социокультурных общностей, появление их «цифровых» форм, расширение культурного пространства за счет новых виртуальных культурных «полей» и глобализации, умножения интерактивных возможностей для индивидов. Катализирующим фактором определено усиление поляризации и абсолютизации культурных противоречий как результат широких технологических возможностей: доступности изготовления аудиовизуального контента, эмоционально воздействующего на аудиторию, эрозии этических рамок коммуникации, обусловленной ее анонимностью в сетях, нарушением межпоколенческой преемственности социокультурного опыта. Проанализированные в статье масштабы и разнообразие практик деструктивного общения, дезинформации и ангажированной деятельности анонимных акторов в сети указывают на возникновение в современном культурном пространстве разрывов репрезентативного свойства. Основываясь на искусственно сформированном прерывании единящих культурных оснований и сконструированных культурных противоречиях, репрезентативные разрывы способны формировать новые отношения межкультурного антагонизма в цифровую эпоху.

Научная новизна исследования состоит в выявлении сущностных характеристик феномена культурного разрыва и трансформации его объективных оснований в условиях информационной эпохи, как преобразование в репрезентацию «конструируемого феномена», как референцию без референта.

Полученные результаты позволяют осуществить дальнейшее исследование, предполагающее выявление способов преодоления культурного разрыва в бытии человека информационной эпохи в условиях мультикультурализма, глобализации, цифровизации.

Ключевые слова: культурный разрыв, культурные различия, культурные противоречия, культурное многообразие, информационная эпоха, доинформационная эпоха.

Для цитирования: Минченко А. Н. Культурный разрыв в информационную эпоху: от утраты объективных оснований к репрезентации «конструируемого феномена» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 100–112. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-100>.

Original article

CULTURAL GAP IN THE INFORMATION AGE: FROM THE LOSS OF OBJECTIVE FOUNDATIONS TO THE REPRESENTATION OF THE «CONSTRUCTED PHENOMENON»

A. N. Minchenko

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia

e-mail: ma-n@bk.ru

Abstract. Relevance of research is defined by the fact that in the conditions of modern multiculturalism, the accumulation of various differences and contradictions often leads to the formation of cultural divides, which are a cumulatively conflicting phenomenon. However, if they constructively overcome the «cultural divide» can generate creative transformations.

The aim of the study is the philosophical comprehension of the phenomenon of the cultural divide, the ways of its manifestation in the being of the man of the information age. In order to achieve the goal, a philosophical analysis of the manifestations of the significant features of this phenomenon in the pre-informational and information epochs, based on the system and comparative approaches, has been conducted, revealing the trend of forming cultural divides. Their presence has been found primarily in the intensification of destructive processes themselves as a result of technological, social and political changes leading to the loss of cultural integrity and the growth of cultural heterogeneity. The growth of the number of subjects of culture and separate socio-cultural communities, the appearance of their «digital» forms, the expansion of the cultural space due to new virtual cultural «fields» and globalization, the multiplication of interactive opportunities for individuals are singled out as the reasons for such dynamics. The catalyzing factor is the increasing polarization and absolutization of cultural contradictions as a result of wide technological possibilities: availability of production of audio-visual content, emotionally affecting the audience, erosion of ethical framework of communication, due to her anonymity in networks, violation of intergenerational continuity of sociocultural experience. The scale and variety of destructive communication practices, disinformation and partisan activities of anonymous actors in the network, analyzed in the article, indicate the emergence of representative divides in the modern cultural space. Based on artificially formed interruption of the unifying cultural foundations and constructed cultural contradictions, representative divides can shape new intercultural antagonism relationships in the digital age.

The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on the previously substantiated characteristics of the cultural divide, the transformation of the objective grounds of the cultural divide in the information age, including their transformation into a representative «the phenomenon being designed» as a reference without a referent.

Based on the results obtained, the study will continue in the direction of identifying ways to bridge the cultural divide in the life of the information age in the context of multiculturalism, globalization and digitalization.

Key words: cultural gap, cultural differences, cultural contradictions, cultural diversity, information age, pre-information age.

Cite as: Minchenko, A. N. (2025) [Cultural gap in the information age: from the loss of objective foundations to the representation of the «constructed phenomenon»]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 100–112. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-100>.

Введение

Культурное разнообразие является достоянием человечества, необходимым условием для его развития, подобным биоразнообразию для живой природы. При этом в условиях мультикультурализма «следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной

самобытностью»¹. Однако способы выполнения данной задачи не вполне ясны, особенно при современном уровне технологического развития в сфере обработки и передачи информации, который катализирует разнообразие культур [12].

Накопление культурных различий и противоречий может приводить к формированию качественного состояния культуры, называемого *культурным раз-*

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 17.06.2024).

рывом, определенного нами как критически значимая утрата целостности некоторой области культуры вследствие целого ряда причин. На наш взгляд, к такому можно отнести разнородное развитие ее частей, характеризующееся прерыванием единящих культурных оснований, нарастанием, сонаправленностью (со-направлением), поляризацией и абсолютизацией культурных противоречий, обуславливающих возможность возникновения антагонистических отношений между представителями социокультурных общностей, разделенных указанным прерыванием [13]. Под единящими культурными основаниями при этом понимаются обеспечиваемые на уровне структуры и содержания универсалий культуры глубинные ценностные и смысловые взаимосвязи, поддерживающие взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между представителями одной культуры, относящейся к обществу исторически определенного типа либо к более узкой социокультурной общности.

Актуальность представленного в настоящей статье исследования состоит в философском осмыслении феномена культурного разрыва в бытии человека информационной эпохи, что будет способствовать прояснению путей достижения гармоничного состояния современного социума в условиях мультикультурализма.

Фрагментация культуры доинформационной эпохи

Предложенное определение понятия культурного разрыва, на наш взгляд, позволяет систематизировать основные подходы к предупреждению возникновения исследуемого феномена и преодолению его негативных последствий.

Прежде всего, следует обратить внимание на актуальные тенденции развития культуры, приводящие к утрате ее целостности, в том числе сопоставить степень результирующей «фрагментированности» культуры современной и предшествующих эпох.

На протяжении всей истории развития человеческого общества, предшествовавшей наступлению доинформационной эпохи, разнородность и разнонаправленность развития различных областей культуры возникла в результате некоего обособления отдельных ее субъектов вследствие миграционных, геополитических, социально-экономических процессов, познавательных, ценностных и мировоззренческих изменений. При этом вокруг обособленной совокупности носителей культуры формировались физические или виртуальные границы и барьеры, разделяющие ранее единую систему воспроизводства и развития культуры, затрудняющие дальнейший культурный обмен и коммуникацию. Так развивалась культура общин,

этносов, государств, социальных слоев и сословий, политических групп, профессиональных сообществ, религиозных конфессий. Формировалась гетерогенная культурная среда, генерирующая, воспроизводящая и усиливающая культурные различия, создающая новые основания для идентификации «Свой – Иной». По мере наполнения ранее общих, единых универсалий культуры различным смысловым и ценностным содержанием, изменялась их структура, возникали «разрывы», препятствующие дальнейшему взаимопониманию между представителями разделенных социокультурных общностей. Нарушение взаимопонимания способствовало умножению культурных противоречий, «Иной» превращался в «Чужого», и по мере нарастания антагонизма – в «Чуждого». Источником противоречий сторонам виделись уже не объективные обстоятельства и рационально обусловленные интересы, но сама принадлежность субъекта к противоположному «полюсу» – «чуждой» культуре, как к источнику «негативных», «злонамеренных» или «враждебных» качеств всех ее носителей.

По мере развития человечества, выделения новых общин, формирования этносов, образования государств, возрастало количество обособленных субъектов культуры, и как следствие – разнородно развивающихся ее областей. Технологический прогресс способствовал разделению труда, профессиональной специализации, социальному расслоению. Накопление научного знания создавало барьеры эпистемологического свойства, обуславливающие невозможность достижения взаимопонимания в связанных с наукой областях культуры без получения специального образования. Духовное развитие порождало альтернативные ценностные установки, вокруг которых формировались новые социокультурные общности. Нарастание подобной фрагментированности культурного пространства обуславливало накопление культурных различий, умножение противоречий, образование новых культурных разрывов.

Однако в целом процесс рассматриваемой фрагментации культуры и увеличения числа культурных разрывов в доинформационную эпоху можно охарактеризовать преимущественно как количественные изменения. Поскольку при всей вариативности гетерогенной культуры, обособление ее субъектов ограничивается главным системообразующим фактором – необходимостью коммуникации между представителями конкретной социокультурной общности, как основы для преобразующего культуру их взаимодействия.

Свойства этой коммуникации, наиболее значимыми из которых, на наш взгляд, в рассматриваемом контексте выступают: ее скорость, интенсивность,

направленность, радиус действия и широта охвата, обусловлены возможностями перемещения носителя информации в пространстве, его доступностью аудитории и, следовательно, технологическими достижениями конкретной исторической эпохи. Так если звуковая волна голоса оратора или демонстрируемые символы требуют личного присутствия получателей информации в конкретном месте, то последующий пересказ от индивида к индивиду ограничен в числе итераций, поскольку влечет накопление искажений смыслового содержания, известное в обиходе как эффект «глухого телефона». Перемещение письменного источника в пространстве во многом исключает искажения, однако его доступность для восприятия ограничена числом распространяемых копий и грамотностью населения. С приходом индустриальной эпохи, распространением печати, появлением механического транспорта, телеграфа, радио, кинематографа, возможности коммуникации резко возросли, однако направленность и содержание ее наиболее передовых массовых форм носили односторонний и централизованный характер.

Особенности культурного разрыва в информационную эпоху

С наступлением информационной эпохи в возможностях коммуникации и культурогенеза произошел фундаментальный сдвиг, заложивший основы для качественно новой динамики фрагментации культурного пространства и образования культурных разрывов.

Прежде всего, речь идет о принципиально новом расширении культурного пространства за счет появления виртуальной реальности, а также глобализационных процессов. Доступная для восприятия индивида культурная среда стала несоизмеримо шире среды предшествующих эпох. Во-первых, за счёт появления глобальной коммуникации, неограниченного быстрого (пусть даже и поверхностного) доступа к знаниям, накопленным за всю историю человечества, снижения языковых барьеров вследствие совершенствования технологий автоматического перевода. Во-вторых, за счёт возникновения виртуальной составляющей – целого мира, в котором можно «жить», общаться, заводить друзей, исследовать фантазийные миры, обретшие воплощение в трёхмерной графике, переживать приключения, находить новые для себя смыслы и ценности. И в-третьих, за счет глобализации физического перемещения индивидов в пространстве – умножения возможностей для путешествий в другие страны, обусловленные технологическим и экономическим прогрессом, мировой социальной и экономической интеграцией.

Так, по мнению Д. Е. Прокудина, цифровые техно-

логии приводят к трансформации пространства культуры, порождая появление новых культурных полей – «электронной», «сетевой», «компьютерной» культуры и т. д. [15]. Инфокоммуникационные технологии, включая цифровые платформы и графические инструменты виртуальной реальности, создают возможности для практически безграничного интерактивного формирования новых культурных пространств множеством субъектов. Например, если раньше возможности построения фантазийных миров ограничивались односторонним взаимодействием между автором книги, графического произведения или рассказываемой истории и читателем (зрителем, слушателем), то сегодня любой индивид, подключенный к глобальной сети или многопользовательской игровой платформе, способен внести реальный «овеществленный» вклад в преобразование виртуального мира, открытый для обозрения и взаимодействия множеству других пользователей данной информационной системы.

Доступность для индивида столь расширенного культурного пространства, очевидно, создаёт основания для дальнейших изменений культуры. По мнению Н. В. Шалютиной, телевизор или монитор компьютера позволяют индивиду, не перемещаясь в географическом пространстве, ознакомиться с традициями и опытом народов иных культур, тем самым значительно расширяя его видение мира. Такое соприкосновение с иными культурами «стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество» [18, с. 200].

Таким образом, современный плюрализм, во многом обусловленный взаимопроникновением ценностей и смыслов различных культур вследствие развития инфокоммуникационных технологий и процессов глобализации, ослабляет и девальвирует единящие культурные основания предшествующих эпох (религии, традиции предков, национальные идеи), тем самым еще более усиливая рассинхронизацию развития частей культуры и порождая новые культурные разрывы.

Следующий ключевой фактор нарастания изменчивости культуры с наступлением цифровой эпохи – это умножение возможностей для индивида выступать в роли субъекта культуры вследствие произошедшего перехода от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации, определяемой в терминологии М. Кастельса как «процесс интерактивной коммуникации, потенциально доступной для массовой аудитории, но в рамках которой производство сообщений осуществляется пользователем самостоятельно, как и обратный возврат сообщений, а восприятие и реструкту-

рирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, – произвольно» [8, с. 4]. Самокоммуникация позволяет любому человеку быть услышанным в глобальном информационном пространстве, представить на всеобщее обозрение результаты своего творчества, транслировать собственные смыслы и ценности, либо внести упоминавшийся выше вклад в построение и наполнение виртуальной среды обитания, явить окружающим свою виртуальную субличность.

При этом важно отметить резко возросшие степень и «диапазон» воздействия индивида на культуру в качестве ее субъекта. С одной стороны – это широкая технологическая доступность изготовления разнообразного высококачественного аудиовизуального контента, способного обеспечить эффективное эмоциональное влияние на аудиторию (более интенсивно транслировать эмоциональную составляющую сообщения, в сравнении с абстрактной природой письменного текста). С другой стороны – «расширение» этических рамок коммуникации, обусловленное равенством (отсутствием статусов, четкой иерархии пользователей), ощущением анонимности и безнаказанности в инфокоммуникационных сетях, наличием «безопасной» дистанции, где пользователи в некотором смысле «ограждены» друг от друга, защищены расстоянием и монитором. Ссылаясь на М. Кастельса, исследователи указывают один из ведущих мотивов сторонников анонимности – желание скрыться по тем или иным причинам, в том числе посредством создания вымышленных виртуальных личностей для взаимодействия с другими пользователями. В таких условиях человек нередко теряет ценностные ориентиры и совершает поступки, неприемлемые для него в реальной жизни из-за страха наказания либо по иным причинам. В результате нивелируются принятые в обществе этические правила и нормы, истончается граница между свободой и безответственностью, нарушаются законы.

Следующий аспект влияния информационной эпохи на изменение культурного пространства – это резко возрастающая гетерогенность социокультурной среды вследствие умножающегося количества социокультурных общностей, появления их новых форм, в том числе «цифровых», и, как следствие, неких границ между ними.

Так, итальянский философ П. Вирно для обозначения подобных новых неоднородных и постоянно меняющихся общностей, характерных для производственных отношений постфордизма, использует категорию «множество», занимающую промежуточное положение между «индивидуальным» и «коллективным», противопоставляя ее традиционным социаль-

ным структурам, прежде всего категории «народ», и понимая под ней не обезличенную «людскую массу», а сообщество, в котором каждый человек сохраняет свою индивидуальность. При этом множества «не противопоставляются Единству, но заново его определяют ... Единство не является больше некой точкой (Государством, сувереном), притягивающей к себе все вещи, как это происходит в случае с народом, но становится скорее чем-то таким, что можно оставить позади в качестве фона или допущения. Многие должны мыслиться как индивидуация универсального, родового, разделяемого» [4, с. 17]. Соответственно, используемые философом в данном контексте категории «Единство как фон», «универсальное», «родовое», «разделяемое» уместно отнести к приведенной нами в определении культурного разрыва категории единящих культурных оснований.

Данный аспект содержательно прорабатывается в текстах ряда исследователей. Так, развивая концепцию фигуративной социологии Н. Элиаса, рассматривавшего людей не в единственном, а во множественном числе, как часть коллективов, групп и сетей, и подчеркивавшего, что сама их идентичность как уникальных индивидов существует только внутри и через эти сети или фигурации [25], А. Хепп в своей книге «Глубокая медиатизация» анализирует влияние технологий цифровой эпохи на процесс образования и трансформации общностей новой формы – фигураций, определяемых автором как конstellации взаимосвязанных и взаимозависимых людей, в современном состоянии всесторонне переплетающиеся с цифровыми медиа и их инфраструктурами. Каждый человек живет на пересечении различных фигураций, в которых он участвует и развивается [22]. Цифровые технологии, как новые способы коммуникации, взаимодействия и вовлечения людей, включающие социальные сети, мессенджеры, информационные платформы, поисковые сервисы, инструменты таргетирования и пр., дают возможности для образования бесконечного числа новых фигураций, часть из которых становится основанием для возникновения новых культурных разрывов.

Помимо обозначенных тенденций и оснований нарастания гетерогенности культурного пространства, обусловленного воздействием инфокоммуникационных технологий, качественные изменения информационной эпохи затронули также динамику образования и трансформации культурных противоречий, связанных с формированием культурных разрывов.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на процесс поляризации и сонаправленность (сонаправление) данных противоречий. На наш взгляд, его специфика состоит в изменении ранее хаотичного по-

ложения векторов их воздействия – на параллельное и направленное в сторону формирующихся «полюсов» – противостоящих друг другу культур, которые, в терминах синергетической парадигмы, выступают аттракторами, выстраивающими определённым образом и усиливающими ранее существовавшие противоречия в культуре. Эти «полюса-аттракторы» формируют множество новых противоречий, в силу чего стороннему наблюдателю далее предстает уже некая их совокупность, обусловленная конкретными культурными различиями, а само противостояние этих взаимоотрицающих «полюсов»: религиозных конфессий, этносов, рас, социальных классов, субкультур и пр. [13]. Иными словами, рассматриваемые со-направление и поляризацию можно охарактеризовать как процесс смещения понимания в общественном сознании природы и причинности культурных противоречий от уровня особенного (единичного, индивидуального) к уровню всеобщего: с обусловленности противоречий в их предметной области на саму принадлежность противостоящих ценностей и смыслов к «чуждой» культуре, в том числе с выработкой в общественном сознании каждой из культур генерализованного представления о «негативных свойствах» «чуждой» культуры и ее представителей. К крайней степени данного процесса можно отнести абсолютизацию и идеологизацию культурных противоречий, вплоть до манипулятивного вовлечения в сферу межкультурного противостояния проблематики, не имеющей обусловленности в отношении особенностей конкретных культур, включая, например, ситуации всеобщего дефицита ресурсов или неблагоприятные макроэкономические условия. Так, например, в наступлении засухи или эпидемии в прошлом могли быть обвинены последователи иного вероисповедания, а причиной экономических неурядиц могли быть представлены «злонамеренные действия» людей определенной национальности и проч.

Следует отметить, что термин «поляризация» уже используется социальной психологией применительно к ситуациям межгрупповых противоречий и конфликтов. Так, американский ученый Касс Санстейн, исследуя природу группового принятия решений, выделяет феномен групповой поляризации, состоящий в склонности группы единомышленников к выработке наиболее крайних позиций при обсуждении неких проблем, при резком снижении разнородности мнений по соответствующей тематике внутри группы. Если же обсуждение происходит между группами, придерживающихся противоположных мнений, особенно если эта дискуссия целенаправленно и профессионально «подогревается» отдельными участниками, конфликт может перейти в самые радикальные

формы, включая физическую агрессию [24].

Инфокоммуникационные технологии, и прежде всего – социальные сети, резко умножили возможности как для групповых обсуждений проблематики культурных противоречий, так и для целенаправленного «подогрева» заинтересованными сторонами остроты подобных дискуссий. С одной стороны – вследствие обозначенного выше роста числа социокультурных общностей, обусловленного способностью людей объединяться в группы в социальных сетях, даже если они находятся на расстоянии тысяч километров друг от друга. При этом, как показывает практика, такое объединение может происходить буквально в течение нескольких минут, и один человек в течение дня нередко принимает активное участие в десятках подобных групп, формирующихся вокруг общих интересов или проблематики. С другой стороны – в результате возникновения новых «цифровых» форм и способов повышения эмоциональной остроты и степени конфликтности групповых обсуждений.

Так Интернет способствовал появлению специфической практики «хейтинга» (от англ. to hate – ненавидеть) – унижающего онлайн-поведения, согласно психологическим исследованиям, свойственного людям с определенным уровнем психопатии. По определению А. О. Мозговой, «хейтерами» в интернет-коммуникации называют агрессивных людей, которые с сарказмом, злобой и ненавистью (возможно скрытой и завуалированной) обсуждают кого-нибудь или какую-либо тему в Сети [14]. «Хейтинг» также изучается лингвистами, акцентирующими внимание на языковых структурах сообщений и специфических признаках вербального выражения. Согласно высказываниям ряда исследователей, социализация в Интернете происходит в условиях значительного разрыва между поколениями в степени освоения цифровых технологий, что нарушает традиционные механизмы передачи культурного опыта от родителей к детям и тем самым влияет на искажение культурных норм в сети. Принципиально важно добавить к изложенной точке зрения то, что «хейтер» не только теряет связь со старшим поколением, но и появляется в таком качестве в результате разрыва в преемственности социокультурного опыта как прерывания единящих культурных оснований. Сарказм, злоба и ненависть «хейтеров», на которых акцентируют внимание все без исключения исследователи, принципиально не являются чем-то уникальным, но в цифровую эпоху определенно приобретают солидный размах. Человек получил возможность почти неограниченно транслировать свою агрессию, которая теперь становится доступной для миллионов людей и может поддерживаться миллионами. И как результат, многие пользо-

ватели Интернета, испытывающие схожие эмоции, стихийно объединяются в группы, без какого-либо стовора, без контролирующего органа, образуя агрессивно настроенные массы.

Существуют также специальные исследования, посвященные специфике проявления расизма, экстремизма и ксенофобии в сети Интернет. А. В. Иванов, исследуя расизм новой формации, развивающийся в социальных сетях, отмечает наметившуюся «эволюцию от умеренных расологических групп в социальных сетях до откровенно праворадикальных с откровенной нацистской программой». Автор отмечает наличие в одной из популярных российских соцсетей не менее 140 «расологических» групп по состоянию на 2017 г. Участник такого сообщества, первоначально следуя личным интересам, постепенно переориентируется на солидарность с группой, социализируясь через смыслы и символы неорасистской идеологии. По мнению автора, социальные сети используются для конструирования экстремистских сообществ посредством намеренного искажения культурных норм и ценностей: «Формируется основная конфликтная тема, носящая этнический, религиозный или иной характер ... Создаются слоганы, мемы и демотиваторы, которые эмоционально заряжают массы» [6, с. 155].

Интернет катализирует националистические взгляды и межнациональные противоречия, привлекая внимание широкой аудитории. Демонстрация приверженности национальной культуре в социальных сетях, нередко проявляемая ярче, чем в реальном социуме, способствует укреплению национальной идентичности, но будучи транслируемой с акцентом на межнациональные культурные противоречия, усиливает культурный разрыв, обостряет национальную рознь. При этом зачастую именно негативные коннотации набирают особую популярность. Е. И. Ключко, исследуя статистически измеряемые реакции пользователей информационных ресурсов националистического содержания, приходит к выводу о доминировании групп, обсуждающих «политические проблемы и этнические претензии ... в сравнении с группами, посвященными традициям, языку и истории предков» [10, с. 50].

Националистическая, религиозная или атеистическая риторика не обходится без деструктивной критики культуры. В отечественной и зарубежной науке существуют исследования, посвященные современной культурной дискриминации. Наряду с хейтерством, характерным явлением в Интернете, представляющим собой более легкую форму деструктивного поведения, является «троллинг», исследуемый сегодня многими учёными, который возможно рассматривать как инструмент подобной дискриминации. Как правило, люди, практикующие «троллинг», имеют заранее

определенную цель – унижить человека или сообщество, дискредитировать отдельные идеи и ценности или даже культуру в целом. Чаще всего «троллинг» интерпретируют как способ освобождения от накопившихся негативных эмоций, самоутверждения за счет оппонента, что усиливается чувством анонимности и безнаказанности в сети. Естественно, «троллинг» в принципе не предполагает диалог со стремлением к взаимопониманию. Этим он принципиально отличается от дискуссии и иных форм диалога, что возможно квалифицировать не только как поведение конкретного человека, но и как инструмент информационной войны, включая целенаправленную деятельность коммерческого характера с применением специально созданных программ, имитирующих высказывания реальных людей.

Массовые практики «троллинга» и «хейтинга», прямо воздействующие на личность, ее внутренний мир, ее ценности, убеждения, вкусы, эмоции и чувства, позволяют говорить о формировании в Интернете своего рода «культуры насилия». Так, например, Е. В. Щетинина говорит именно о «культуре» насилия в сети, выделяя следующие ее признаки: экстремистский характер лозунгов; политическая интерпретация социально-экономических проблем; романтизация преступности; распространение деятельности деструктивных сообществ; пропаганда насилия в качестве нормальной, самоценной и публично поощряемой деятельности [19].

В последние два десятилетия в социально-гуманитарных исследованиях появился термин «умная толпа» (от англ. «smart mob»). Г. Рейнгольд назвал так свое самое известное исследование, посвященное проблеме изменения человеческого поведения в условиях всеобщей доступности мобильных инфокоммуникационных технологий. Основываясь на личных наблюдениях, психологических исследованиях и статистике, автор сделал следующий вывод: «...беспроводные сети и коллективы, совместно осуществляющие супервычисления, объединяет одно: они позволяют людям совместно действовать в условиях, прежде этого не допускавших» [16, с. 13–15]. Беспроводные технологии в совокупности с высокой скоростью передачи информации создают условия как для конструктивного взаимодействия (одним из хрестоматийных примеров такого в недавнем прошлом являлся проект «Википедия», впоследствии, однако, проявивший выраженную политическую ориентированность, включая «анонимное редактирование отдельных страниц спецслужбами ряда стран» [9, с. 80]), так и для массовой неконтролируемой агрессии, «травли», надругательств над ценностями, прошлым, конкретной личностью, сообществом и т. д. Культура насилия

в Интернете нарушает свободу людей, попадающих в категорию жертв, объектов информационных атак. Человеку ничего не остается, как подавлять свое желание высказаться, если его высказывание заведомо не согласуется с мнением толпы, вооруженной инфокоммуникационными технологиями.

Зачастую авторы анализируют формирование и поведение толпы в политическом контексте, то есть как результат целенаправленного воздействия политических акторов. По мнению О. В. Джиган, разнородные по составу виртуальные толпы огромной численности могут создаваться мгновенно и действовать согласованно. «Последствия возможного использования этого феномена правительством какой-либо страны ради собственной выгоды непредсказуемы» [5]. Сам Г. Рейнгольд рассматривал сетевую толпу как силу, способную совершить «бархатную», бескровную революцию, ослабить власть правительства, ниспровергнуть политического лидера [16, с. 229].

Г. Кехлер акцентировал внимание на связи виртуальной толпы с психологией толпы прошлого, ссылаясь на классические труды Г. Лебона, отмечавшего: «... исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении – главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, не требуют постоянного и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте» [9, с. 78]. Однако, в отличие от классических «толп», исследователь выделяет ряд специфических признаков виртуальной толпы, включая моментальную передачу информации с широчайшим охватом аудитории, в том числе в аудиовизуальной форме, «апеллирующей к эмоциям – а значит, к внушаемости индивидов в толпе»; сетевую анонимность и результирующие недостаток личной ответственности, возможность скрытого управления действиями масс; высокую волатильность и ненадежность поведения виртуальной толпы; возможность «практически мгновенно превратить любой тренд в мегатренд» без его «проверки на реальность», как следствие одновременности и повсеместности интерактивных коммуникаций; инструменты соцсетей, дающие пользователям «почувствовать себя способными создавать новые общественные реалии»; мобилизующую общество силу соцсетей, основанную на «эффекте снежного кома» при распространении информации [9].

Поляризующее воздействие соцсетей и виртуальных толп на формирование культурных противоречий усугубляется широко распространившейся практикой так называемого «астротурфинга». Новый феномен представляет собой искусственное формирование общественного мнения посредством тематических

высказываний множества, выдаваемых за реальных людей ложных пользователей, имитирующих человека программных агентов, именуемых ботами или социальными ботами (сокр. от software robots) [20], представляющих собой поддельные учетные записи, действия от имени которых в соцсетях управляются специальным программным обеспечением. Эффективность астротурфинга основывается на изначально большем доверии пользователей к таким же «обычным людям», как они сами, чем к потенциально ангажированным СМИ, скрыто преследующим сторонние интересы. И следует отметить, масштабы воздействия астротурфинга и социальных ботов на интернет-аудиторию исключительно велики. По оценкам одной из крупнейших мировых социальных сетей, по состоянию на 2014 год 8,7% (83 млн) зарегистрированных в ней учетных записей не принадлежали реальным пользователям [21]. Согласно исследованию российских авторов, в 2017 году социальная сеть ВКонтакте содержала 41% учётных записей с недостоверной информацией о пользователях [11].

Несомненно, создание ложных учетных записей и управление их действиями в сети производится с определенными целями, направленными в том числе на усиление культурных противоречий и поляризацию их содержания. По мнению американских исследователей, социальные боты могут влиять на политические предпочтения избирателей, котировки ценных бумаг на фондовом рынке, распространение панических настроений во время стихийных бедствий и техногенных катастроф, а также препятствовать реализации государственных задач, создавая в Интернете иллюзию тематического общественного движения или повышая остроту политического дискурса [22].

Современные инфокоммуникационные технологии способствуют формированию новых объективных условий для искажения передачи и восприятия информации, в том числе, по мнению Г. Кехлера, вследствие вероятной девальвации рационального аргумента до эмоциональной реакции, происходящей не только из-за аудиовизуального содержания коммуникации в социальных медиа, но и «благодаря “фактору реального времени”, т.е. огромной скорости распространения контента, не оставляющей достаточного времени на рефлексии» [9, с. 83]. Н. Хомский отмечал, что легкий доступ к любой информации в Интернете и преобладающий в соцсетях обмен сиюминутными краткими сообщениями вместо аргументированного текста стимулируют снижение способности людей к рациональному мышлению: «Измерить степень деградации нельзя, но бьюсь об заклад: именно деградация ныне и происходит» [17].

Согласно П. Вирно, в современной культурной индустрии распространяется так называемая «деятельность без произведения», или «коммуникативная деятельность, которая имеет завершение в самой себе, является характеризующим, центральным и необходимым элементом» [4, с. 61], «коммуникация, ставшая товаром», который «начиная с какого-то момента, затрагивает все секторы индустрии» [4, с. 61–67], может тиражироваться и воспроизводиться, выполняя функции развлечения, убеждения, внушения и т. д.

И в этой же логике интерпретации концепции Ж. Бодрийера ряд исследователей отмечают, что медиа поставляют потребителям, прежде всего, зрелища, где на первый план выступает не достоверность информации, а тот эффект, который она окажет на зрителя [1]. Зритель потребляет образы и знаки, удовлетворяя свое любопытство и чувствуя себя в безопасности. Однако осознание своей пассивной позиции может спровоцировать у людей появление чувства вины, и для разрешения этого противоречия «вмешивается зрелищная драматизация, осуществляемая средствами массовой информации» [2]. Экранные образы, дающие, как кажется зрителю, исчерпывающее представление о внешнем мире, изображают его жестоким и опасным, оправдывая отчужденный от реальности образ жизни и отдавая приоритет спокойствию и защищенности. При этом человек оказывается беззащитен перед огромным количеством беспрепятственно поступающих сведений, уже не просто становясь жертвой экрана, а сам выступая в роли экрана, на который проецируются внешние влияния. Согласно Ж. Бодрийеру, такое бесконтрольное навязывание и бездумное потребление знаков приводит к исчезновению настоящего, уникального мира как такового, ведь он утрачивает и свое содержание, и свою ценность [2]. Медийные образы, симулякры высшего порядка, автономны, самооценны, самодостаточны, и не связаны с референцией – за ними нет никакой «реальности». Более того, образ и есть единственная реальность: «симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального»; «... теперь ключья территории медленно тлели бы на пространстве карты» [3, с. 5–6].

Таким образом, медиатехнологии формируют измененную, альтернативную действительность, способствуя подаче материала в более «зрелищном» аспекте, в сопровождении драматизированных оценок, интерпретаций и прогнозов. «Новости» придумываются, чтобы удивить публику, привлечь внимание. Степень информационного загрязнения в цифровую эпоху достигла беспрецедентного уровня. В оборот

вошел неологизм «fake news» (англ. «ложные новости»), а в журналистике обострилась актуальность «фактчекинга» (проверки достоверности фактов) [7]. Усугубляют ситуацию возникшие в соцсетях феномены, искажающие передачу и восприятие информации вследствие избирательного (персонализированного) действия алгоритмов, опосредующих продвижение контента в зависимости от предпочтений пользователей. Исследователи выделяют «эпистемические пузыри» и «эхо-камеры», определяемые как социальные эпистемологические структуры, сформированные на основе групп единомышленников, в которые не соответствующая их мировоззрению информация не проникает либо активно подавляется и дискредитируется [23]. Также существуют математические подтверждения многократного превосходства скорости и масштабов распространения в социальных сетях ложной информации в сравнении с достоверной [26].

Заключение

Резюмируя изложенное, на наш взгляд, уместно утверждать, что интенсивность образования культурных разрывов в информационную эпоху многократно возросла вследствие технологических, социальных и политических изменений, приводящих к утрате целостности культуры и нарастанию степени ее гетерогенности. Сюда можно отнести рост числа субъектов культуры и обособленных социокультурных общностей, появление их новых «цифровых» форм, расширение культурного пространства за счет глобализационных процессов, появления виртуальной реальности, интерактивного формирования новых культурных «полей», умножение возможностей для индивида выступать в роли субъекта культуры. Особую роль приобретает широкая технологическая доступность изготовления аудиовизуального контента для эмоционального влияния на аудиторию, «расширение» этических рамок коммуникации как результат анонимности и безнаказанности в инфокоммуникационных сетях, нарушения преемственности социокультурного опыта между поколениями. И как следствие негативных эффектов массовой интернет-коммуникации, развития специфических практик деструктивного общения в сети, действий ангажированных анонимных акторов посредством поддельных виртуальных личностей и специальных программных средств, происходит усиление поляризации условий, оснований и содержания культурных противоречий и их абсолютизации. Кроме того, в социальных медиа интенсифицируются масштабы и разнообразие деятельности, связанной с дезинформированием пользователей, информационным загрязнением, культивированием агрессивного поведения и воспроизводством «культуры насилия»,

а также объективно возникающие закономерности искажения передачи и восприятия информации в таких системах, позволяют говорить о возникновении в цифровую эпоху культурных разрывов, основывающихся на искусственно сформированном прерывании единящих культурных оснований, в сочетании с вымышленными либо многократно преувеличенными культурными противоречиями.

Таким образом, исследованные нами особенности культурного разрыва в условиях информационной эпохи позволяют рассматривать данный феномен, как не имеющий зачастую объективных оснований в реальной действительности, как являющийся лишь репрезентацией конструкта, референцией без референта, который, однако, способен в своих конкретных выражениях формировать новую реальность, влияя на отношения между людьми и создавая новые основания для межкультурного антагонизма.

На наш взгляд, следовало бы признать состоявшийся парадигмальный сдвиг, согласно которому фрагментированность культурного пространства доинформационной эпохи, представляющая собой своего рода эрозию онтологических оснований самого широкого спектра, в постсовременную эпоху обретает силами информационных возможностей и цифровых технологий новое квазионтологическое культурное пространство, основанное на репрезентации и самопрезентации конструируемых феноменов, процессов

и состояний, способных формировать культурное пространство без необходимости наличия в нем референтов, внутри которого и оформляется культурный разрыв цифрового общества.

И если мы самым серьезным образом поставим вопрос о путях достижения гармоничного сосуществования людей в условиях современного культурного разнообразия, то необходимая в этом процессе реализация специального комплекса мер в сфере воспитательной и образовательной деятельности, массовых коммуникаций и социальных медиа, сможет быть эффективной только при условии ее формирования с учетом обозначенного выше парадигмального сдвига.

Основываясь на полученных результатах, исследование будет продолжено в направлении определения способов преодоления культурного разрыва в бытии человека с учетом представленных в настоящей работе особенностей культуры информационной эпохи и их влияния на механизмы и динамику формирования исследуемого феномена.

Таким образом, рассмотрение феномена культурного разрыва в предлагаемом ракурсе и представленные в статье результаты дают возможность дальнейшего развернутого исследования в направлении выявления способов его преодоления в бытии человека информационной эпохи в условиях мультикультурализма, глобализации, цифровизации.

Литература

1. Ажимова Л. В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (19). – С. 101–110. – EDN: PZZJYB.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
4. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой, под ред. А. Пензина. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.
5. Джиган О. В. Философские аспекты использования сетевых технологий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (5). – С. 110–115. – С. 114. – EDN: TPCSGJ.
6. Иванов А. В. Портрет неорасиста в системе координат «свой – чужой» в социальных сетях // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 5 (124). – С. 153–158. – EDN: ZSSFSSZ.
7. Калинина Н. В. Фактчекинг в работе современного журналиста и СМИ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 88. – С. 122–124. – EDN: GTRSZY.
8. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.
9. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 4. – С. 75–87. – EDN: QIVPMH.
10. Ключко Е. И. Воздействие Интернета на националистические настроения // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2, № 4–1 (105). – С. 48–53. – EDN: UXZUXX.
11. Мелешкина И. И., Бегичева С. В. Кибербуллинг и астротурфинг как виртуальная агрессия // Современные информационные технологии: проблемы и перспективы развития. Материалы I Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 108–113. – EDN: MYLZEV.

12. Минченко А. Н. Культурный разрыв в контексте медиа и интернет-технологий // После постпозитивизма: материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08–10 сентября 2022 года. – М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. – С. 759–764. – EDN: MRCPAJ.
13. Минченко А. Н. Культурный разрыв: к проблеме определения феномена и его основных признаков // Социум и власть. – 2023. – № 1 (95). – С. 100–108. – <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-100-108>. – EDN: LGVMXW.
14. Мозговая А. О. Провокационные стратегии троллинг и хейтинг в немецкоязычных Интернет-текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (831). – С. 119–131. – EDN: WXCHEE.
15. Прокудин Д. Е. Пределы информационной культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2, № 3–1. – С. 63–70. – EDN: KWPКСР.
16. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
17. Хомский Н. Системы власти. Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи. КоЛибри: 2014. – 256 с.
18. Шалюгина Н. В. Глобализация и культурный плюрализм // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 198–202. – EDN: IWQWPL.
19. Щетинина Е. В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 127–130. – EDN: XRZRML.
20. Ferrara E., et al. (2016) The Rise of Social Bots. *Communications of the ACM*, Vol. 59, No. 7, pp. 96–104. – <https://doi.org/10.1145/2818717>. (In Eng.).
21. Fire M., et al. (2013) Friend or foe? Fake profile identification in online social networks. *Social Network Analysis and Mining*, Vol. 4, No. 1, pp. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13278-014-0194-4>. (In Eng.).
22. Hepp A. (2020) Deep Mediatization. *Publishing house «London: Routledge. Taylor & Francis Group»*, 261 p., pp. 12–15. (In Eng.).
23. Nguyen C. (2018) Echo chambers and epistemic bubbles. *Episteme*, Vol. 17, No. 2, pp. 1–21. – <https://doi.org/10.1017/epi.2018.32>. (In Eng.).
24. Sunstein Cass R. (2009) Going to extremes: how like minds unite and divide. *Oxford: Oxford University Press, Inc.* – 208 p. (In Eng.).
25. Van Krieken R. (2001) Norbert Elias and Process Sociology. *University of Sydney*. Published in: *The Handbook of Social theory*, edited by George Ritzer & Barry Smart, London: Sage, pp. 353–367. (In Eng.).
26. Vosoughi S., Roy D., & Aral S. (2018) The spread of true and false news online. *Science* Vol. 359, No. 6380, pp. 1146–1151. – <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>. (In Eng.).

References

1. Azhimova, L. V. (2012) [Jean Baudrillard on the Phenomenon of Mass Communications in Consumer Society]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nykh Vostokakh* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]. Vol. 3 (19), pp. 101–110. (In Russ.).
2. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury* [Consumer Society. Its Myths and Structures]. Moscow: Respublika; Cultural Revolution, 269 p.
3. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Moscow: POSTUM Publishing House, 240 p. (In Russ., transl. from French).
4. Virno, P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [Grammar of the Multitude: Toward an Analysis of Forms of Modern Life]. M.: OOO Ad Marginem Press, 176 p. (In Russ., transl. from Ital.).
5. Dzhigan, O. V. (2015) [Philosophical aspects of using network technologies]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* [Economic and social-humanitarian studies]. Vol. 1 (5), pp. 110–115. (In Russ.).
6. Ivanov, A. V. (2017) [Portrait of a neo-racist in the «friend or foe» coordinate system in social networks]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. Vol. 5 (124), pp. 153–158. (In Russ.).
7. Kalinina, N. V. (2020) [Fact-checking in the work of a modern journalist and the media]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Amur State University. Series: Humanities]. Vol. 88, pp. 122–124. (In Russ.).
8. Castells, M. (2020) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 591 p.

9. Koehler, G. (2013) [New Social Media: A Chance or an Obstacle to Dialogue?]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Research]. Vol. 4, pp. 75–87. (In Russ.).
10. Klyuchko, E. I. (2014) [The Impact of the Internet on Nationalist Sentiments]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. Vol. 2, No. 4–1 (105), pp. 48–53. (In Russ.).
11. Meleshkina, I. I., Begicheva, S. V. (2017) [Cyberbullying and Astroturfing as Virtual Aggression]. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii: problemy i perspektivy razvitiya. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern Information Technologies: Problems and Prospects of Development. Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference]. pp. 108–113. (In Russ.).
12. Minchenko, A. N. (2022) [Cultural Gap in the Context of Media and Internet Technologies]. *Posle postpozitivizma: materialy Tret'yego Mezhdunarodnogo Kongressa Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki, Saratov, 08–10 sentyabrya 2022 goda* [After Postpositivism: Proceedings of the Third International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Saratov, September 08–10, 2022]. M.: Interregional Public Organization «Russian Society for the History and Philosophy of Science», pp. 759–764. (In Russ.).
13. Minchenko, A. N. (2023) [Cultural Gap: On the Problem of Defining the Phenomenon and Its Main Features]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. Vol. 1 (95), pp. 100–108. – <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-100-108>. (In Russ.).
14. Mozgovaya, A. O. (2020) [Provocative strategies of trolling and hating in German-language Internet texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. Vol. 2 (831), pp. 119–131. (In Russ.).
15. Prokudin, D. E. (2009) [Limits of information culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. Vol. 2, No. 3–1, pp. 63–70. (In Russ.).
16. Reingold, G. (2006) *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya* [Smart Crowd: New Social Revolution]. Moscow: FAIR-PRESS, 2006. – 416 p. (In Russ., transl. from Eng.).
17. Chomsky, N. (2014) *Sistemy vlasti. Besedy o global'nykh demokraticeskikh vosstaniyakh i novykh vyzovakh amerikanskoy imperii* [Systems of Power. Conversations on Global Democratic Uprisings and New Challenges to the American Empire]. KoLibri, 256 p.
18. Shalyutina, N. V. (2007) [Globalization and Cultural Pluralism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]. Vol. 2 (7), pp. 198–202. (In Russ.).
19. Shchetinina, E. V. (2018) [Problems of Developing a Culture of Violence in the Internet Space]. *Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya* [Innovative Development of Professional Education]. Vol. 18, No. 2, pp. 127–130. (In Russ.).
20. Ferrara, E., et al. (2016) The Rise of Social Bots. *Communications of the ACM*, Vol. 59, No. 7, pp. 96–104. – <https://doi.org/10.1145/2818717>. (In Eng.).
21. Fire, M., et al. (2013) Friend or foe? Fake profile identification in online social networks. *Social Network Analysis and Mining*, Vol. 4, No. 1, pp. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13278-014-0194-4>. (In Eng.).
22. Hepp, A. (2020) Deep Mediatization. *Publishing house «London: Routledge. Taylor & Francis Group»*, 261 p., pp. 12–15. (In Eng.).
23. Nguyen, C. (2018) Echo chambers and epistemic bubbles. *Episteme*, Vol. 17, No. 2, pp. 1–21. – <https://doi.org/10.1017/epi.2018.32>. (In Eng.).
24. Sunstein, Cass R. (2009) Going to extremes: how like minds unite and divide. *Oxford: Oxford University Press, Inc.* 208 p. (In Eng.).
25. Van, Krieken R. (2001) Norbert Elias and Process Sociology. University of Sydney. *Published in: The Handbook of Social theory, edited by George Ritzer & Barry Smart, London: Sage*, pp. 353–367. (In Eng.).
26. Vosoughi, S., Roy, D., & Aral S. (2018) The spread of true and false news online. *Science* Vol. 359, No. 6380, pp. 1146–1151. – <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Андрей Николаевич Минченко, выпускник аспирантуры, научная специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

ORCID iD: 0009-0003-2136-5818

e-mail: ma-n@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 03.12.2024; принята в печать: 21.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Andrei Nikolaevich Minchenko, postgraduate student, scientific specialty 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia

ORCID iD: 0009-0003-2136-5818

e-mail: ma-n@bk.ru

The paper was submitted: 03.12.2024.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Я. В. Парусимова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия
e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию практической этики в контексте историко-философской традиции и современных дискуссий. Рассматривается прагматологическая оценка философского знания. Цель статьи – на основании философских дискурсов обратить внимание на возрастающую роль практико-прикладного этического знания во всех сферах жизни и деятельности человека с тем, чтобы утвердить авторскую идею о ценности и значимости практической этики в структуре философского знания. В связи с чем проведён анализ проблемы концептуализации понятий прикладная этика и практическая этика.

Автор прослеживает истоки концепции, начиная с античной этики, которая по Аристотелю имеет двойственный характер; выступает одновременно и как теоретическая и как практическая дисциплина, направленная на формирование добродетельного поведения. Подчеркивается вклад И. Канта, связавшего нравственность с автономией воли и свободой, что закрепило этику в качестве ядра практической философии.

В центре внимания – современные интерпретации практической и прикладной этики в соотношении с теоретическим философским знанием. Анализируются позиции ведущих российских философов, обсуждающих различия между теоретической этикой, изучающей абстрактные моральные принципы, и прикладной этикой, ориентированной на решение конкретных моральных дилемм в профессиональных и социальных контекстах. Особое внимание уделяется роли этики в условиях глобальных вызовов: автор рассматривает её как инструмент формирования ответственного поведения, гражданской ответственности и профессиональной компетентности, направленных на служение на благо общества, отдельных сообществ и граждан в соответствии со спецификой своей профессиональной деятельности, межкультурного диалога и защиты человеческого достоинства.

Статья подчеркивает возрастающую значимость практико-ориентированного этического знания в образовании и профессиональной деятельности, а также его потенциал для преодоления кризисов современности. Делается вывод о том, что практическая философия, сохраняя связь с антично-кантовской традицией, эволюционирует в ответ на запросы общества, интегрируя этические принципы в разнообразные сферы человеческой практики и способствуя устойчивому развитию.

Ключевые слова: практическая этика, прикладная этика, прагматология, свобода, достоинство.

Для цитирования: Парусимова Я. В. Практическая этика в структуре философского знания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 113–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-113>.

Original article

PRACTICAL ETHICS IN THE STRUCTURE OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Ya. V. Parusimova

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia
e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of practical ethics in the context of historical and philosophical tradition and modern discussions. The praxeological assessment of philosophical knowledge is considered. The purpose of the article is to draw attention to the increasing role of practical and applied ethical knowledge in all spheres of human life and activity on the basis of philosophical discourses in order to affirm the author's idea of the value and importance of practical ethics in the structure of philosophical knowledge. In this connection, the analysis of the problem of conceptualization of the concepts of applied ethics and practical ethics is carried out.

The author traces the origins of the concept, starting with ancient ethics, which, according to Aristotle, has a dual character; it acts both as a theoretical and as a practical discipline aimed at the formation of virtuous behavior. The contribution of I. Kant is emphasized, who linked morality with the autonomy of the will and freedom, which consolidated ethics as the core of practical philosophy.

The focus is on modern interpretations of practical and applied ethics in relation to theoretical philosophical knowledge. The positions of leading Russian philosophers are analyzed, discussing the differences between theoretical ethics, which studies abstract moral principles, and applied ethics, which focuses on solving specific moral dilemmas in professional and social contexts. Special attention is paid to the role of ethics in the context of global challenges: the author considers it as a tool for the formation of responsible behavior, civic responsibility and professional competence aimed at serving the benefit of society, individual communities and citizens in accordance with the specifics of their professional activities. intercultural dialogue and protection of human dignity.

The article highlights the increasing importance of practice-oriented ethical knowledge in education and professional activities, as well as its potential to overcome modern crises. It is concluded that practical philosophy, while maintaining its connection with the ancient Kantian tradition, evolves in response to the demands of society, integrating ethical principles into various spheres of human practice and contributing to sustainable development.

Key words: practical ethics, applied ethics, praxeology, freedom, dignity.

Cite as: Parusimova, Ya. V. (2025) [Practical Ethics in the Structure of Philosophical Knowledge]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 113–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-113>.

Введение

Сегодня во многих философских дискурсах звучит праксеологическая оценка философского знания, которая включает в себе идею практически-прикладной ориентации этической мысли и всей философской науки.

Интеграция этических аспектов в жизненные и производственные практики связана с разработкой путей и средств формирования нового образа человека, способного жить в быстроменяющемся гражданском обществе, потребностью общества в специалистах, обладающих не только фундаментальными и профессиональными знаниями, но и высоким уровнем общей культуры и духовности, толерантностью, инициативностью, самостоятельностью мышления, развитой гражданской ответственностью и правовым самосознанием.

В современных реалиях возрастает роль социально-гуманитарного знания в контексте формирования ценностей и мировоззренческих установок, развития этического сознания и ответственности во всех сферах практической деятельности. Ценностно-ориентирующая деятельность пронизывает сегодня как сферы духовного производства, так и социально-преобразовательные и материально-производственные практики: от социально-политической, правовой, научно-познавательной до сфер природопользования, строительства, технического творчества.

Цель статьи – на основании философских дискурсов обратить внимание на возрастающую роль практико-прикладного этического знания во всех сферах жизни и деятельности человека с тем, чтобы утвердить авторскую идею о ценности и значимости пра-

ктической этики в структуре философского знания. В связи с чем проведён анализ проблемы концептуализации понятий прикладная этика и практическая этика. Автором используется аксиологический подход к исследованию, а также метод сравнительного анализа при изучении современных взглядов на соотношение практической и теоретической философии, практической философии и этики, а также практической и прикладной этики.

Философский дискурс о соотношении практической этики и философии

Для начала попробуем ответить на вопрос, что же имеется ввиду под столь популярным и долгоживущим обозначением «практическая философия»? Академик А. А. Гусейнов по этому поводу пишет, что исследователями прошлого и настоящего «практическая философия понималась как человеческая практика, которая в отличие от неотвратимых сил природы имеет дело с произвольными и разнообразными сознательными целями живых индивидов» [5, с. 8].

Характеристика этики как практической философии уходит корнями в античную традицию размежевания трёх областей знания: физики – знания того, что есть, как устроен мир; логики – знания того, как мыслить то, что есть; и этики – знания правил достойного, ведущего к счастью, поведения в мире. С этого момента этика и именовалась практической философией. Основатель этики добродетелей – Аристотель – делил добродетели на дианоэтические – добродетели ума и этические – добродетели характера. Иными словами, добродетели, связанные с интеллектуальной сферой, философ полагал теоретическими. Они от-

ражают созерцательный образ жизни. Те, что сопряжены с нравственной деятельностью человека – практическими. Они организуют политическую жизнь человека. Несмотря на множество этических концепций в истории философской науки, именно Аристотель заложил понимание волевого, деятельностного характера нравственности. Уже на первых страницах «Никомаховой этики» Аристотель указывает на практическую направленность этического знания: «ведь не для того мы рассуждаем, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы стать хорошими людьми: в противном случае наука наша была бы бесполезной» [3, с. 25].

В античности основанием и для логики, и для наук о природе и для нравственности была философия. В последующие эпохи этика начала терять свою автономность, своё философское значение. Так, Средневековая этика была прерогативой теологии, а в Новое время этическое знание становится научно ориентированным. Чтобы подтвердить свой научный статус этике требовалось «дотянуться» до научной рациональности, освоить строгую научную методологию. Детерминанты морального поведения выводились из потребностей, объективных условий, утилитаристских интересов, целесообразности, в общем теряли свои собственные основания. Только И. Кант, по выражению А. А. Гусейнова, не стал «разменивать добродетель на нужду, интересы и выгоду» [5, с. 10]. И. Кант называл нравственность практическим разумом и выводил из последнего принцип автономной воли субъекта, свободного законодателя нравственного закона. Добродетельный поступок проистекает из соблюдения нравственного долга, который есть «моральное принуждение со стороны его законодательствующего разума, поскольку этот разум сам конституируется как сила, исполняющая закон» [9, с. 277]. Таким образом, И. Кант вновь обосновывает античную структуру философского знания. Философствование как умелое владение разумом в формальном смысле, по замечанию А. А. Гусейнова, заключается в логике, а в содержательном «разделяется на физику, выступая как познание законов необходимости, и на этику, выступая как познание законов свободы» [5, с. 11]. Следуя принципу принадлежности человека двум мирам: миру природной необходимости и миру нравственной свободы, И. Кант предложил рассматривать антропологию в двух ракурсах: как «физиологическую» и как «прагматическую». Как известно, первая изучает то, «что делает из человека природа», вторая – то, «что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [8, с. 138]. Таким образом, И. Кант обосновывает нравственную свободу, заключенную в «прагматической», т.е. практиче-

ской философии, как самоопределение человека. По выражению Н. В. Мотрошиловой, И. Кант «вывел на сцену теории нравственности борьбу долга и склонностей» [13, с. 482].

Похожую мысль, о связи философии в её практической части со сферой свободной деятельности высказал В. Н. Порус: «философия жива до тех пор, пока жива проблема свободы». Размышляя о современных трансформациях и новых задачах философии науки как практической части философии, в особенности что касается этоса науки и оснований научного творчества, в статье «К вопросу о междисциплинарности философии науки» В. Н. Порус отмечает, что предмет философии науки вовсе не наука, а сам человек, «осуществляющий свою познавательную деятельность в форме науки», точнее «условия, смысл и формы человеческой свободы в сфере научного познания» [15, с. 67].

Очень интересный вывод делает А. А. Гусейнов, утверждая, что философия сама по себе есть практика жизни. Человек вынужден «действовать сознательно (быть в своем уме), действовать ответственно (отвечать своей жизнью), действовать свободно (по своей воле)» [5, с. 12]. Это не выбор человека, это условие нашего существования как разумных существ. Каждый человек, поскольку он обладает разумом и мыслит, полагает А. А. Гусейнов, является практикующим философом. Даже действуя не осознанно, не целенаправленно, стихийно, человек своими действиями направляет свою жизнь, задаёт ей смысл, обнаруживает свою сущность. Одним только фактом своего активного деятельного существования он даёт ответы на самые глубокомысленные вопросы. Профессиональные философы, в отличие от других лишь пытаются точнее понять и концептуально выразить, в чем заключается практическая философия человека. «Философы не создают практическую философию, она уже дана до них в реальном опыте людей, они лишь познают, осмысливают, пытаются понять ее» [5, с. 16]. При таком широком подходе к практической философии её предметом является «сама практика человеческой жизни, реальная жизнедеятельность людей в той мере, в какой она имеет разумный, сознательный и свободный, характер, или, говоря по-другому, в какой она сама является философской» [6, с. 17].

В статье «Этика как практическая философия» А. А. Гусейнов резюмирует свои рассуждения следующей идеей. Общественная практика сегодня довлеет над человеком, над его индивидуальной практикой и его индивидуальной свободой. Этот Левиафан наравне с природными закономерностями является ещё одной объективной, бездушной, безразличной к индивидуальному человеческому бытию силой.

Объективные законы универсума и социального бытия – это прерогатива науки. Философия не может претендовать на решение подобных вопросов. Поле философии – индивидуальное самосознание. Мы разделяем точку зрения А. А. Гусейнова, что практическая философия сегодня сохраняется в традиционном аристотелевско-кантовом значении – в качестве нравственной философии, т.е. этики. В этом контексте она «тождественна ответственным поступкам живых индивидов» и должна быть «понятой как личностно выраженная добродетель и индивидуально ответственное поведение» [5, с. 21]. Следуя античной традиции, и соглашаясь с оценкой А. А. Гусейнова современного состояния философского знания, практически совпадающего с этическим знанием, мы также разграничиваем теоретическую и практическую этику. В современных этических дискурсах этика в её современном практико-прикладном значении по-прежнему сопряжена с практической философией. В то же время в научных публикациях встречается две дефиниции: практическая этика и прикладная этика.

Философия сегодня развивается, исследуя различные формы человеческой практики. Эти исследовательские области постоянно множатся, во-первых, потому что расширяется поле человеческой деятельности, во-вторых, принципиально меняется сама суть этой деятельности, наконец, претерпевает кардинальные изменения отношение человека к бытию. Появляются всё новые направления исследования практик человеческой деятельности, которые В. К. Шохин назвал «философиями родительного падежа». Философ противопоставляет их так называемой «базовой философии» или «собственно философии», имеющей свой специфический предмет, относя к ней в соответствии с античной традицией гносеологию (=логику), онтологию (=физика) и нормативную философию (=этику). Особенность же «философий родительного падежа» в том, что их «предметности, даны извне», то есть «подразумеваются такие области философии, предметы которых – нефилософского в собственном смысле происхождения» [18, с. 10]. В этом есть сложность, но и перспективность развития как для философии, так и для смежных областей. Для нас значима мысль В. К. Шохина о том, что области «философий родительного падежа» находятся сегодня в состоянии самоопределения, в состоянии «вопросания себя» по причине интенсивного развития смежных областей [18, с. 229].

Дифференциация современного философского знания на практическое и прикладное, как и дифференциация этики на практическую и прикладную является предметом бурного обсуждения как в отечественном, так и в зарубежном философском сообществе

[19]. Приведём несколько точек зрения на этот счёт. Так А. А. Гусейнов обращает внимание, на различия прикладной и практической философии и, соответственно, прикладной и практической этики как по своему предмету, так и по методам и задачам. Практическая философия – это сама по себе философия, «ставшая практикой, бытием свободного разумного живого индивида», добавим, это нравственная философия/ практическая этика. Прикладная философия и прикладная этика, как и те области, что В. К. Шохин назвал «философиями родительного падежа», имеют предметное поле, ограниченное конкретной формой деятельности. Их задача – не решение философских проблем, и не развитие этического знания, а усиления мотивации с целью оптимизации и повышения эффективности работы в соответствующих отраслях. Эти области знания могут быть ближе к практической философии, если их предметное поле ограничено вопросами различных форм общественного сознания, где проявляется свободная воля субъектов (философия права, религии, искусства). Или к теоретической, если, например, предметом является интеллектуальная деятельность (философия науки). Но подобная дифференциация очень спорна и весьма затруднительна. А. А. Гусейнов тем не менее констатирует сближение практической философии с прикладной, даже высказывает точку зрения, что прикладная этика является не просто частью современной этической науки, а новым этапом её развития [7, с. 324]. Причина этого видится ему в том, что философская практика включает теперь не только традиционные области духовного воспроизводства, но и многообразные области предметной деятельности. А. А. Гусейнов придерживается кантовского понимания предмета практической философии, как мира человеческой свободы, в противоположность миру природной необходимости. В отличие от практической философии «прикладная философия перешагивает, нивелирует этот барьер» [5, с. 23]. Ещё одной особенностью является то, что на современном этапе развития человечества все формы деятельности так или иначе сопряжены с решением гуманистических задач, требуют принятия сознательных ответственных решений и потому входят в поле нравственной оценки.

Директор Научно-исследовательского института прикладной этики, В. И. Бакштановский предлагает свой проект «нового освоения» этическим знанием нормативно-ценностных подсистем, «малых систем» и новую «инновационную парадигму прикладной этики». Философ предлагает пересмотреть аристотелевскую установку «этика – есть практическая философия» как непродуктивную в плане проблемы «приложения» этического знания к моральной

практике. Современное развитие образовательных и исследовательских подходов в прикладной этике учитывает двойственную природу данной области: взаимообусловленность моральной практики и теоретического этико-философского знания. Как подчеркивает В. И. Бакштановский, применение этических принципов к жизненным и профессиональным контекстам обозначает «не аппликацию, а конкретизацию в результате морального выбора». Приложение этики есть ее конкретизация в различных социальных сферах, регулирующая разнообразные формы деятельности человека: медицинскую, экологическую, юридическую, правовую, научную, педагогическую, предпринимательскую и т.д. В. И. Бакштановский предлагает отойти от традиционного понимания прикладной этики. Так в современном исследовательском поле он выделяет три основных подхода к пониманию прикладной этики как разновидности практической этики: 1. этика «открытых проблем»; 2. этическая рационализация императивно-ценностного содержания профессиональных и социальных практик; 3. применение этических концепций к частным ситуациям. Автор обосновывает свой четвертый подход, где прикладная этика дифференцируется от практической этики и понимается «как конкретизация морали в «малых» нормативно-ценностных подсистемах и теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения» [4, с. 15]. Новаторская идея заключается в понимании сути прикладной этики как проектно-ориентированной деятельности и разработке конкретных технологий, алгоритмов взаимодействия специалистов-этиков (консультантов, экспертов) с практиками. По мысли тюменского исследователя, в процессе «приложения» нормативно-этического знания к ситуациям реальной жизни происходит дальнейшее развитие этики. В этом автор видит большой потенциал прикладной этики в отличие от практической. В контексте решения моральных дилемм, возникающих в профессиональной деятельности, этическое знание не просто проявляется, оно получает новый импульс для развития. Особенно ценным является то, что сам моральный выбор человека философ расценивает как акт морального творчества [4].

Своеобразный взгляд на проблематику практико-прикладного этического знания отображается в работах Р. Г. Апресяна, где он обращает внимание на принципиальные различия прикладной и философской этики. Предмет прикладной этики, полагает философ,

не сами нормы и ценности, а «способы и формы их моральной субъективации и реализации». В то время как философская этика как теоретическое знание исследует феномены морали «на уровне общих, абстрактных определений» [17, с. 57]. Таким образом, прикладная этика существует, по мнению Р. Г. Апресяна как «теоретически-практическое знание». Различаются они и методологическими подходами. На это обращают внимание многие исследователи. Наиболее успешными в практике решения моральных дилемм, нравственных конфликтов, открытых моральных вопросов исследователи признают использование методик моделирования, ситуационного анализа, метод кейс-стади, проектные работы, консультирование, экспертные оценки [4; 14; 16].

Р. Г. Апресян предлагает использовать понятие «этика» лишь в прикладном практико-ориентированном смысле для различения его от чисто теоретического философского знания и использовать соответственно дефиниции «прикладная этика» и «философия морали». Понимание различных феноменов морали, их изменения происходят в процессе практического применения нормативно-этических принципов, однако их теоретический анализ и систематизация осуществляются в сфере философии морали. Философская этика или, философия морали¹, как предлагает обозначать эту область знания Р. Г. Апресян, по его мнению, не самодостаточна, она соединена различными связями с прикладной этикой, как и с другими социальными и гуманитарными науками, питается ими и в конечном счете в своем развитии невозможна без них [17].

Ещё одна, принципиально иная позиция, была высказана А. М. Положенцевым. Выступая на заседании круглого стола «Прикладная этика: особенности образовательных практик» в Санкт-Петербургском государственном университете, он подверг критике сведение философии к онтологии и гносеологии, а этики к набору нормативных принципов и заявил, что «этика и есть подлинная философия» [16].

О возрастающей на сегодняшний день роли практико-ориентированного этического знания свидетельствует и факт доминирования в вузовском образовании учебных дисциплин и практик этико-прикладного характера на фоне сокращения объемов теоретических курсов философии как на философских направлениях, так и в общем курсе. В целом данная тенденция оценивается положительно: этика становится элементом профессионального образования, и этим ее статус

¹ «Термины «этика» (греч. *ethos*), «мораль» (лат. *mores*), «нравственность» (рус.) приблизительно однотипны по своему этимологическому содержанию и истории возникновения» – цит. по *Этика: учебник для бакалавров / А. А. Гусейнов, А. Г. Гаджикурбанов [и др.]; под общ. ред. А. А. Гусейнова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 569 с. – С. 13.*

повышается [15], через конкретизацию теоретических аспектов этики происходит их развитие и углубление [4], философское знание становится более ориентировано на решение реальных жизненных задач [5], через освоение этико-прикладного практико-ориентированного знания легче и органичнее происходит приобщение обучающихся к теоретическим философским знаниям [16]. В современном образовательном процессе преподавание Прикладной этики становится особенно актуальным в контексте необходимости формирования гражданской ответственности и профессиональной компетентности специалиста, направленных на служение на благо общества, отдельных сообществ и граждан в соответствии со спецификой своей профессиональной деятельности.

В доиндустриальную эпоху в обществе существовало первоначальное единство традиционных моральных нормативов для всех видов деятельности и социальных взаимодействий. В индустриальном обществе мораль приобретает дифференцию. У субъектов экономической деятельности начинают преобладать индивидуалистические интересы над интересами общества, формируется собственный свод профессиональных моральных нормативов, не всегда совпадающий с общественной моралью. Для последующего этапа постиндустриального общества характерна тенденция восстановления этического единства посредством построения социально ответственного поведения в сфере практической деятельности, что составляет предмет прикладной этики. По мнению Р. Г. Апресяна, прикладная этика возникает как ответ на запрос общества оградить его от своеволия субъектов социального действия, которое явилось результатом разрыва между нормативно-ценностными установками традиционной общественной морали и корпоративными, групповыми установками [17].

Идеи данной статьи вызваны собственным эмпирическим опытом автора в процессе преподавания дисциплины «Прикладная этика» для студентов технических и философских специальностей. В решении моральных дилемм обучающиеся оказываются неспособными разрешить противоречия, связанные со столкновением индивидуальных и коллективных, корпоративных и общечеловеческих интересов и ценностей. В ситуациях, предполагающих свободный осознанный выбор, проявляется деформация, неясность иерархии системы ценностей. Такой внутриличностный ценностный конфликт вызван противоречием под влиянием европейских индивидуалистических этических принципов и ценностей российского общества, традиционно направленных на достижение всеобщего блага, на приоритет общих интересов над индивидуальными. Студенческая аудитория, к сожалению,

понимает свободу как возможность делать всё, что хочется. Тем самым приравнивая свободу к произволу. В то время как в условиях современной цивилизации свобода коррелируется с понятиями долга и ответственности. Так, в этике бизнеса на сегодняшний день концепция корпоративной социальной ответственности становится неотъемлемым условием реализации целей устойчивого развития, провозглашенных ООН в 2015 году.

Наиболее актуальная и стремительно развивающаяся область деятельности – область цифровых технологий и искусственного интеллекта – сегодня также находится в поле этического дискурса. Эта новая сфера социального и социально-технического взаимодействия требует большого внимания и большой работы не только в плане технического развития, которая ведётся в рамках «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Но и в плане развития законодательно-нормативной базы, отражающей аксиологические аспекты и систему нравственных оценок в данной области. На разнообразных форумах обсуждается внедрение этики ИИ и И-технологий в приоритетных областях, разрабатывается Кодекс этики ИИ. Этические проблемы, которые ставит перед нами новая цифровая реальность – это дилеммы открытости и защиты информации; справедливости и цифрового неравенства; реализации гражданских прав и свобод и манипулирование общественным мнением; свободы слова и цензуры; реальной и виртуальной идентичности человека. Как видим, на первый план выходят всё те же вопросы ответственного принятия решения, к которым теперь добавляется ответственность за действия искусственного интеллекта. Проблема ответственности в сфере научно-технической деятельности поднимается в трудах Э. Агацци. Философ обращает внимание на нелинейность, спонтанность, непредсказуемость развития как научно-технической сферы, так и всей цивилизации. Сложность прогнозирования будущего состоит в том, что мы пытаемся смоделировать ситуации, не имевшие прецедентов в прошлом. Причиной кризиса современной цивилизации Э. Агацци считает безоглядный сциентизм и техницизм предыдущей эпохи: «Технические науки наделили человечество колоссальной властью, но не сориентировали в том, как воспользоваться ею. Сегодня требуется все больше интеллектуальной энергии и заинтересованности в том, чтобы дополнить технологический и научный прогресс этической, социальной и духовной составляющими» [1, с. 33]. Выход видится в поиске подлинных безусловных ценностных ориентиров, среди которых главными видятся благоразумие и ответственность: «внедрение технологических новшеств является па-

радикальным, а потому требует проявления благородия, которое не совпадает с широким пониманием осторожности, а имеет более глубокое философское значение и оценивается комплексно» [1, с. 33].

Как видим, кантовский подход к этике долга и ответственности остаётся актуальным. В современном обществе в условиях формирования полицентрического мирового порядка он приобрёл новое звучание. Как пишет Н. В. Мотрошилова: с точки зрения И. Канта практическая, то есть нравственная, философия исследует не то, что существует, а то, что должно существовать. «Если теоретический разум призван «определять» предмет и его понятие, которые даны другим путем, то практический разум, по словам Канта, призван «осуществлять», то есть впервые «производить», нравственный «предмет» и его понятия» [13, с. 467]. Для будущих специалистов важно умение совершать обоснованно осознанный выбор при решении профессиональных задач. Для формирования устойчивых мировоззренческих принципов и ответственной нравственной позиции в любой сфере деятельности необходимо учитывать глубину этических универсалий, таких как долг, ответственность, свобода.

Н. Б. Афанасов отмечает, что «теоретическая требовательность практической философии на современном уровне знания может реализовать себя почти что только в академическом пространстве», т.е. только в системе науки и образования [2, с. 9].

Во многих современных этико-философских исследованиях конкретизируется кантовская идея о роли практической философии как руководящего и организующего принципа в решении фактических задач. Как пишет Н. Б. Афанасов: «практическая философия тяготеет к тому, чтобы формы практикофилософского мышления были оттеснены на поверхности общества в качестве постулатов, стали основанием деятельности и руководством по организации общественной жизни» [2, с. 12]. Практическая философия в своих конкретно-исторических формах, по мысли философа представлена как «отношение философии и государства, философии и идеологии, философии и национальной традиции» [2, с. 11].

В современных условиях построения полицентрического мира межкультурный диалог призван обеспечить равновесие между правами человека и правами народа, между межличностными и межнациональными интересами. Формирование нового ценностно-смыслового пространства сегодня осуществляется на основе новой системы наднациональных или транснациональных ценностей [11, с. 113].

Цивилизационные вызовы и глобальные кризисы трансформируют как личностные, так и социальные структуры. С другой стороны, степень вмешательства

человека в самые глубинные структуры бытия столь высока, что само существование человека и мира оказалось под вопросом. Философия включена во всеобщий интеллектуальный поиск выхода из кризиса, поиск способов выживания человека. Философским сообществом в дискурсах разного уровня выдвигается антропологическая идея будущего человека, которую можно обозначить как «проблему человеческого достоинства в антропологическом, социальном, субъективно-личностном смыслах» [12, с. 351]. На протяжении многих лет профессор Г. Г. Коломиец развивает концепцию человеческого достоинства и видит возможность решения данной проблемы в нескольких теоретико-практических направлениях. Во-первых, в антропологическом исследовании возможностей повышения достоинства человека в условиях практического взаимодействия с окружающей средой – социальной, природной, технико-технологической. Во-вторых, в эстетическом понимании человеческого достоинства как «ценностного взаимодействия человека с миром». В-третьих, что важно в рамках нашего исследования, в этическом контексте понимания человеческого достоинства «в качестве абсолютной и всеобщей ценности, содержащей неизменное ядро добродетелей и утверждающей себя в творчески-созидательной деятельности человека в диалоге культур, наций, профессиональных сообществ» [10, с. 772].

Аксиологическими основами практической деятельности выступают базовые этические категории добра, справедливости, ответственности, блага, призванные вести к позитивным социальным изменениям, к созидательному труду на пути устойчивого развития общества. Философская практика не умаляет философской теории, не лишает философию её особого статуса всеобъемлющей науки, а напротив придаёт ей ценность и реализует её главную цель – поиск путей к достойной счастливой жизни человека.

Заключение

Многие вопросы этико-прикладного знания предполагают характер дилемм, в которых человек, выступая как моральный субъект, вынужден принимать решение, сводя к минимуму возможные негативные последствия и действуя сообразно нравственным нормам. Человек сталкивается с дилеммами в ситуации моральной неопределенности, конфликта обязательств. Моральный субъект не может однозначно определить, какие ценности, обязательства и моральные требования окажутся важнее в той или иной ситуации. Возможно ли сделать правильный выбор? Правильный выбор возможен в том случае, если личность обладает истинными нравственными знаниями и убеждениями, сильной волей, способностью поддержи-

вать нравственные отношения и следовать нравственной нормой в любых обстоятельствах.

Особенностью российского менталитета является ориентация на гуманистические, этико-философские ценности. Не смотря на очевидное влияние западноевропейских индивидуалистических ценностей, в российском менталитете преобладают тенденции нацеленности на общую пользу, общественный интерес, взаимопомощь, устойчивые межличностные и межкультурные коммуникативные связи.

Хрупкость и риски современных культурных реалий, связанные с системным кризисом цивилизации, указывают на необходимость выбора новой стратегии мироустройства, на наш взгляд, основанной на этико-гуманистической культурной парадигме. Реализация тех задач, которые поставлены сегодня перед нашим государством, невозможна без философской концеп-

туализации и аксиологической оценки. Приведённые разнообразные точки зрения на соотношение теоретических, прикладных и практических аспектов этико-философского знания подчёркивают актуальность и проблемность обозначенной темы и позволяют утверждать ценность и значимость практической этики в структуре философского знания. Размышления в русле кантовского подхода приводят к выводу, что практическая философия выполняет роль руководящего принципа в решении конкретных задач.

Результаты и выводы данного исследования в том числе могут иметь практическое применение в вузовском образовании. Апробация результатов исследования проведена автором в процессе преподавания общего курса философии и других дисциплин социально-гуманитарного цикла: прикладная этика, профессиональная этика, социокультурная коммуникация.

Литература

1. Агацци Э. Загадки предсказуемости // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. – СПб. : СПбГУП, 2019. – С. 31–35. – EDN: TGDHNA.
2. Афанасов Н. Б. О практической философии в современной академии и за её пределами: теория, общество и государство // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2024. – № 3(51). – С. 5–20. – <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2024-1-3-5-20>.
3. Аристотель. Никомахова этика. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
4. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Т. 1. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007. – 390 с.
5. Гусейнов А. А. Практическая философия: традиция и современные тенденции // Этическая мысль 2023. – Т. 23, № 1. – С. 5–26. – <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-1-5-26>. – EDN: MCVKEN.
6. Гусейнов А. А. Прикладная этика – разве она сама не является практикой? // А. А. Гусейнов Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 320–331.
7. Гусейнов А. А. Этика как практическая философия // А. А. Гусейнов Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 818–829.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант Собрание сочинений в 8-ми томах : Т. 7. – М. : Чоро, 1994. – 495 с.
9. Кант И. Метафизика нравов. – М. : Мир кн., Литература, 2007. – 399 с.
10. Коломиец Г. Г. Антропологическая сущность должностования, ответственности, свободы и достоинства в глобальных переменах транзитивного общества // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Оренбург, 29–30 мая 2019 г. – Оренбург : ОГУ, 2019. – С. 767–774. – EDN: OFYHAW.
11. Коломиец Г. Г. От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 4 (140) – С. 109–113. – EDN: PCETJP.
12. Коломиец Г. Г. Ценность человеческого достоинства в эпоху глобальных перемен современности // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 22–24 мая 2019 г. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 350–352. – EDN: VUBUWP.
13. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – 2-е изд., доп. – М. : Канон+. – 2010. – 487 с.
14. Парусимова Я. В. Актуальные проблемы прикладной этики в современной культуре // Цивилизационные изменения современного мира, образования и человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 18–19 апреля 2024 г.: Оренбург: ОГУ, 2024. – С. 591–595. – EDN: QFMUUZ.
15. Порус В. Н. К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 4, № 2. – С. 54–76. – EDN: NCOURN.

16. Прикладная этика: особенности образовательных практик (круглый стол кафедры этики Санкт-Петербургского университета) // Г. П. Артемов [и др.] // *Этическая мысль*. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 135–157. – <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2022-22-1-135-157>. – EDN: UDRZCT.
17. Философская этика и ее перспективы в современном мире // А. А. Гусейнов [и др.] // *Этическая мысль*. – 2012. – № 12. – С. 5–71. – EDN: PUZTGJ.
18. Шохин В. К. Введение в философию религии: монография. – М.: Инфра-М – 2010. – 288 с. – EDN: SDQQQP
19. Notes on contributors // *Ethics*. – 2022. – Т. 132. – № 3. – С. 757–758. – <https://doi.org/10.1086/718071>. – EDN: AHMZQI.

References

1. Agacci, E. (2019) [The Mysteries of Predictability]. *Mirovoye razvitiye: problemy predskazuyemosti i upravlyayemosti: XIX Mezhdunarodnyye Likhachevskiyе nauchnyye chteniya, 22–24 maya 2019 g.* [World Development: Problems of Predictability and Controllability: XIX International Likhachev Scientific Readings, May 22–24, 2019]. St. Petersburg: Rus. Acad. of Sciences, Congress of the St. Petersburg Intelligentsia of the St. Petersburg Un. of the Human. of Trade Unions, pp. 31–35. (In Russ.).
2. Afanasov, N. B. (2024) [On Practical philosophy in the Modern Academy and beyond: Theory, Society and the State]. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanitarian Bulletin of L.N. Tolstoy TGPU]. Vol. 3(51), pp. 5–20. – <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2024-1-3-5-20>. (In Russ.).
3. Aristotel', (2020) *Nikomahova etika* [Nicomachean ethics]. M.; Berlin: Direkt-Media, 222 p.
4. Bakshtanovskij, V. I. Sogomonov, Yu. V. (2007) *Ojkumena prikladnoj etiki: modeli novogo osvoeniya* [The Ecumene of Applied Ethics: models of new development]. Tyumen: NII PE TyumGNGU, 390 p.
5. Gusejnov, A. A. (2023) [Practical philosophy: tradition and modern trends]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought]. Vol. 23. No. 21, pp. 5–26. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-1-5-26>. (In Russ.).
6. Gusejnov, A. A. (2012) [Applied ethics – isn't it itself a practice?]. *Filosofiya – mysl' i postupok: stat'i, doklady, lekcii, interv'yu* [Philosophy – thought and deed: articles, reports, lectures, interviews]. St. Petersburg: SPbUHSS, pp. 320–331. (In Russ.).
7. Gusejnov, A. A. (2012) [Ethics as a practical philosophy]. *Filosofiya – mysl' i postupok: stat'i, doklady, lekcii, interv'yu* [Philosophy – thought and deed: articles, reports, lectures, interviews]. St. Petersburg: SPbUHSS, pp. 818–829. (In Russ.).
8. Kant, I. (1994) [Anthropology from a pragmatic point of view]. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 volumes]. M: Choro, Vol. 7. 495 p. (In Russ.).
9. Kant, I. (2007) *Metafizika npravov* [The Metaphysics of Morals]. M.: Mir kn., Literatura, 399 p.
10. Kolomic, G. G. (2019) [The Anthropological essence of duty, responsibility, freedom and dignity in the Global Changes of a transitive society]. *Social'no-gumanitarnye innovacii: strategii fundamental'nyh i prikladnyh nauchnyh issledovanij: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem)* [Socio-humanitarian innovations: strategies of fundamental and applied scientific research: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. (from the international participation)]. Orenburg: OSU, pp. 767–774. (In Russ.).
11. Kolomic, G. G. (2012) [From liberal to supranational values in the modern cultural space]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. Vol. 4 (140), pp. 109–113. (In Russ.).
12. Kolomic, G. G. (2019) [The value of human dignity in the era of global modern change]. *Mirovoe razvitiye: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti: XIX Mezhdunarodnyye Likhachevskie nauchnyye chteniya* [World development: problems of predictability and manageability: The XIX International Likhachev Scientific Readings]. St. Petersburg: Rus. Acad. of Sciences, Congress of the St. Petersburg Intelligentsia of the St. Petersburg Un. of the Human. of Trade Unions, pp. 350–352. (In Russ.).
13. Motroshilova, N. V. (2010) *Rozhdeniye i razvitiye filosofskikh idey: istoriko-filosofskie ocherki i portrety* [The birth and development of philosophical ideas: historical and philosophical essays and portraits]. M.: Kanon+, 487 p.
14. Parusimova, Ya. V. (2023) [Actual problems of applied ethics in modern culture]. *Civilizacionnye izmeneniya sovremennoy mira, obrazovaniya i cheloveka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Civilizational changes in the modern world, education and man: proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Orenburg: OSU, pp. 591–595. (In Russ.).
15. Porus, V. N. (2005) [Towards the interdisciplinarity of the philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya*

nauki [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 4. No. 2, pp. 54–76. (In Russ.).

16. Artemov, G. P., et al. (2022) [Applied ethics: features of educational practices (round table of the Ethics Department of St. Petersburg University)] *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought]. Vol. 22. No. 1, pp. 135–157. – <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2022-22-1-135-157>. (In Russ.).

17. Gusejnov, A. A., et al. (2012) [Philosophical ethics and its prospects in the modern world]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought]. Vol. 12, pp. 5–71. (In Russ.).

18. Shohin, V. K. (2010) [Introduction to the Philosophy of Religion] М.: Infra-M, 288 p.

19. Notes on contributors. *Ethics* (2022) Vol. 132. No. 3, pp. 757–758. – <https://doi.org/10.1086/718071>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Яна Викторовна Парусимова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0003-4751-1361

e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.02.2025; принята в печать: 28.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yana Viktorovna Parusimova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities and Technologies, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0003-4751-1361

e-mail: yanaparusimova@mail.ru

The paper was submitted: 25.02.2025.

Accepted for publication: 28.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ГЕНЕЗИС ИДЕИ ЭГОЛОГИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ю. Г. Седов

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Аннотация. Оформление эгологии в качестве особого раздела философии приобретает актуальность в результате расширения сферы самосознания. Она дает возможность разрешить философские проблемы с помощью субъективно-ориентированных исследований. Основы эгологии закладывались благодаря трансцендентальной традиции, берущей свое начало в картезианском подходе, в философии Канта и Гуссерля, а также в трудах русских мыслителей. Целью статьи является рассмотрение генезиса идеи эгологии в русской философии. Для достижения поставленной цели была проведена историко-философская экспликация идеи эгологии на основе интерпретации текстов, в результате чего были достигнуты следующие результаты. Во-первых, в русской философии духовные опыты созерцания подготавливали почву для формирования научных подходов к самопознанию и к проблеме чистого Я. Эти подходы можно условно разделить на два противоположных лагеря. Одни философы склонялись к постижению чистого Я как субстанции, тогда как другие подвергали сомнению не только его субстанциальность, но и необходимость введения такого принципа. Во-вторых, не смотря на скептические вызовы, стала осознаваться потребность детальной разработки концепции чистого Я взамен широко распространенной, но изжившей себя спиритуалистической метафизике субъекта. Осознание этой необходимости впервые было засвидетельствовано в трудах представителей русского неокантианства. Со времени проникновения в Россию феноменологических идей Гуссерля были предприняты первые попытки представить учение о чистом Я в систематической форме. В-третьих, перспективы эгологии были намечены в результате синтеза дескриптивных и диалектических методов познания, позволяющего рассматривать движение чистого Я к самому себе на основе пространственной артикуляции. Однако пространственные структуры самосознания еще недостаточно изучены. Предлагаемые к обсуждению результаты исследования свидетельствуют о том, что в русской философии прослеживается устойчивый интерес к эгологии, ставящей перед собой задачу изучения пространственных структур чистого Я. В первую очередь, феноменов «дистанции» в рефлексии, «центральные» и «периферийные» структуры. Для подробной экспликации основных тем нам потребуется предварительное рассмотрение генезиса идеи эгологии.

Ключевые слова: русская философия, эгология, чистое Я, субстанциальность его, пространственные структуры сознания, раздвоение Я, диалектика.

Для цитирования: Седов Ю. Г. Генезис идеи эгологии в русской философии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 123–131. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-123>.

Original article

GENESIS OF THE IDEA OF EGOLOGY IN RUSSIAN PHILOSOPHY

Yu. G. Sedov

The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Abstract. The formulation of egology as a special section of philosophy is becoming relevant as a result of the expansion of the sphere of self-consciousness. It makes it possible to resolve philosophical problems with the help of subjectively oriented research. The foundations of egology were laid thanks to the transcendental tradition originating in the Cartesian approach, in the philosophy of Kant and Husserl, as well as in the works of Russian thinkers. The purpose of the article is to consider the genesis of the idea of egology in Russian philosophy. To achieve this goal, a historical and philosophical explication of the idea of egology was carried out based on the interpretation of texts, as a result

of which the following results were achieved. Firstly, in Russian philosophy, spiritual experiences of contemplation prepared the ground for the formation of scientific approaches to self-knowledge and the problem of the pure Self. These approaches can be conditionally divided into two opposing camps. Some philosophers were inclined to comprehend the pure Self as a substance, while others questioned not only its substantiality, but also the need to introduce such a principle. Secondly, despite the skeptical challenges, the need for a detailed development of the concept of the pure Self to replace the widespread but obsolete spiritualistic metaphysics of the subject has become apparent. Awareness of this need was first attested to in the works of representatives of Russian neo-Kantianism. Since the penetration of Husserl's phenomenological ideas into Russia, the first attempts were made to present the doctrine of the pure Self in a systematic form. Thirdly, the prospects of egology were outlined as a result of the synthesis of descriptive and dialectical methods of cognition, allowing one to consider the movement of the pure Self toward itself on the basis of spatial articulation. However, the spatial structures of self-consciousness have not yet been sufficiently studied. The results of the study proposed for discussion indicate that in Russian philosophy there is a steady interest in egology, which sets itself the task of studying the spatial structures of the pure Self. First of all, the phenomena of «distance» in reflection, «central» and «peripheral» structures. For a detailed explication of the main themes, we will need a preliminary consideration of the genesis of the idea of egology.

Key words: Russian philosophy, egology, pure I, substantiality of the ego, spatial structures of consciousness, bifurcation of the I, dialectics.

Cite as: Sedov, Yu. G. (2025) [Genesis of the idea of egology in Russian philosophy]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 123–131. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-123>.

Введение

Оформление идеи эгологии в виде специального раздела философии приобретает актуальность в результате возросшего научного интереса к сфере самосознания. Настоящая статья полагает своей целью рассмотреть становление этой идеи, делая акцент на *субъективно-ориентированных* исследованиях. В связи с чем, возникает необходимость рассмотрения основных этапов становления эгологии, ограничиваясь рамками отечественной философии. Для правильного понимания предмета нашего исследования необходимо сделать два предварительных замечания. Во-первых, формирование идеи эгологии не сводится к трансцендентальной традиции, восходящей к философии Канта и его последователей, в частности, Гуссерля, предложившего саму идею *reinen Egologie* [17, р. 87]. Она ведет свое происхождение с древнейших времен и покоится на глубоких онтологических основаниях. Во-вторых, эгологическое направление не связано исключительно с западной традицией, оно имеет специфические и плодотворные интерпретации в восточной философии. В-третьих, результаты предлагаемого историко-философского исследования свидетельствуют о том, что в русской философии прослеживается устойчивый интерес к эгологической проблематике. В настоящее время даже формируется особое эгологическое направление, ставящее своей целью изучение структур самосознания. Основными методами, используемыми в данной работе, являются интерпретация текстов и систематизация эгологических знаний. Они позволят сформировать массив необходимой информации для дальнейших исследований.

Субстанциальная природа чистого Я: pro et contra

Идея чистого Я как субстанции получила первичное оформление в русском лейбницианстве. Исходным пунктом данного направления стал вопрос о правомерности допущения существования деятельности без деятеля? Влиятельный представитель русского лейбницианства Алексей Козлов полагал, что человеческое сознание не исчерпывается восприятиями и в нем присутствует нечто такое, «для кого» они являются. Без соединения разрозненных элементов сознания посредством Я не было бы разума. Только само Я может разделять соединенные элементы сознания или рассматривать их в изолированности. Кроме того, сознающее Я составляет «деятельности», которые имеют собственные продукты. Сознающее Я имеет свое содержание, а это означает, что деятельности относятся к нему так, как атрибуты к субстанции [5, с. 51]. Принимая данное определение, необходимо подчеркнуть, что единство субстанциального Я не следует понимать в виде суммы элементов. Ведь очевидно, что сознающее Я во всех своих проявлениях всегда сохраняет субстанциальное единство обособленных актов и их специфических содержаний.

В русской философии формирование идеи чистого Я нередко сопровождалось критикой. Чистое Я некоторые философы вообще считали иллюзией [3, с. 37]. В подтверждение этого мнения высказывались следующие аргументы. Область действия чистого Я ограничена, она не сопровождает бессознательные состояния обморока и глубокого сна. Чистое Я не содержит в себе ничего, кроме того состояния, которое

в данный момент оно переживает. Конструктивное развитие критики с онтологическими последствиями обнаруживается в сочинениях Владимира Соловьева. Например, в *Чтениях о Богочеловечестве* он затронул вопрос о сущности человеческого Я, с которым были связаны его попытки обретения «безусловного содержания» в лице Бога. Непосредственная связь с творцом стала свидетельством присутствия божественного начала в живом Я и придавала ему безусловную значимость. Используемый термин «безусловность» важен для эгологии в двух его значениях: как способность выходить за рамки конечных свершений и как осознание полноты внутреннего содержания. Оба значения вместе характеризуют безусловное Я в качестве структурного единства, сохраняющего тождество во всех своих возможных изменениях. Личность является носителем этого абсолютного содержания, независимого от материальных условий. Такое содержание Соловьев называет «идеей», исходной определенностью безусловного Я, соединяющего в себе «отрешенность» и «совершенство». Безусловное Я, выступающее в виде *absolutum*, должно определяться как мир идеальных сущностей, как «царство идей». Только здесь появляется возможность говорить об идее чистого Я, которое, чтобы стать идеей, должно отвечать трем необходимым условиям. Во-первых, представлять собой неделимую единицу, быть монадой, во-вторых, действовать и находиться во взаимодействии с другими монадами и, в-третьих, иметь определенное содержание. Последнее условие требует не только объективного отличия идеи Я от всех других идей, но также субъективных различий по своему существованию. Носитель идеи должен иметь собственную действительность и быть автономным центром [13, С. 66–67]. Однако Соловьев относился скептически к утверждению субстанциальности чистого Я, называя его «ипостасью» божественного бытия.

Слабость аргументации Соловьева обнаружилась в полемике со Львом Лопатиным, который последовательно разрабатывал учение о субстанциальности чистого Я. По-видимому, патетика борьбы Соловьева с субстанциальным Я объяснима полемическими целями, которые и определили стиль его сочинений [2, с. 52]. После смерти Соловьева споры о субстанциальности Я возобновились с новой силой. В итоге эти споры дали Лопатину шанс обосновать тезис о субстанциальной природе человеческого самосознания. Фундаментальный принцип его философии, устанавливающий, что нравственная жизнь человека является результатом творческих усилий, а не внешних воздействий, в эгологии должен служить аксиомой, посредством которой утверждалось бы

бесспорное превосходство внутреннего единства личности над властью стихии. Если нам известны явления сознательной жизни, то возникает вопрос, кто в них является. В силу эгологической «аксиомы соотносительности» это существо наглядно воплощается в определенных атрибутах внутреннего опыта, подлежащих изучению. Субстанциальность чистого Я не является философской абстракцией, во всей совокупности своих явлений оно «реально присутствует». Эгологические феномены, следуя друг за другом, не исчезают в «бездне ничтожества», а сохраняются в последующих явлениях, изменив свою форму. Чистое Я удерживает в себе пережитые восприятия и связывает с ними новые переживания, формируя, тем самым, субстанциальное единство. Это наследство, доставшееся от прошлого опыта, изменяет своей текучей природе и приобретает статус субстанциального содержания. Субстанциальная природа чистого Я демонстрировалась Лопатиным с помощью анализа сознания времени. Однако психический синтез выражает также сверхвременные отношения, в которых непосредственно реализуется устойчивое единство нашего Я [8, с. 189]. Во временном процессе сознание обнаруживает нечто такое, что не исчезает, а постоянно переходит к новым моментам.

Таким образом, анализ сознания времени выявляет субстанциальное единство чистого Я, без которого ничто не может войти в наш внутренний опыт. Процесс самосознания возможен только благодаря синтезу преходящих состояний и пребывающего носителя, сохраняющего в себе все предшествующие моменты. Этот носитель реально в них присутствует и составляет содержание каждого из них. Кроме того, такой подход позволяет нам сформулировать концепцию *двойной интенциональности* – направленности сознания на двойкий смысл – на *что* и на *кто*. В предмете всегда фиксируется *какой-нибудь* смысл, который является через состояние, принадлежащее *кому-нибудь*.

Формирование методологических подходов к изучению чистого Я в философии русских неокантианцев

В данном пункте возникают сомнения. В каком значении следует рассматривать чистое Я? Является ли оно второстепенным моментом или же оно обнаруживается в виде субстанциального единства переживаний? И где гарантия того, что в эгологических рассуждениях мы не подставляем на место субстанциального Я нашу эмпирическую индивидуальность? Первую попытку развеять эти сомнения предприняли русские неокантианцы. Ниже предлагается критический анализ самых важных достижений этой философской школы в области эгологии.

Во-первых, Александр Введенский сформулировал закон человеческого сознания [1], устанавливающий, что чистое Я, лишённое содержания, никогда не может быть дано в опыте. Оно существует только вместе с не-Я, в точке их «взаимного противопоставления». И мы, если ставим перед собой задачу систематического изучения чистого Я, тем самым, предполагаем нечто, без чего понимание нашего предмета никоим образом невозможно. А поскольку осознание своего Я всегда отталкивается от противопоставления всему тому, что не есть Я, то мы, разумеется, узнаем о своей самости только опосредованно через не-Я. Следовательно, знание о чистом Я, каковое в принципе достижимо, не является знанием «непосредственным». К сожалению, в рассуждениях Введенского имелся существенный изъян. Он полагал, что чистое Я есть сознание, тогда как на самом деле оно есть самосознание. Здесь мы получаем принципиально иное знание, хотя и связанное с внешними объектами, но с объектами уже модифицированными, уже ставшими «моими» феноменами. Противопоставленное в самосознании не-Я оказывается содержанием чистого Я и может рассматриваться как личное достижение, как интеллектуальная собственность.

Во-вторых, Иван Лапшин попытался преодолеть солипсизм и разрешить проблему «чужого Я». Но возможно ли решить эту проблему с позиции абсолютного имманентизма? Казалось бы, весь мой совокупный опыт формирует представление о духовном мире другого человека. Но это представление есть перенос моей психической жизни на чужое Я, и всё, что я наблюдаю, есть только мое субъективное переживание. Поэтому, чужое Я является гипотетической «конструкцией мысли» и вместо внутренних состояний в чужом Я познаются лишь их непрерывные «подстановки» [6]. Но такой вывод остается на уровне смутных ощущений какой-то «интимной внутренней связи» между отдельными сознаниями. Неудачи в решении проблемы «чужих Я» обусловлены, конечно же, невниманием к связи, которая существует между логикой и диалектикой. Логика настаивает на том, что $A=A$, тогда как диалектика рассматривает невидимый каркас, на котором держится логическое тождество. Сходным образом дело обстоит и в сфере самосознания. Тождество $Я=Я$ является видимым воплощением незримой изменчивости самосознания. В этом текущем потоке становления чистое Я нарушает замкнутость своего тождества с собой, оказывается чуждым самому себе, а затем вновь восстанавливается, возвращаясь к своему единству из раздвоенности.

В-третьих, эгологическая тенденция философского мышления соотносить познание сущего с самопознанием четко прослеживается от древности до наших

дней. Но она еще не проявилась в попытке создания специальной науки о человеческом Я, – полагал Василий Сеземан, заглядывая в будущее. Такое упущение отрицательно сказалось на онтологической стороне проблемы самопознания, уводя ее в дебри спиритуалистической метафизики [12, с. 277].

В-четвертых, благодаря усилиям Георгия Челпанова проблема самосознания пересеклась с темой *восприятия пространства*. Катализатором вопроса об априорности пространства послужили постулаты неевклидовой геометрии о возможности существования пространственных форм, существенно отличающихся от чувственно воспринимаемого мира. С точки зрения трансцендентальной философии важным является вопрос, представимы ли наглядно n -кратные пространства? В случае возможности представления иных пространств возникают сомнения в существовании «неизменных форм сознания». В понятии пространства есть нечто такое, что существенно для всех возможных пространств, для всех мыслимых пространственных форм. Таким существенным признаком является «внеположность». Внеположность пространства не получается в результате воздействия внешнего мира и не выводится из внешнего опыта. Напротив, она создается синтетической деятельностью сознания, устанавливающей определенные отношения между элементами пространства [15, с. 381]. Следовательно, в нас есть нечто, что «аффицируется» внутренним содержанием. Это нечто называется трансцендентальным Я, способным испытывать воздействие от высшего начала внутри самосознания, от внутри нас существующего «трансубъективного» мира.

Вообще говоря, использование пространственных уподоблений при анализе человеческих поступков и самого Я необходимо сделать предметом эгологического анализа. Ведь удачное применение геометрических терминов способно представить результаты исследований достаточно наглядными. Например, произвольные поступки можно уподобить *ломаной линии*, беспорядочно меняющей свое направление, напротив, свободные действия, как плавно отклоняющиеся в разные стороны, более подходят на *кривую*, подчиненную внутренним законам. Произвольные поступки стремятся уйти из-под контроля *по касательной к окружности*. Они могут даже окончательно оторваться от действующего Я, увлекаемые слепой центробежной силой инерции. Напротив, свободные действия притягиваются центростремительной мощью личности, которая не отпускает их от себя, заставляя вращаться *вокруг* действующего Я. Кроме того, существует противоположность предметной и непредметной установки. Предметное познание затрагивает поверхность мира вещей, не проникая в бы-

тие этого мира, но иное дело – непредметное познание Я, которое постигает не только само по себе бытие Я, но *находится в центре* своего бытия.

Систематизация эгологических знаний о чистом Я

Новый этап становления эгологии начинается со времени проникновения в Россию феноменологических идей Гуссерля и их первичной рецепции. Поначалу его идеи воспринимались в русской философской среде с большим энтузиазмом. Однако стремление Гуссерля предварить чистую логику аналитикой сознания вызвало протест, и было расценено как насаждение своеобразного психологизма.

Конструктивную разработку вопроса о чистом Я предложил Густав Шпет, посвятивший данному предмету отдельную работу – *Сознание и его собственник*. В ней был сформулирован своеобразный эгологический парадокс: все возможные Я *схожи* между собой в том, что каждое из них уникально, что одно Я принципиально *отличается* от другого. Указанный парадокс демонстрирует, что чистое Я не может быть сведено к понятию вещи, ибо в нем есть нечто такое, что решительным образом отделяет его от всех других вещей. Чистое Я невозможно понять с помощью обезличивающего обобщения, поскольку оно изначально указывает на *unicum*, на единственное существо в мире. Но в таком случае возникает вопрос: если уникальность Я не допускает никаких обобщений, то можно ли всерьез помышлять об идее Я, не впадая в явное противоречие? Правильному пониманию чистого Я препятствует аристотелевская логика, которая оперирует в сфере рода и вида и не ведает единичности [16, с. 29]. Она исходит из соотношения содержания и объема понятий, но затем забывает об этом принципе и превращается исключительно в логику объема. Другим поводом для пересмотра формальных отношений рода и вида является понятие «типического». На наш взгляд, именно с его помощью обнаруживается трансформация единственности чистого Я в идею. Например, говоря о Сократе, философы заявляют, что в нем воплотилось господствующее для его времени стремление отрицать необходимость познания природы, и проявилась склонность к постижению человеческой души. Следовательно, возникает повод говорить об *идеальном корреляте эмпирического субъекта*, о чистом Я как «носителе» определенного содержания. Данное обстоятельство вынуждает нас к проведению двухсторонних исследований субъективной и объективной направленности – носителя и его содержания.

В систематичной форме учение о чистом Я впервые было представлено в размышлениях Семена Франка о «непостижимом» [14]. Исходным пунктом

его рассуждения выступает «трансцендирование», как сущностная принадлежность непосредственной самости, причем, трансцендирование совершается в противоположных направлениях – *вовне* и *вовнутрь*. Использование пространственной терминологии не является случайным способом выражения эгологической мысли. Пространственные термины хотя и применяются здесь по аналогии, однако без этих аналогий обсуждение проблемы субъективности стало бы весьма затруднительным. Вот лишь некоторые примеры использования пространственных терминов, которые следует рекомендовать в качестве специального предмета исследования:

– в силу того, что чистое Я *ближе* всего, оно остается незаметным, поскольку сознание приковано к внешнему миру;

– чистое Я изображается как сжимающееся в *точку* многообразное живое содержание внутреннего мира личности;

– отношение «Я–Ты» задается с помощью *границы*, а само трансцендирование есть переход за границы субъективности;

– в любви совершается переход с *поверхности* бытия в *глубину*: в таком отношении к Ты заключается то, что само Я обретает «трансубъективную глубину реальности»;

– в отличие от животных человек обладает способностью соблюдать *дистанцию* в отношении себя, и эта способность делает возможным *рефлексивный поворот* взгляда;

– раздвоение Я и его дистанцирование от себя в виде не-Я совершается в форме *возвышения* над собой.

Внутреннее бытие субъективности Франк объявляет открытой потенциальной бесконечностью. Однако этот тезис остается у него нереализованным в силу того, что объективность жизни сознания не подлежит изучению и по существу застревает на уровне декартовского усмотрения очевидности *ego sum*. Между тем, реальные предпосылки эгологического исследования структур чистого сознания здесь все же имеются. Например, указанное раздвоение Я можно рассматривать в виде *первичной структуры*, определяющей целый ряд эгологических образований.

В советское время в русской философии возобладал материализм, который окреп в результате усвоения диалектического метода. Жесткое проведение объективистской точки зрения привело к преуменьшению значимости субъективно-ориентированных исследований. Критика, направленная против субъективного идеализма в философии, не способствовала проработке эгологической проблематики. Между тем, каменистая почва марксистско-ленинской фи-

лософии со временем принесла свои плоды, а критические замечания в адрес феноменологии стали сопровождаться признанием ее частичной оригинальности. В советский период анализом феноменологии сознания занимались многие известные философы. Однако проблемам эгологии не уделялось должного внимания. Это упущение может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, господствовало убеждение, что феноменологический анализ сознания имеет исключительно созерцательный характер. Во-вторых, понимание человеческого сознания в качестве отражения внешнего мира мало способствовало утверждению идеи эгологии. В-третьих, подвергался сомнению сам феноменологический метод интуитивного усмотрения сущности, ибо его научность не могла быть проверена надежным критерием, а вот достигнутые им результаты могли оказаться сплошь субъективными, приводящими к солипсизму.

Дополнительные возможности для исследования идеи эгологии предоставила компаративистика, одной из тем которой было сопоставление двух различных вариантов феноменологии: гуссерлевской и гегелевской. Хотя смыслы этих двух феноменологических подходов существенно различаются, тем не менее, для эгологического исследования лучше всего сосредоточиться на поиске продуктивных точек их соприкосновения, на взаимодополняющем синтезе дескриптивных и диалектических методов. Для эгологии было бы очень полезным совместить структурные феноменологические описания с диалектикой, позволяющей включать в структуры сознательного опыта поступательное движение чистого Я к самому себе. Благодаря такому совмещению создавалась бы реальная возможность постижения изменчивой природы чистого Я, которое есть *становление* абсолютной достоверности. В жанре компаративистики была написана статья Михаила Кисселя *Гегель и Гуссерль*, которая имеет непосредственное отношение к нашей теме. Проводя последовательную аналогию между двумя немецкими философами, он заметил, что на первый взгляд феноменология не имеет под собой никакой субстанциальной опоры, но если расширить ее до «первой философии», то это с необходимостью приведет к точке зрения объективного идеализма [4, с. 66]. Однако вопрос о сущностном родстве эгологии и «первой философии» может быть решен только посредством специального синтеза структур самосознания. Главной темой эгологического исследования является, поэтому, раскрытие универсальной корреляции сознания и предмета, в основании которой лежит диалектическое тождество бытия и мышления. Таким образом, в описании двойственных структур сознания устанавливается *третий* элемент – чистое Я. Эголо-

гическая субъективно ориентированная направленность на «Я-субъект» позволяет отграничить его от текучего потока сознания и сделать самостоятельным предметом исследования.

В последнее время стали появляться конструктивные подходы к пониманию эгологической проблематики. В частности, Виктор Молчанов предложил своеобразную интерпретацию чистого Я, которое не поддается дескрипции и характеризуется как «луч взгляда», находящийся внутри любой познавательной установки. Но тогда возникает вопрос, можно ли сделать чистое Я отдельным предметом, независимым от эмпирических представлений? Мыслимо ли существование эгологического ядра очевидности «я есмь» во всех высказываниях, исходящих от первого лица единственного числа? Поначалу может показаться, что чистое Я есть лишь способ переживания, связанный с кинестетическими ощущениями моего тела в физическом пространстве. Однако язык интерпретации вытесняет аналитический опыт и подталкивает к признанию особого субстанциального «центра сознания». Именно благодаря интерпретации, а не дескрипции появляется чистое Я как необходимое условие «я есмь», как допущение, которого мы не можем миновать. Ясно одно, чистое Я – это допущение. Но может ли вообще какое-либо допущение лежать в основании очевидности? Ведь если выражение «я есмь» признано очевидным положением, то зачем еще допускать существование чистого Я? Вместе с тем, «допущение» чистого Я трансформирует границы опыта в результате вводимого различения между чистым и эмпирическим сознанием. Благодаря такому различению становится ясным, что чистое Я это не апперцепция, связующая представления воедино, а своеобразная интенция сознательного «Я-взгляда», зависящая от различных актов, от восприятия, удовольствия, фантазии и т. д. И получается, что чистое Я всякий раз изменяется от акта к акту, что оно постоянно трансформируется и перестает быть «чистым», независимым от изучаемой предметности [10, с. 377]. Однако следующий отсюда вывод, что чистое Я является совершенно излишним, свидетельствует о непонимании его природы, которая постигается не только с помощью феноменологических дескрипций, но требует также диалектических интерпретаций. Процесс перехода – это не просто акт со своим *имманентным наполнением*, который мы подвергаем анализу, но сам эгологический акт мысли в его непосредственном *живом осуществлении*.

Значимый вклад в построение теории структур самосознания внес Мераб Мамардашвили. Исходным пунктом его размышлений является философское одиночество, когда ты сам, без опоры на внешнее окру-

жение, расспрашивая себя и находясь один на один с миром, делаешь его ясным и вытаскиваешь на свет разума. Но для этого нужна надежная точка опоры во внутреннем мире, освещаемом внутренним светом. Пристальное взглядывание в себя является действием, фиксирующим эгологическую «точку интенсивности» в виде принципа индивидуации и даже в виде «символа Я». Чистое Я, понимаемое в качестве символа, не является частью физического мира, чистое Я есть лишь «переключатель», позволяющий переходить с одного уровня мысли на другой и обратно. С помощью символического состояния сознания вводится «дуальная» структура «пространственной артикуляции». В рамках неклассического философского подхода преодолевается жесткая оппозиция *внутреннего* и *внешнего*, а пространственное отношение вводится *внутрь* мыслящего субъекта. Пространственность делается внутренней структурой самого наблюдателя [11], который уже не имеет референта вне себя и, раздваиваясь, становится самореферентным феноменом сознания. Но вот именно в этом пункте возникают неожиданные проблемы. Что собственно имеют в виду, когда применяют пространственные термины к человеческому сознанию? Сознание как структура представляет собой определенное «пространственное расположение относительно самого себя», более того, само пространство является специфической структурой сознания [9, с. 67]. Все факты сознания человек включает в некую «пространственную сферу». Следовательно, рассуждения о структурах сознания на языке «топологических» понятий, связанных с пространством, подразумевают некую «псевдофизическую» сферу чистого Я – устойчивое и содержательное «место сознания».

Однако эгологическое содержание не приобретает откуда-то извне и не привносится в «пустую» субъективную форму. В начале своего развития чистое Я обладало весьма скромным содержанием, ограниченным Я = Я, но затем этот минимум содержания начинает постепенно расширяться, когда мы понимаем равенство как *различие* полагающего и полагаемого. Стало быть, оставаясь тождественным самому себе, чистое Я выступает и единым, и различным с самим собой началом. Момент различности в чистом Я дает импульс дальнейшему наращиванию эгологического содержания. Ведь оказывается, что при утверждении Я в качестве исходного принципа с необходимостью возникает не-Я, иначе говоря, абсолютное Я порождает свое абсолютное отрицание. По форме это не-Я выступает благодаря деятельности самого Я и значит остается безусловным принципом, тогда как со стороны своего содержания оно оказывается обусловленным «чем-то извне», не зависящим от чистого Я и ему противоположным. Тем самым, чистое Я

само себя истребляет и погружается в небытие, унося с собою трансцендентальную субъективность и всякое самосознание. Однако это небытие самосознания становится результатом самоопределения чистого Я, которое постепенно обрывает новым содержанием, свидетельствующим о «делимости» Я и соответствующего ему не-Я [7, с. 479]. Напротив, абстрагирование от содержания чистого Я запирает нас в субъективности без всякого шанса достичь полноты истины, а субъективизм не позволяет чистому Я развернуть самого себя в некую определенность и осуществить синтез своего содержания. Таким образом, наличие определенного содержания в чистом Я побуждает к развитию этого содержания, основанного на раздвоенности определяющего и определяемого начал.

Основные результаты эгологического исследования

Представленная нами разработка эгологической тематики в русской философии позволяет сформулировать несколько важных выводов.

1. Эгология призвана решать следующие вопросы: что собой представляет чистое Я, как оно функционирует и как становится предметом для самого себя? Естественным антагонистом эгологии выступает эмпирическая философия, которая оставляет в стороне вопрос о «конкретности» чистого Я и связанную с этим вопросом метафизическую проблематику.

2. Утверждение субстанциальной природы чистого Я в трудах русских лейбницианцев дает нам право сформулировать концепцию двойной интенциональности – направленности на объект и на субъект.

3. Методологические усилия неокантианцев, предпринятые для изучения чистого Я, обнажили некритическое использование пространственной терминологии, которую рекомендуется сделать специальным предметом эгологического анализа.

4. При систематизации эгологических знаний широко применяются пространственные термины, которые не являются метафорами, а служат необходимыми средствами обеспечения наглядности эгологических рассуждений. Научная ценность данного исследования состоит именно в том, что оно не ограничивается временными структурами, которые изучались на протяжении многих лет, а обращается к структурам пространственным. Например, рассматривает феномены *дистанции* в рефлексии, *центральные* и *периферийные* структуры.

Заключение

В результате исторического обзора русской философии в контексте изучения чистого Я мы приходим к выводу, что предмет исследования эгологии весьма

обширный. Следует только уточнить, что содержанием эгологии служат два больших класса предметов. Первый класс составляют различные интенциональные объекты, являющиеся целью объективно ориентированных исследований. Тогда как во второй класс попадают структуры самого чистого Я (временные и пространственные), которые должны эксплицироваться уже в рамках субъективно направленных эгологических изысканий. Проведенный нами анализ самых важных работ представителей русской фило-

софии с очевидностью свидетельствует о наличии в отечественной философской мысли ярко выраженной эгологической традиции. Но до сих пор остается не осуществленной конструктивная работа синтеза накопленных знаний. Разрозненные и порой никак не связанные между собой оригинальные эгологические концепции должны, наконец, обрести единство и свое завершение в рамках эгологии, что в дальнейшем позволит удвоить усилия философов и достичь новых результатов в области самопознания.

Литература

1. Введенский А. И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. – М.: Librokom, 2011. – 354 с.
2. Доброхотов А. Л. Эгология Л. М. Лопатина в контексте спора с В. С. Соловьевым // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2020. – № 88. – С. 45–59. – <https://doi.org/10.15382/sturI202088.45-59>. – EDN: ORZYFY.
3. Каринский М. И. Явление и действительность / Антология феноменологической философии в России. Под ред. И. М. Чубарова. – М.: Логос, 1997. – С. 27–58.
4. Киссель М. А. Гегель и Гуссерль // Логос. – 1991. – № 1. – С. 59–67. – EDN: SYFHUP.
5. Козлов А. А. Беседы с петербургским Сократом / Свое слово. – Киев: В. И. Завадский, 1889. – С. 5–109.
6. Лапшин И. И. Опровержение солипсизма / Философские науки. – 1992. – № 3. – С. 18–45.
7. Линьков Е. С. Лекции разных лет по философии. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Умозрение, 2018. – 580 с.
8. Лопатин Л. М. Аксиомы философии. Избранные статьи. – М.: РОССПЭН, 1996. – 560 с.
9. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. – СПб.: Азбука, 2011. – 320 с.
10. Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Территория будущего, 2007. – 456 с.
11. Седов Ю. Г. Эгологическое исследование феномена субъективного пространства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 82–90. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-84>. – EDN: KQKHJJ.
12. Сеземан В. Э. Заметки о проблемах познания: о предметном и не предметном знании / Антология феноменологической философии в России. Под ред. И. М. Чубарова. – М.: Логос, 2000. – С. 269–278.
13. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 3–172.
14. Франк С. Л. Непостижимое. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 423 с.
15. Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. – Киев: Кушнерев, 1904. – 444с.
16. Шпет Г. Г. Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994. – 376 с.
17. Husserl E., Boehm R. (1956) *Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte*. Den Haag: MartinusNijhoff. – 468 p.

References

1. Vvedensky, A. I. (2011) *Opyt postroyeniya teorii materii na printsipakh kriticheskoy filosofii* [An attempt to construct a theory of matter based on the principles of critical philosophy]. M.: Librokom, 354 p.
2. Dobrokhотов, A. L. (2020) [Egology of L. M. Lopatin in the context of the dispute with V. S. Soloviev]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies]. Vol. 88, pp. 45–59. – <https://doi.org/10.15382/sturI202088.45-59>. (In Russ.).
3. Karinsky, M. I. (1997) [Phenomenon and Reality]. *Antologiya fenomenologicheskoy filosofii v Rossii. Pod red. I. M. Chubarova* [Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia]. Ed. by I. M. Chubarov. M.: Logos, pp. 27–58. (In Russ.).
4. Kissel, M. A. (1991) [Hegel and Husserl]. *Logos* [Logos]. Vol. 1, pp. 59–67. (In Russ.).
5. Kozlov, A. A. (1889) [Conversations with the St. Petersburg Socrates]. *Svoye slovo* [Your word]. Kyiv: V. I. Zavadsky, pp. 5–109. (In Russ.).

6. Lapshin, I. I. (1992) [Refutation of Solipsism]. *Filosofskiye nauki* [Philosophical Sciences]. Vol. 3, pp. 18–45. (In Russ.).
7. Linkov, E. S. (2018) *Lektsii raznykh let po filosofii* [Lectures on Philosophy from Different Years]. Vol. 1. 2nd ed., corrected. and add. St. Petersburg: Umozrenie, 580 p.
8. Lopatin, L. M. (1996) *Aksiomy filosofii. Izbrannyye stat'i* [Axioms of Philosophy. Selected articles]. M.: ROSSPEN, 560 p.
9. Mamardashvili, M. K., Pyatigorsky, A. M. (2011) *Simvol i soznaniye* [Symbol and consciousness]. SPb.: Althabet, 320 p.
10. Molchanov, V. I. (2007) *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya* [Studies in the phenomenology of consciousness]. M.: Territory of the Future, 456 p.
11. Sedov, Yu.G. (2023) [Egological study of the phenomenon of subjective space]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 82–90. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-84>. (In Russ.).
12. Sesemann, V. E. (2000) [Notes on the Problems of Cognition: On Object and Non-Object Knowledge]. *Antologiya fenomenologicheskoy filosofii v Rossii* [Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia]. M.: Logos, pp. 269–278. (In Russ.).
13. Soloviev, V. S. (1989) *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings on God-Manhood]. Works in 2 volumes. Vol. 2. M.: Truth, 1989, pp. 3–172. (In Russ.).
14. Frank, S. L. (2017) *Nepostizhimoye* [Incomprehensible]. M.; Berlin: Direct-Media, 423 p.
15. Chelpanov, G. I. (1904) *Problema vospriyatiya prostranstva v svyazi s ucheniyem ob apriornosti i vrozhdennosti* [The Problem of Perception of Space in Connection with the Doctrine of Apriority and Innateness]. Kyiv: Kushnerev, 444 p.
16. Shpet, G. G. (1994) *Filosofskiye etyudy* [Philosophical Etudes]. M.: Progress, 376 p.
17. Husserl, E., Boehm, R. (1956) *First Philosophy (1923/24). First Text. Critical Thoughts*. The Hague: *Martinus Nijhoff*, 468 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Юрий Григорьевич Седов, кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия
ORCID iD: 0000-0003-4212-7555
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025; принята в печать: 21.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yuri Grigor'evich Sedov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Management of Social and Economic Processes, The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia
ORCID iD: 0000-0003-4212-7555
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

The paper was submitted: 15.01.2025.

Accepted for publication: 21.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т. е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

УДК. На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

Название статьи (на русском и английском языках). Название статьи должно быть однозначным, понятным специалистам в других областях, и отражать содержание статьи. Редакция просит не использовать в названии статьи аббревиатуры, вопросительные и восклицательные предложения, а также не формулировать название статьи в виде двух предложений.

Информацию об авторах (на русском и английском языках), включающую в себя следующие сведения по каждому автору:

- фамилия, имя, отчество;
- место работы (название организации согласно уставу);
- город, страна;
- контактный электронный адрес.

Аннотацию (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. Для большинства читателей она будет главным источником информации о представленном исследовании.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость (при наличии), направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Вся информация, содержащаяся в аннотации, должна быть раскрыта в основном тексте статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

Благодарности (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

Основной текст статьи. Принимаются статьи на русском и английском языках. Объем текста статьи без библиографического списка должен составлять не более 20 страниц авторского текста, оформленного в соответствии с техническими требованиями журнала.

Основной текст статьи излагается *в следующей последовательности*:

Введение. Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

Заголовки структурных частей статьи. Здесь описывается суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования. Желательно наличие раздела «Методы», содержащего описание того, как было проведено исследование. Следует изложить все факторы, которые могли повлиять на результаты исследования.

Результаты исследования (или иной заголовок). Данный раздел статьи должен содержать описание полученных результатов исследования и их интерпретацию.

Заключение. Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы. Ранее опубликованные результаты не должны включаться в этот раздел статьи.

Литература (References). Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15–17 научных источников. В данный раздел могут быть включены следующие типы источников:

- статьи в научных *рецензируемых* журналах;
- статьи в *рецензируемых* сборниках трудов конференций;
- книги (кроме учебной и справочной литературы);
- монографии;
- патенты.

Не рекомендуется включать источники из малотиражных изданий (сборников статей, трудов конференций, монографий), не доступных для ознакомления онлайн, российских журналов, не входящих в РИНЦ или исключенных из РИНЦ.

Ссылки на правовые акты, справочные и статистические материалы, информационные и аналитические материалы сайтов необходимо оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов (не менее 30%), а также работ, изданных за последние 5 лет.

Прямое библиографическое самоцитирование (процент работ авторов в общем списке источников) не должно превышать 20%.

Литература приводится в алфавитном порядке, иностранные источники размещаются в конце библиографического списка также в алфавитном порядке.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008. Примеры оформления библиографических ссылок.

Для оформления **References** используется система Harvard system of referencing. Правила и примеры оформления.

На все источники должны быть ссылки в тексте статьи в квадратных скобках. Например, [5] или [9, с. 14], т. е. указывается номер источника в списке литературы или номер источника в списке литературы и номер страницы в этом источнике.

Аффилиация авторов (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

Вклад соавторов (при наличии авторского коллектива).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx. Для всех частей статьи должны выполняться следующие технические требования:

- шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt;
- межстрочный интервал – 1,5 строки;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- выравнивание текста: по ширине;
- автоматическая расстановка переносов должна быть выключена;
- поля: левое – 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см.

Формулы и символы помещаются в тексте статьи, используется редактор формул Microsoft Equation.

Таблицы. Все таблицы, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается перед таблицей.

Формат названия таблицы:

Таблица <номер>. <Название без использования аббревиатуры>.

Под таблицей должно быть указано их авторство (источник). Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все таблицы.

Внутри таблицы допускается размер шрифта 12 pt (гарнитура Times New Roman)

Рисунки. Все рисунки, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается под рисунком.

Формат названия рисунка:

Рисунок<номер>. <Название без использования аббревиатуры>

После названия рисунка должно быть указано авторство (источник) этого рисунка. Рекомендуемый формат:

- источник: разработано автором;
- источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все рисунки.

Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены шрифтом Times New Roman, допускается размер шрифта 12 pt.

Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы.

Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.

Подстрочные библиографические ссылки оформляются на основе использования команды MS Word «Ссылки / Вставить сноску».

**BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE,
SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL**

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following **journal headings** are accepted for publication:

Economic sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical sciences

The subject of the articles is topical issues in the field of ontology and the theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following **elements**:

UDC. On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

The title of the article (in English and Russian). The title of the article should be unambiguous, understandable to specialists in other fields, and reflect the content of the article. The editorial board asks not to use abbreviations, interrogative and exclamation sentences in the title of the article, and also not to formulate the title of the article in the form of two sentences.

Information about the authors (in English and Russian). including the following information for each author:

- full name;
- place of work (name of the organization according to the charter);
- city, country;
- contact email address.

Abstract (in English and Russian). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. For most readers, it will be the main source of information about the presented research. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

All information contained in the abstract should be disclosed in the main text of the article.

Key words (in English and Russian). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

Acknowledgments (in English and Russian). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

The main text of the article. Articles in Russian and English are accepted. The volume of the text of the article without a bibliographic list should be to 20 pages of the author's text, designed in accordance with the technical requirements of the journal.

The main text of the article is presented in the *following sequence*:

Introduction. This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

Headings of the structural parts of the article. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its elaboration in modern science, the methodological apparatus and (or) the methodological tools of the research carried out. It is desirable to have a section "Methods" containing a description of how the study was carried out. All factors that could influence the results of the study should be stated.

Research results (or another title). This section of the article should contain a description of the obtained research results and their interpretation.

Conclusion. Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

Previously published results should not be included in this section of the article.

References. The list of references should contain, as a rule, at least 15–17 scientific sources. The following types of sources can be included in this section:

- articles in scientific peer-reviewed journals;
- articles in peer-reviewed conference proceedings;
- books (except educational and reference literature);
- monographs;
- patents.

It is not recommended to include sources from small-circulation publications (collections of articles, conference proceedings, monographs) that are not available for online review, Russian journals that are not included in the RSCI or excluded from the RSCI.

References to legal acts, reference and statistical materials, informational and analytical materials of websites should be made in the form of subscribed bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. These are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, (at least 30%) as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5–2008. Examples of the design of bibliographic references.

Direct bibliographic self-citation (percentage of authors' works in the general list of sources) should not exceed 20%.

The literature is given in alphabetical order, foreign sources are placed at the end of the bibliographic list also in alphabetical order.

The Harvard system of referencing is used for the design of References. Rules and examples of registration.

All sources should be referenced in the text of the article in square brackets. For example, [5] or [9, p. 14], i. e. the number of the source in the list of references or the number of the source in the list of references and the page number in this source is indicated.

Affiliation of authors (in English and Russian). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

Contribution of co-authors (the section is filled in if there is a group of authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material must be typed in a Microsoft Word text editor in the format *.doc or *.docx. The following technical requirements must be met for all parts of the article:

- font: Times New Roman typeface, 14 pt;
- line spacing – 1.5 lines;
- paragraph indentation – 1.25 cm.;
- text alignment: width;
- automatic hyphenation should be turned off;
- margins: left – 2 cm, right – 2 cm, top – 2 cm, bottom – 2 cm.

Formulas and symbols are placed in the text of the article, the Microsoft Equation formula editor is used.

Tables. All tables found in the text of the article should be numbered and have a name that is located in front of the table.

Format

of the table name: Table <number>. <Name without using an abbreviation>.

Their authorship (source) should be indicated under the table. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all tables.

A font size of 12 pt (Times New Roman typeface) is allowed inside the table

Drawings. All figures found in the text of the article should be numbered and have a name that is located under the figure.

Format of the picture title:

Figure<number>. <Name without using an abbreviation>

After the name of the drawing, the authorship (source) of this drawing should be indicated. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all the drawings.

All explication (captions) in the picture field must be made in Times New Roman font, font size 12 pt is allowed

Scanned graphs, tables, and diagrams are not allowed.

The photos presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi.

Subscript bibliographic references are formed on the basis of using the MS Word command «Links / Insert footnote».

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 2, 2025

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректурa – Е. Д. Денисова
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 31.03.2025. Дата выхода в свет 30.04.2025.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,04. Усл. изд. л. 13,78. Тираж 500. Заказ № 16.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфический комплекс «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru